

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Цечоев Ахмед Якубович

**ИНГУШИ В XVIII – XIX ВВ.: ВХОЖДЕНИЕ И ИНТЕГРАЦИЯ В
СОСТАВ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА**

Специальность 5.6.1. Отечественная история

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
Колосовская Татьяна Александровна,
доктор исторических наук, доцент

Ставрополь – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
 Глава I. Политическое вхождение ингушей в состав России (XVIII – первая половина XIX в.).....	31
1.1. Исторический экскурс: этногенез ингушей в контексте вхождения в состав России	31
1.2. Северный Кавказ как объект большой региональной геополитики.....	49
1.3. Ингуши в кавказской политике России второй половины XVIII в. – первой половины XIX в.....	64
 Глава II. Социальная и экономическая интеграция ингушей в состав России в XIX в.	84
2.1. Экономика ингушей в контексте интеграционных процессов.....	84
2.2. Традиционная модель социальных отношений и ее изменение в условиях российской интеграции	107
 Глава III. Изменение повседневной жизни ингушей в условиях российской модернизации XIX в.	129
3.1. Трансформация семейных практик и общественных норм ингушей под влиянием интеграционных процессов.....	129
3.2. Религиозные представления ингушей и их изменения в контексте вхождения в состав России	146
 Заключение.....	170
Список источников и литературы	180
Список сокращений	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Тема расширения и укрепления Российского государства в контексте присоединения территорий и народов Северного Кавказа в XVIII – XIX вв. является в отечественной историографии одной из приоритетных. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена прежде всего тем, что реконструкция и научный анализ истории вхождения и интеграции ингушей в состав России способствует пониманию проблем расширения российской государственности и формирования российской идентичности у народов Северного Кавказа.

Тема настоящего исследования тем более актуальна, что в рассматриваемый период Северо-Кавказский регион выступал объектом территориальных притязаний со стороны трех значимых геополитических акторов — Российской империи, Персии и Османской империи. Несмотря на относительную малочисленность этноса и ограниченность ареала расселения, ингуши, наряду с иными коренными этносами региона, оказывали существенное влияние на формирование политической обстановки на Северном Кавказе — причем позиция каждого из местных народов выступала значимым фактором, определявшим историческую траекторию развития региона и его вхождение в состав того или иного государственного образования.

В условиях нарастающего исследовательского интереса со стороны региональных ученых к созданию фундаментальных трудов по национальной истории, обращение к данной проблематике приобретает не только практическую, но и существенную научную актуальность. От исторического выбора каждого народа зависела его социально-экономическая и культурная перспектива. Объективный анализ интеграционных процессов на Северном Кавказе на примере ингушей позволяет показать, как путь развития самого ингушского этноса в обозначенных хронологических рамках, так и помогает выявить особенности становления Российского государства на основе единства и свободного волеизъявления народов региона.

Актуальность темы вхождении и интеграции ингушей в состав России обусловлена в том числе тем, что на основе ее разработки возможно понять многие аспекты взаимодействия империи с народами Северного Кавказа, выявить причинно-следственную динамику такого взаимодействия и на конкретном историческом материале показать его позитивный опыт. Как справедливо подчеркивал академик Ю.А. Поляков, «развитие в составе единого государства открывало для горцев ряд преимуществ и несмотря на многочисленные трудности и конфликты доминантой межнациональных отношений в регионах было дружеское, практическое сотрудничество»¹.

Необходимо также принимать во внимание, что реконструкция и научно обоснованная интерпретация истории народов региона выступают значимым фактором формирования общественного мнения и российской идентичности в рамках мультикультурного сообщества — при опоре на принципы научной объективности. В этом также заключается существенная актуальность темы диссертации.

Исследование позволит познать противоречивость и многоаспектность интеграционных процессов, когда самобытная культура ингушей, которая прежде веками развивалась вне российского культурного контекста, в относительно короткие хронологические рамки прошла путь интеграции в российское политическое, экономическое и социокультурное пространство. Как показала практика, этот путь оказался исторически выверенным и оптимальным для самосохранения и культурного прогресса этноса.

Объектом исследования настоящей работы является история ингушей как одного из народов Северного Кавказа, развитие которого оказалось тесно связанным с историей территориального расширения Российского государства.

Предметом исследования выступают процессы вхождения и интеграции ингушей в состав Российской империи, рассматриваемые посредством детального анализа ключевых аспектов их проявления — политического,

¹ Цит. по: Бугаев А.М. Академик Ю.А. Поляков: значение научного наследия в свете современных проблем кавказоведения // Гуманитарий юга России. 2015. №. 1. С. 166.

социального, экономического, бытового (включая уклад повседневной жизни и систему внутрисемейных отношений), а также религиозного.

Степень разработанности проблемы наглядно представляет анализ ее историографии, который целесообразно дифференцировать в хронологической последовательности на три периода: а) дореволюционный; б) советский; и в) постсоветский и современный. Такая дифференциация обусловлена особыми подходами к разработке темы в разные исторические эпохи, что подтверждается современными исследованиями по историографии проблемы российско-ингушского взаимодействия².

А) Дореволюционный период. Следует отметить, что материалы и разработки по истории ингушей до революции 1917 г. сохранились разнохарактерные и в достаточном количестве. Многие аспекты темы вхождения и интеграции ингушей в состав России в XIX в. в разной степени становились объектом научного интереса отечественных исследователей.

Среди хронологически наиболее ранних материалов по теме — публикации российских авторов-современников описываемых событий; к их числу относятся, в частности, работы И.А. Гильденштедта³ (1745–1781). Труды современника событий позволяют реконструировать образ жизни и тенденцию развития социальных отношений местных народов и, в частности, ингушей.

Значительный вклад в изучение народов Северного Кавказа, в том числе ингушей, внес С.М. Броневский⁴, в труде которого содержатся примечательные сведения относительно взаимоотношений ингушей с соседними народами, в частности кабардинцами и аксаевскими кумыками. Анализ сведений, представленных в работе автора, позволяет акцентировать внимание на

² См. об этом: Картоев М.М. К историографии вопроса инкорпорации Ингушетии в состав Российского государства // Электронный журнал «Кавказология». 2026. № 1. С. 144 – 164.

³ Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа 1770–1774 гг. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1809. 386 с.; Он же. Путешествие по Кавказу в 1770–1773 гг. Репринтное издание. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2002. 512 с.

⁴ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х частях, Москва, Типография С. Селивановского, 1823. Часть I. 385 с.; Часть II. 485 с.

комплексе проблем, связанных с геополитической стратегией Российской империи на Кавказе в эпоху рубежа XVIII–XIX веков.

В трудах другого исследователя – П.Г. Буткова⁵ – раскрываются суть и содержание проблем геополитических взаимоотношений на Кавказе, а также содержатся сведения, позволяющие реконструировать отношение Российского правительства к народам Северного Кавказа и отслеживать их центростремительную тенденцию.

Заслуги А.П. Берже в историческом кавказоведении значительны. Наряду с тем, что он являлся главным редактором грандиозного проекта по опубликованию документов из архива Главного управления кавказского наместника, А.П. Берже также подготовил серию работ по истории и этнографии Кавказа⁶. Их изучение способствует пониманию важных аспектов жизни и хозяйственно-экономической деятельности ингушей, в том числе обусловленных вхождением и интеграцией в состав России.

Примечательные сведения относительно изучаемой темы содержатся в известной работе Г.Э. Алкадари⁷. В частности, в труде представлено достаточно много сведений о характере притязаний Ирана на территорию Северного Кавказа и на приморский Дагестан. Общей особенностью трудов указанных авторов является то, что они носят больше описательный, нарративный характер, чем аналитический.

Одним из первых исследователей, который посвятил свою творческую деятельность научному изучению непосредственно истории ингушей, стал Н.Ф. Грабовский⁸. Его труды активно публиковались в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (далее – ССКГ). Значимость работ Н.Ф. Грабовского

⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. В 3-х частях. Санкт-Петербург, Типография Императорской академии наук, 1869. Ч. I. 548 с.; Ч. III. 328 с.

⁶ Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. Санкт-Петербург, Типография брат. Пантелеевых, 1879. 36 с.

⁷ Алкадари Г.Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, Издательство «Терек» 1929. 184 с.

⁸ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Вып. III. Тифлис, 1870. С. 1 – 25; Он же. Ингуши (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 1 – 125.

заключается в том, что в них значительное внимание уделяется социально-экономическим проблемам ингушей и их интеграции в состав России по договору 1810 г. Его заслугой является также публикация полного текста акта договора с ингушами от 1810 г.

Из трудов эпохи второй половины XIX в. значительную научную ценность для проведения исследования представляют работы известного кавказоведа и лингвиста П.К. Услара, а также его учеников Чах Ахриева⁹ и У. Лаудаева¹⁰. Труды представителей местной интеллигенции носят нарративный характер, составлены с опорой на устный фольклор, отражают ментальные особенности местных народов и позволяют интерпретировать факты и события с позиций и в контексте мировоззрения носителей культуры.

Ко второй половине XIX в. относится научное творчество Г.А. Вертепова и И. Пантюхова¹¹. Значительное место Г.А. Вертепов в своих трудах уделил сословным отношениям, вероисповеданию и, в частности, распространению ислама среди ингушей. Однако автор приходит к некорректному выводу о сословном равноправии народа — подобная позиция соответствовала духу эпохи и прослеживается также у ряда других исследователей того времени. Более объективное, документально обоснованное и сравнительно-сопоставительное представление о сословных отношениях у народов Северного Кавказа во второй половине XIX века дает анонимный документальный очерк, опубликованный в «Сборнике сведений о кавказских горцах» (ССКГ) за 1868 год¹².

При анализе исследовательских работ XIX века необходимо сохранять критическую дистанцию в отношении содержащихся в них трактовок социально-экономических процессов: когнитивные и методологические ресурсы современного ученого, сформированные в условиях существенного интеллектуального прогресса, позволяют осуществлять осмысление

⁹ Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 1 – 25.

¹⁰ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 1 – 27.

¹¹ Вертепов Г.А., Пантюхов И. Сказания об ингушах. Майкоп: «Тешам», 1991. 72 с.

¹² Освобождение зависимых сословий во всех округах Терского области // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 1 – 41.

исторических реалий на качественно ином уровне по сравнению с авторами той эпохи.

Необходимо учитывать, что авторами очерков зачастую являлись российские офицеры и гражданские чиновники без специального образования в области социально-экономических вопросов, вследствие чего их сведения и интерпретации в отдельных случаях носят противоречивый, бессистемный характер. Присущее им умаление социально-экономической дифференциации, характерной для традиционного ингушского общества, объясняется стремлением оставаться в рамках имперского дискурса о горских народах. При этом современная наука исходит из положения, что без социальной дифференциации и стратификации общественный прогресс невозможен.

К переходному периоду от дореволюционного к советскому относится научное творчество Б.К. Далгат, который внес значительный вклад в научное исследование ингушского и чеченского этноса¹³. Значительное место в исследованиях автор уделяет изучению процесса становления и формирования этноса накануне и в период вхождения в состав России. Пристальное внимание автор уделяет нормам обычного права у чеченцев и ингушей. Однако в его трудах можно заметить некоторые с современной точки зрения некорректные позиции. Так, под обычным правом (адатом) Б.К. Далгат понимает бытовые правила поведения у ингушей, а не юридические нормы, как это имеет место у других народов Северного Кавказа. Следует отметить, что М.А. Агларов под обычным правом (адатом) понимает «три категории из юридического быта, различаемые современной теорией: нормативы «этнографического бытового» характера, юридические обычаи и сами нормы права»¹⁴.

¹³ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей (Исследование и материалы 1892 – 1894 гг.). Москва: ИМЛИ РАН 2008. 392 с.; Он же. Материалы по обычному праву ингушей // Известия Ингушского Научно-Исследовательского Института Краеведения. Вып. 2–3. Владикавказ, 1930. С. 301 – 364.

¹⁴ Агларов М.А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса). 2-е издание, дополненное. Махачкала: Типография М-М. Мавраева, 2014. С. 188.

Согласно трактовке Л.Т. Агиевой, «в Ингушетии адат имел тройное значение: обычая, живущего в народном предании, способа разбирательства судебных дел и наконец, закона, действующего в определенной местности»¹⁵. Данная интерпретация в определенной степени коррелирует с позицией М.А. Агларова в отношении сущности норм обычного права (адата).

При абстрагировании от отдельных нюансов подобного рода труды Б.К. Далгата сохраняют научную актуальность и представляют собой значимый вклад в историческое изучение чеченского и ингушского народов.

Примечательно, что труды первых авторов по ингушам носят информативный, нарративный характер и содержат ценные сведения для аналитических обобщений последующих исследователей.

Б) Советский период. Хронологически к числу значимых исследований начала советского периода относится труд профессора Н.Ф. Яковлева¹⁶, в котором акцентируется внимание на анализе специфики семейного и общественного быта ингушей в XIX в. с экскурсом в более ранний период. Значительное внимание в работе автор обращает на трансформацию таких аспектов общественной жизни, как система правосудия, кровная месть и методы примирения при кровной вражде, общественное мировоззрение и религиозные представления ингушей в рамках интеграции в состав России в XIX в. Труд также позволяет посредством ретроспекции реконструировать более раннюю историю народа, в том числе относительно инкультурации в состав России.

Однако следует отметить, что отдельные положения по кровной мести и методам примирения Н.Ф. Яковлев заимствовал из трудов Н.Ф. Грабовского. Они дублируются буквально, например, обряд побратимства при разрешении конфликта по кровной вражде.

В советский период в контексте национально-государственного строительства СССР тема взаимоотношений ингушей с Российским

¹⁵ Агиева Л.Т. Из ингушского обычного права // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2016. № 2. С. 73.

¹⁶ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград, 1925. 136 с.

государством обрела особую актуальность. Наиболее значимым по разрабатываемой теме в данный период является исследование Е.Н. Кушевой¹⁷.

Известно, что развитие исторической науки в советский период происходило в рамках и под влиянием господствующей материалистической формационной методологии и потому большая часть исследований того периода проводились со строгим учетом «партийного подхода» и «классового антагонизма». Типичной для того времени является следующий фрагмент научного текста: «Ряд советских историков, занимавшихся изучением социального строя ингушей и чеченцев, полагает, что складывание здесь классового общества надо относить к XIX в., что в XIV – XVIII вв. шел медленный процесс распада родового строя, выделения «лучших» фамилий, что чеченцы и ингуши жили родоплеменными группами»¹⁸. Несмотря на присущую советской историографии идеологическую ангажированность, исследование Е.Н. Кушевой для своего времени являлось новаторским, не потеряло актуальности в настоящее время и содержит ценные сведения и полезные выводы об ингушах в числе других народов Северного Кавказа.

Наряду с работой Е.Н. Кушевой, в историографии советского периода по ингушам значительное место занимает фундаментальный труд Е.И. Крупнова¹⁹. Автор глубоко исследовал многие аспекты истории ингушей — в том числе древнюю и средневековую историю, становление и формирование ингушского этноса, — что позволяет осмыслить последующие события и процессы, обусловленные интеграцией ингушей в состав России. Однако, наряду с несомненными заслугами автора, в ряде случаев в работе встречаются неточности теоретического характера. Так, представляется некорректным постулат Е.И. Крупнова о том, что «учитывая известное долголетие горцев, в кавказоведческой литературе одно поколение в среднем исчисляется в 50 лет»²⁰.

¹⁷ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – 30 г. XVII в. Москва: Наука, 1963. 371 с.

¹⁸ Там же. С. 76.

¹⁹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва: Наука, 1971. 208 с.

²⁰ Там же. С. 51.

Далее, исходя из указанной погрешности, автор определяет хронологический охват 12 поколений в диапазоне 600–800 лет, что представляется некорректным. В рамках биологической шкалы одно поколение соответствует репродуктивному циклу и составляет 25–30 лет; данный показатель не следует отождествлять со средней продолжительностью жизни отдельного человека или поколения.

Пристального внимания заслуживает труд Н.Г. Волковой²¹, в котором содержатся полезные сведения по численности и расселению ингушей в исследуемый период.

К советскому периоду относится коллективная статья М.О. Бузуртанова, Н.К. Байбулатова, М.М. Блиева, В.Б. Виноградова и В.Г. Гаджиева²². В ней определяется основная научная тенденция исследований по тематике вхождения ингушей в состав России в советский период.

Обобщенные сведения с выводами о всех народах региона представлены в 2-х томах коллективной монографии по истории народов Северного Кавказа под редакцией Б.Б. Пиотровского и А.Л. Нарочницкого²³. Ее информационный потенциал позволяет взглянуть на историю взаимоотношений ингушей с Российской империей комплексно и провести исторические аналогии с соседними народами. Посредством сравнительно-исторического метода труд позволяет реконструировать и интерпретировать социально-экономическую и политическую историю ингушей на фоне и в контексте других народов Северного Кавказа.

В) Постсоветский и современный период. К 90-м гг. XX в. относится начало нового этапа исторических исследований, когда стало возможным объективно, без учета идеологических рамок, интерпретировать исторические

²¹ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. Москва: Наука, 1974. 276 с.

²² Бузуртанов М.О., Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный, 1982. С. 48 – 63.

²³ История народов Северного Кавказа (с древнейших времён до конца XVIII в.) / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. Москва: Наука, 1988. 544 с.; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / отв. ред. А.Л. Нарочницкий. Москва: Наука, 1988. 659 с.

явления и события. В условиях трансформации идеологических ориентиров произошла существенная корректировка методологических подходов и принципов исторического исследования: формационный подход утратил статус единственно доминирующего. В постсоветской историографии его место в качестве ведущей парадигмы занял модернизационный исследовательский подход.

С учетом произошедших в методологии изменений написаны труды Н.Д. Кодзоева²⁴ и монография М.М. Зязикова²⁵, которые обладают существенной научной ценностью для раскрытия темы настоящего исследования.

Полезные сведения и научно обоснованные выводы по теме исследования содержатся в коллективном труде «Ингуши»²⁶. Непосредственно с темой настоящего исследования связаны разделы: М.М. Картоева «Ранние этапы этнической истории» (С. 46 – 58); М.Б. Мужухоева «Башенная архитектура» (С. 168 – 185); З.М-Т. Дзараховой «Традиционные ремесла» (С. 129 – 147).

В ходе исследования также были использованы разработки других специалистов, в которых освещаются различные аспекты рассматриваемой темы, в том числе: М.Б. Долгиевой²⁷, З.М-Т. Дзараховой²⁸, Л.Т. Агиевой²⁹, Н.Н. Великой³⁰.

²⁴ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4 -е издание. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. 600 с.; Кодзоев Н.Д. Российские и иностранные исследователи и путешественники XVI – XIX вв. об Ингушетии и ингушах. Магас, 2015. 170 с.

²⁵ Зязиков М.М Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ, 2004. 314 с.

²⁶ Ингуши / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. 510 с.

²⁷ Долгиева М.Б. Русско-ингушские отношения в X – XVII вв. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2004. С. 11 – 21.

²⁸ Дзарахова З. М-Т. Константы национального характера и менталитета ингушей // Научная мысль Кавказа. 2006. № 4. С. 72 – 78.

²⁹ Агиева Л.Т. Из ингушского обычного права // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. 2016. № 2. С. 72 – 87.

³⁰ Великая Н.Н. О политике «ласканий» на Северном Кавказе в XVIII веке // Исторические науки. 2016. № 1 (18). С. 4 – 8.

Обращает на себя внимание статья Б.М.-Г. Харсиева³¹. Автор выделяет «приливы и отливы интересов Петербурга к Северному Кавказу, зависимые от восточных планов империи»³². Несмотря на неоднородность отношений, характер присоединения исследователь трактует однозначно как мирный: «Ингушетия перешла под юрисдикцию Российской империи не вследствие вооруженного конфликта, а по добровольному волеизъявлению ингушей, выраженному в договоре 1770 г. Первые военные успехи России на Северном Кавказе начались с подписания договора о добровольном вхождении ингушей под Российское покровительство, между представителями ингушей и Российской короны»³³.

В числе научных разработок постсоветского периода интерес представляет труд Р.З. Сагова³⁴. Опираясь на труды предшественников, в том числе по археологии, автор внес существенный вклад в раскрытие темы формирования идентичности ингушей. Однако не со всеми тезисами Р.З. Сагова можно согласиться. Так, в своих обобщениях автор ссылается на следующий постулат археолога: «Р.М. Мунчаев пишет, что ингуши – автохтоны Кавказа, и их начальный этап формирования *может быть* (курсив мой – А.Ц.) связан с этнокультурными процессами, начиная с III тыс. до н.э. [Мунчаев 1961, 164]»³⁵. Здесь следует отметить, что научные выводы, основанные на предположениях такого рода «может быть», не могут быть основанием для научных гипотез и обобщений.

Определенный интерес для разработки темы представляют материалы проведенных в начале XXI в. научных конференций по истории российско-

³¹ Харсиев Б.М.-Г. Добровольное единение Ингушетии с Российской империей по договору 1770 г. // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской государственности. (г. Грозный, 19 – 20 июня 2012 г.). Махачкала, 2013. С. 721 – 731.

³² Там же. С. 724.

³³ Там же. С. 724 – 725.

³⁴ Сагов Р.З. Центральный Кавказ по материалам археологии и антропологии (к вопросу этногенеза ингушей) // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (8 апреля 2014 г., г. Магас). Магас, 2014. С. 103 – 113.

³⁵ Там же. С. 107.

кавказских отношений³⁶. В них содержатся важные выводы по политической и социально-экономической истории народов Кавказа, а также по проблемам традиционных взаимоотношений ингушей с Россией. Отдельно выделим публикации результатов научных мероприятий, проводившихся в Республике Ингушетия в связи с празднованием юбилейных дат вхождения и интеграции ингушей в состав России³⁷.

На современном этапе результаты изучения истории ингушского народа в ее взаимосвязи с историей Российского государства находят отражение как в форме «больших нарративов»³⁸, так и в виде отдельных работ, посвященных наиболее дискуссионным вопросам³⁹.

В завершение анализа степени изученности темы особое внимание следует обратить на работы современных ученых, затрагивающих различные аспекты интеграционных процессов на Северном Кавказе в целом. Тема истории изучения региона в контексте его интеграции в интеллектуальное пространство Российской империи стала магистральной в научных разработках М.Е. Колесниковой⁴⁰. Анализ российской политики и ее влияние на сближение с кавказскими горцами представлен в публикациях Ю.Ю. Клычникова⁴¹ и В.А.

³⁶ См. напр.: Россия и Кавказ: история и современность. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.К. Алиева, М.З. Магомедовой, М.А. Магомедовой, Т.К. Муслимова, Г.И. Юсуповой. (Махачкала, 22 октября 2009 г.). Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2010. 800 с.

³⁷ См. напр.: 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди. Материалы Всероссийской научной конференции, 17 марта 2015 года. Назрань: Пилигрим, 2015. 288 с.; 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Магас, 3-6 июня 2020. Магас: Кеп, 2020. 324 с.

³⁸ Хроника истории ингушского народа / Сост. Патиев Я.С., Патиев А.Я. Москва, 2020. 464 с.; Ингушетия: Популярная иллюстрированная энциклопедия / Сост. Я.С. Патиев; науч. ред. М.Г. Цароева, Т.Х. Матиев. Магас: Сердало, 2023. 816 с.

³⁹ Кодзоев Н.Д. О «добровольном вхождении» Ингушетии в состав Российской империи. Назрань: Издательство ООО «КЕП», 2020. 64 с.

⁴⁰ Колесникова М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века. Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. 496 с.; Булыгина Т.А., Калинин С.Б., Колесникова М.Е. Интеллектуальное пространство России XIX – XX вв. (на материалах Северного Кавказа): научное исследование. Ставрополь: Издательство СКФУ, 2017. 361 с.

⁴¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / Ю.Ю. Клычников. Пятигорск: Издательство ПГЛУ, 2002. 494 с.

Матвеева⁴². О роли российских военных в изучении и понимании новой окраины Российской империи достаточно внимания уделяют в настоящее время Д.С. Ткаченко⁴³ и Т.А. Колосовская⁴⁴.

Значительное внимание влиянию геополитической обстановки на развитие взаимоотношений народов Кавказа с Россией уделяет в своих трудах В.В. Дегоев⁴⁵. На сложности сближения кавказских горцев с империей и их смягчение через развитие системы управления с учетом местной специфики указывает П.А. Кузьминов⁴⁶. Оригинальную интерпретацию этнического и конфессионального многообразия Северного Кавказа через теорию фронта предложила в своем недавнем исследовании Т.А. Шебзухова⁴⁷.

Проблема интеграции Северного Кавказа в различных аспектах активно разрабатывается в рамках подготовки научно-квалификационных работ (кандидатских и докторских диссертаций) по исторической тематике⁴⁸.

⁴² Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Матвеев. Ростов на Дону: ЗАО «Книга», 2006. 256 с.; Он же. Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Изд. 2-е, испр. и доп. Ростов на Дону: ООО «Омега Паблицер», 2012. 560 с.

⁴³ Ткаченко Д.С., Колосовская Т.А. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по воспоминаниям и исследованиям современников). Ставрополь: Издательство СГУ, 2011. 304 с.

⁴⁴ Колосовская Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII - XIX вв. Москва: Изд-во Каллиграф, 2015. 240 с.; Она же. История Кавказского военно-исторического отдела в лицах. Ставрополь: Издательство «Печатный Двор», 2020. 208 с.

⁴⁵ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. 2-е издание, расш. и дополн. Москва: «Русская панорама», 2003. 512 с.; Он же. Кавказ и великие державы 1829 – 1864 гг. Политика, война, дипломатия. Москва: Издательский дом «Рубежи XXI», 2009. 560 с.

⁴⁶ Кузьминов П.А. Траектория сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Кавказский сборник. Москва: «Русская Панорама», 2007. Т. 4 (36). С. 81–102.

⁴⁷ Шебзухова Т.А. Фронт – как историческое и социокультурное явление. Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2023. 224 с.

⁴⁸ Умаров Д.В. Интеграция народов Северного Кавказа в состав Российской империи: автореф. дис. ... док. ист. наук. Грозный, 2024. 52 с.; Григорян М.Р. Политические и правовые особенности интеграционных процессов на Северном Кавказе в XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2025. 32 с.; Денильханов И.С. Воздействие капиталистического уклада на традиционное общество (на примере Чечни второй половины XIX – начала XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Пятигорск, 2025. 21 с.; и др.

Однако тема вхождения и интеграции ингушей в состав России как самостоятельная научная проблема оставалась недостаточно изученной в отечественной историографии и рассматривалась в контексте других вопросов. Комплексное исследование предполагает анализ всех аспектов темы: это позволит выявить общее и особенное в интеграции ингушей в состав Российского государства, показать предпосылки данного исторического процесса, его сущность и итоги.

Цель исследования – на основе изучения источников и научной литературы, с опорой на современную методологию и последние научные разработки отечественных исследователей представить научно обоснованную парадигму вхождения и интеграции ингушей в состав Российского государства.

В соответствии с этой целью и для ее достижения поставлены следующие **задачи**:

- на основе экскурса в средневековую историю проследить процессы этногенеза ингушей накануне вхождения в состав России и в ходе интеграции в XVIII – XIX вв.;
- проанализировать внешнюю политику России, Ирана и Османской империи в контексте территориальных притязаний на Северном Кавказе в XVIII в. и показать, как геополитическое соперничество в регионе повлияло на положение ингушей;
- исследовать и научно интерпретировать политику Российской империи касательно народов Северного Кавказа через призму отношения к ингушам в хронологических рамках второй половины XVIII – первой половины XIX вв.;
- рассмотреть динамику социального и экономического развития ингушей накануне официального вхождения в состав России и в процессе интеграции в XIX в.;
- охарактеризовать особенности социальной структуры и экономической дифференциации у ингушей, обосновать роль и значение социальной стратификации в общественном прогрессе этноса в XIX в.;

– изучить общественный уклад и семейный быт ингушей в диалектическом единстве с другими сферами жизни и их трансформацию в XIX в. от традиционных к прогрессивным, российским;

– исследовать и научно обосновать роль и значение исламской религии как идейного фактора национально-культурной консолидации ингушей в XIX в.

Хронологические рамки исследования охватывают период XVIII – XIX вв. Нижняя хронологическая рамка определяется событиями 1770 г., когда ингуши неофициально были приняты в состав России, а в 1810 г. был юридически закреплён факт вхождения. Экскурс к событиям более раннего периода обусловлен стремлением к выявлению причинно-следственных связей, позволяющих объяснить и научно интерпретировать вхождение ингушского народа в состав Российского государства.

Верхняя хронологическая рамка исследования определяется пореформенным периодом, а именно 1880 – 1890-ми гг., когда Северный Кавказ стал частью экономического, политического и социокультурного пространства Российской империи, а процесс интеграции ингушей принял необратимый характер. Выбор таких широких хронологических рамок позволяет реконструировать российско-ингушские отношения в динамике, с учетом внешних и внутренних факторов, характерных для различных этапов исторического развития.

Географические рамки исследования охватывают ареал проживания ингушей на современной территории Республики Ингушетия, а также горные районы исторического проживания народа. Рассмотрение отдельных вопросов темы предполагает выход на соседние с Ингушетией территории республик Северного Кавказа, в том числе Чеченской Республики, Северной Осетии-Алания, Кабардино-Балкарской Республики, частично Республики Дагестан, а также Грузии. Такой географической охват позволяет глубже проникнуть в суть изучаемой проблемы и понять особенности политических процессов и социально-экономических тенденций в регионе в контексте сближения его с Россией.

Методологическая основа исследования. В свете последних методологических подходов к историческим исследованиям следует отметить, что отечественное научное кавказоведение имеет примечательную практику анализа, интерпретации и использования познавательных возможностей различных школ и направлений современной историко-теоретической мысли – формационный, цивилизационный, модернизационный и других⁴⁹. Однако, при реконструкции истории вхождения и интеграции ингушей в состав Российского государства автор опирался на модернизационный методологический подход.

Модернизационный подход предусматривает научную проекцию на историю как на процесс перехода от традиционного общества к современному, от патриархального к индустриальному. Основной целью подхода является изучение модернизации как совокупности социально-экономических, политических, культурных, идеологических трансформаций, которые ведут к формированию современного индустриального общества.

В центре внимания исследователей, придерживающихся модернизационного подхода, находятся такие аспекты, как:

- урбанизация и миграция населения;
- индустриальный и технологический прогресс;
- формирование рынков и развитие предпринимательства;
- трансформация ценностей от традиций к инновациям и от коллективизма к индивидуализму;
- прогресс в интеллектуальной сфере и массовой коммуникации;

⁴⁹ Боров А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. Вып. 2. 1996. С. 83 – 92; Аникеев А.А., Лубский А.В. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Сев. Кавказа // Научная мысль Кавказа. 1997. № 3. С. 52 – 64; Мининков Н.А. Методология истории: пособие для начинающего исследователя / отв. ред. И.М. Узнародов. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. 252 с.; Лубский А.В. Альтернативные модели исторического исследования / отв. ред. Ю. Г. Волков. Москва: Социально-гуманитарные знания, 2005. 352 с.; Булыгина Т.А. История Северного Кавказа: новые исследовательские подходы // Кавказоведение: опыт исследований: материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13 – 14 октября 2005 г.). Владикавказ, 2006. С. 35 – 42; Шеуджен Э.А. Путь в историю: в поисках методологии исследования. Майкоп: ООО «Качество», 2007. 268 с.

– становление и укрепление демократии и правовых институтов.

С таким же успехом модернизационный подход позволяет проводить сравнительный анализ стран, народов и регионов, а также способствует выделению роли инноваций, образования и науки в социальном прогрессе. С учетом этих преимуществ перед иными подходами модернизационный методологический подход положен в основу настоящего исследования.

В этой связи следует отметить, что в монографии А.Х. Борова акцентируется внимание на том, что в исторической взаимосвязи Российской империи и народов Северного Кавказа особое значение имеют процессы модернизации. Применительно к настоящему исследованию важное значение имеет его же тезис о том, что по отношению к северокавказским народам Российское государство на всем протяжении «плотного» взаимодействия выступало как фактор модернизации⁵⁰.

Диссертация базируется на общепринятых принципах историзма, объективности и системности. Важной особенностью принципа историзма является осторожность в оценке эпохи, учитывающая особенности ее внутренних законов, а не критерии других исторических периодов и тем более непосредственное сопоставление с современностью.

Принцип объективности применен при критическом анализе источников с целью максимально достоверного воссоздания событий и фактов. Суждения, оценки и выводы, представленные в диссертации, базируются преимущественно на источниках, составляющих документальную базу исследования и соответствующих его хронологическим рамкам.

Важным для научных исследований по истории является принцип системности. Применительно к настоящему исследованию принцип системности предполагает изучение основных явлений и фактов, связанных с историей ингушей в хронологической последовательности, в системе региональных этнополитических и социокультурных отношений Российского государства с

⁵⁰ Боров А.Х. Северный Кавказ в российском цивилизационном процессе. Нальчик: Кабардино-Балкарский госуниверситет, 2007. С. 83 – 92.

народами Северного Кавказа, а также с учетом международных отношений в регионе.

Отдельные аспекты темы диссертации исследуются с использованием историко-сравнительного и историко-генетического методов. Сравнительный анализ социально-экономического и культурного развития ингушей с соседними народами позволил выявить их общие и специфические характеристики.

Хотя труд И.Д. Ковальченко⁵¹ полностью отражает марксистскую, материалистическую суть понимания истории и не освещает модернизационный подход в исторических исследованиях, отдельные положения и позиции монографии не потеряли актуальности. Так, историко-генетический метод изучения происхождения и эволюции явлений касательно религии ингушей был полезен при разработке темы настоящего исследования.

Метод ретроспекции является одним из эффективных методов проведения исследования, так как позволяет, учитывая анализ событий позднего периода, рассматривать и интерпретировать события хронологически более раннего периода при недостатке или отсутствии источников о них.

Обозначенный подход, научные принципы и методы исследования являются характерными для исторических трудов и позволяют обеспечить данному исследованию оптимальную научность, объективность и всесторонность.

Источниковая база диссертации. Основными источниками, изучение которых позволило нам достигнуть поставленной цели исследования, стали: документы законодательно-нормативного характера, делопроизводственная документация, историко-этнографические нарративы современников, материалы периодических изданий, а также статистические данные. Значительная их часть была выявлена в ходе изысканий в российских архивах, а также архивных фондах ближнего зарубежья. Некоторые из источников были

⁵¹ Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. 2-е изд., доп. Москва: Наука, 2003. 486 с.

опубликованы на страницах сборников документов как в дореволюционный период, так и на современном этапе.

Важную группу источников по исследуемой теме образовали *законодательно-нормативные акты*, значительная часть из которых была выявлена в фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного исторического архива (РГИА), Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания) и использована в настоящем исследовании.

Полный текст договора 1810 г. о вхождении ингушей в состав России содержится также в публикации Н.Ф. Грабовского. Документ представляет собой акт законодательно-нормативного характера.

Значительное количество *делопроизводственных документов* по теме была выявлена в архивных учреждениях. В их числе Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) (г. Москва). Продуктивными для исследования стали источники, извлеченные из фондов: Ф. 414 – Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о России (коллекция); Ф. 846 – Военно-ученый архив (1520 – 1918 гг.); Ф. 13454 – Главный штаб Кавказской армии (1806 – 1877 гг.). В частности, в материалах и документах РГВИА содержатся сведения, которые позволяют осветить взаимоотношения командования российских войск с местным населением, особенно в период активизации движения повстанцев Шамиля.

Делопроизводственные материалы для исследования отчасти были извлечены из Центрального исторического архива Грузии (ЦИАГ) (г. Тбилиси). Документы фонда 2 (Оп. 1. Д. 4423, 4426) и фонда 488 (Оп. 1. Д. 5794) содержат ценные сведения, преимущественно касающиеся христианизации ингушей, которые оказались полезны в ходе исследования.

Некоторые документы *делопроизводственного характера*, имеющие отношение к теме, были опубликованы еще в дореволюционный период. Из крупных археографических проектов имперского времени следует выделить

«Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (АКАК). Это 12-ти томное издание включало документы, хранящиеся в архиве Главного управления кавказского наместника. Посредством данных документов можно проследить общую тенденцию российской политики по отношению к горским народам Северного Кавказа, в том числе к ингушам.

В частности, исследование опирается на материалы из следующих изданий АКАК: Том II. (Тифлис, 1868) 827 с.; Том III. (Тифлис, 1869) 767 с.; Том IV. Ч. II. (Тифлис, 1870) 1019 с.; Том VI. (Тифлис, 1874) 954 с.; Том VII. (Тифлис, 1878) 1011 с.; Том VIII. (Тифлис, 1881) 1033 с. Том IX. (Тифлис, 1884) 979 с. Именно в этих томах содержатся сведения касательно ингушей, способствующие раскрытию отдельных аспектов темы настоящего исследования. Главным редактором указанных выше томов выступил известный кавказовед А.П. Берже.

Полезная информация по теме исследования, извлеченная из разных томов по истории ингушей, содержится в издании «АКАК об Ингушетии и ингушах»⁵². В частности, для нашего исследования пользу оказали сведения о «назрановском возмущении» 1858 г., о котором имеются также более подробная информация в указанных томах АКАК.

В последние годы историками-исследователями Республики Ингушетия проведена значительная работа по сбору и систематизации документальных материалов из архивных фондов Российской Федерации и ближнего зарубежья. Результатом усилий ученых явился фундаментальный труд, объемное и содержательное археографическое издание⁵³. В сборнике представлены ценные документы и материалы из Государственного архива Республики Ингушетия, в

⁵² Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах: сборник документов / Сост. Л.М. Парова; Ред. Т.Х. Муталиев. Назрань: Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, 1995. 246 с.

⁵³ Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: сборник документов и материалов. Составитель и научный редактор Картеев М.М. Сборник подготовлен Государственной архивной службой Республики Ингушетия совместно с ГБУ Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2014. 604 с.

разное время выявленные и извлеченные из фондов Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (г. Москва) и из томов дореволюционного издания «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией».

Еще одной важной группой источников по теме исследования стали *историко-этнографические нарративы*. Подготовленные современниками изучаемых событий и опубликованные либо отдельными изданиями, либо на страницах Сборника сведений о Кавказских горцах (далее — ССКГ), они дают возможность осмысливать события с позиции очевидцев и выстраивать сравнительные линии.

На портале «Президентская библиотека», созданном при Управлении делами при Президенте РФ, доступны оцифрованные материалы по ингушам, в том числе историко-этнографического характера⁵⁴. Так, здесь можно ознакомиться с ценными и малодоступными в настоящее время изданиями XIX – первой четверти XX в., созданными на основе источников, которые по ряду объективных обстоятельств не сохранились до настоящего времени. Среди них назовем работы Е. Максимова и Г. Вертепова⁵⁵, Г.А. Ткачева⁵⁶, Н.Ф. Яковлева⁵⁷.

Материалы, представленные на страницах Президентского портала, позволяют отследить процесс последовательного и поступательного укрепления позиций России на Северном Кавказе. Также они способствуют реконструкции взаимоотношений российской власти с местными народами в рамках политической, экономической и культурной интеграции.

Полезной группой источников для проведения исследования стали публикации, помещенные на страницах *региональных периодических изданий* XIX века: газеты «Кавказ» и «Терский вестник». В газете «Кавказ» приведены

⁵⁴ Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина. Текст: электронный URL: <https://www.prilib.ru/> (дата обращения 03.02.2026)

⁵⁵ Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Вып. 1. Осетины. Ингуши. Кабардинцы. Владикавказ: Тип. Обл. правления Терской обл., 1892. 187 с.

⁵⁶ Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, Электротечатня Типографии Терского областного правления, 1911. 156 с.

⁵⁷ Яковлев Н. Ингуши. Москва; Ленинград: ОГИЗ Гос. Изд-во, 1925. 134 с.

исторические легенды, имеющие отношение к освещению отдельных аспектов темы исследования, а также содержится информация о событиях той эпохи — в частности, о борьбе ингушей с повстанцами Шамиля в 1847 году.

Статистические данные по народам Северного Кавказа, в том числе по ингушам, активно публиковались на страницах дореволюционных изданий справочного характера. Особо среди них следует выделить «Кавказские календари», издаваемые при участии Кавказского статистического комитета и «Терские сборники» и представлявшие собой повременное издание Терского областного статистического комитета.

Примечательные статистические сведения о численности ингушей в середине XIX в. содержатся в фондах ЦГА РСО-Алания. В фонде 290 хранятся документы и материалы, позволяющие оценить остроту противостояния между местным населением (в частности, ингушами) и российскими властями в рассматриваемый период «назрановского возмущения» 1858 г.

Материалы из фондов Российского государственного исторического архива (РГИА) были полезны, так как содержат сведения статистического характера, например, отражают общую численность ингушей в начале XX века, а также количество детей, охваченных школьным обучением. В материалах содержатся сведения о материальном и денежном довольствии учебных заведений и их персонала.

В фонде 1287 РГИА (Делопроизводство общего собрания Государственной думы 1908 - 1909 гг.) содержатся статистические сведения о численности ингушей за 1888 год, а также подробные сведения о материальной компенсации органам управления округами, в том числе начальнику округа, «повивальной бабке», кадию, окружному врачу и другим⁵⁸.

Наряду с указанными, из источников статистического характера значимую роль при проведении разработки сыграла публикация «Освобождение

⁵⁸ РГИА Ф. 1287. Делопроизводство общего собрания Государственной думы 1908-1909 гг. Оп. 2. Д. 811. Л. 6.

зависимых сословий во всех округах Терского области»⁵⁹, где отражены численный состав и сведения о сословных отношениях по всем народам Северного Кавказа в пореформенный период. Статистические сведения касательно уровня прогресса в образовании ингушей в результате интеграции в состав России содержатся в выше указанных трудах Н.Ф. Грабовского.

Обзор источниковой базы исследования свидетельствует о ее обширности и видовом многообразии, что позволило рассмотреть поставленную проблему максимально объективно и всесторонне.

Научная новизна работы. Настоящая диссертация является попыткой комплексного и всестороннего анализа проблемы интеграции ингушей в состав России через призму современной методологии, а также с учетом последних достижений исторической науки. Такой опыт предпринимается в отечественной историографии впервые.

Впервые в настоящем исследовании вопросы социально-экономической дифференциации и стратификации ингушей, обусловленные вхождением в состав России, рассматриваются с позиций и в контексте модернизационного подхода, что существенно отличается от прежней формационной исследовательской парадигмы.

Также впервые в настоящей диссертации наряду с другими вопросами рассматривается религиозная идеология как фактор этнической консолидации и формирования национально-культурной идентичности ингушей в составе Российского государства.

В настоящем квалификационном исследовании впервые в оборот введены материалы из РГИА (Ф. 1268. Кавказский комитет.) и ЦИАГ (Ф. 488. Канцелярия экзарха Грузии (IX в. – 1921 г.)), которые позволяют наиболее полно отразить проблемы, обусловленные принятием религии ингушами.

Основные положения, выносимые на защиту:

⁵⁹ Освобождение зависимых сословий во всех округах Терского области // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 1 – 41.

1. В работе рассмотрены особенности этногенеза ингушей и состояние этноса накануне вхождения в состав России, а также в процессе интеграции. На основе экскурса в историю, анализа источников и литературы удалось обосновать идею о том, что этнос ингушей сформировался в начале XIX века, что примерно совпало с периодом юридического вхождения народа в состав России. Особенностью этногенеза ингушей было наличие собственного «этнического ядра», вокруг которого объединились представители соседних протоэтносов. К указанному времени у ингушей сложился главный атрибут самостоятельности — этноидентичность. По мере интеграции ингушей в состав России процесс формирования и укрепления этноса шел более интенсивно, чему способствовало обеспечение безопасности в составе Российской империи.

2. В работе проанализированы объективные причины и субъективные факторы интеграции ингушей в состав России. Одним из важных факторов для понимания сути интеграционных процессов стало стечение международных обстоятельств: военно-политические притязания региональных держав на Северный Кавказ пересекались с национальными интересами ингушей. Сложная международная обстановка и геополитические притязания региональных держав на Северный Кавказ обусловили интеграцию ингушей в состав России, которая шла интенсивными темпами. В условиях военно-политической турбулентности пребывание в составе сильной державы обеспечивало ингушам безопасность и было выгодно в экономическом, политическом и культурном отношении.

3. В работе рассмотрена региональная геополитика как основа центростремительных тенденций. Анализ источников и литературы позволил прийти к выводу о том, что такие важные военно-политические события XVIII века, как Каспийский поход Петра I в 1722 году, а также русско-турецкие войны 1735–1739 и 1768–1774 годов, оказали существенное влияние на кавказский регион в целом и на судьбы народов Северного Кавказа в частности. Эти события создали благоприятные условия для ориентации ингушей на сближение с Россией, что нашло отражение в процессах 1770 и 1810 годов

4. В работе рассмотрен экономический аспект интеграции. Предметом пристального внимания и научного анализа стала экономика ингушей в контексте вхождения и интеграции в состав России. Критический подход к источникам и литературе, а также модернизационный подход позволили сделать вывод о том, что экономическое развитие ингушей исторически было обусловлено экологической и природно-географической средой обитания. С учетом этого ключевыми традиционными отраслями хозяйства являлись земледелие и скотоводство.

Как свидетельствуют историко-этнографические нарративы, экономика ингушей первоначально носила экстенсивный характер и развивалась за счет привлечения дополнительных трудовых ресурсов, расширения земельных площадей, террасирования земель. Также отслеживается причинно-следственная связь между экономикой, демографическими процессами и миграциями ингушей из гор на равнину. По мере интеграции в состав России экономика ингушей от экстенсивного трансформировалась в интенсивное русло и в конце XIX в. стала вровень с экономикой соседних казаков.

5. В работе исследована роль социальной стратификации в интеграционных процессах. В историческом контексте социальная стратификация выступает одним из условий динамической стабильности и поступательного развития общества, поэтому она характерна для всех его типов; она влияет на социально-экономическую динамику через систему статусов и распределение ресурсов.

Критический подход к историческим нарративам и выводам исследователей эпохи социализма, отрицающих сословные отношения у ингушей, позволил нам обосновать вывод о том, что у ингушей в исследуемый период имела место сословная дифференциация. При этом рыночные отношения, имевшие место в российской экономике во второй половине XIX века, развивались в условиях сохранявшейся сословной стратификации и конкурентной борьбы.

Научный анализ и интерпретация вопросов социальной стратификации и экономической дифференциации с позиций модернизационного подхода являются важными и актуальными для раскрытия содержания темы; что и реализовано в работе.

6. В работе исследована трансформация тейпа в процессе интеграции в российскую рыночную экономику. Один из ключевых научных результатов состоит в том, что в исследуемый период тейп у ингушей из родственной общины трансформировался в территориальный. Патриархальные порядки в семейном и общественном быту, такие явления, как кровная месть и семейно-брачные отношения, были регламентированы. Однако, как показывает анализ исторических нарративов, несмотря на регламентацию отдельных аспектов общественного уклада, морально-этические устои ингушского народа подверглись меньшей трансформации. К завершению интеграционных процессов (в конце XIX века) ингуши сохранили культурную идентичность, в том числе морально-этические устои.

7. В работе рассмотрена религиозная идеология как фактор этнической консолидации. Религия как единая идеологическая основа является важным фактором консолидации этноса и формирования идентичности. Становление и утверждение единой религии у ингушей являлись сложным, продолжительным и противоречивым процессом. Вплоть до середины XIX века у ингушей прослеживается религиозный плюрализм — сосуществование ислама, христианства и языческих верований. Несмотря на то, что российские власти приложили значительные усилия для христианизации ингушей, на практике народ отдал предпочтение исламской религии.

Прогрессивная роль Российской империи в религиозном вопросе у ингушей была в том, что в отличие от практики прямого насаждения господствующей религии и культуры, империя в целом не прибегала к насилию в отношении народа, добровольно вошедшего в ее состав. При этом по условиям договора 1810 года ингушам запрещалось принимать ислам и строить мечети; тем не менее к концу XIX века доминирующей религией среди ингушей стал

ислам. Переход от религиозного плюрализма к исламу как фактору этнической консолидации сыграл значимую роль в процессе интеграции ингушей в состав России.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история: п. 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; п. 5. История международного положения и внешней политики страны на различных этапах ее развития; п. 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; п. 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий. История религий и церкви в России; п. 21. История экономического развития России, ее регионов; п. 26. Геополитические аспекты истории.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что методологические подходы и принципы, использованные в диссертации, могут быть полезны для подобных разработок по другим народам и регионам России. Теоретические выкладки и выводы по работе могут стать основой для дополнения общей картины российского административного строительства на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. Выводы и обобщения, полученные в ходе исследования, могут быть использованы для дальнейших разработок по проблемам социально-экономической и культурной консолидации народов Северного Кавказа в составе Российского государства.

Практическая значимость исследования в том, что ее результаты могут быть использованы в учебном процессе при разработке курсов по истории народов Северного Кавказа для высших и средне-специальных образовательных учреждений.

Положения и выводы диссертации могут быть использованы в качестве материала для научно-популярных изданий по теме культурного прогресса Ингушетии в составе России, а также для составления справочников. На основе отдельных положений диссертации могут быть составлены интерактивные

наглядные материалы и пособия для общеобразовательных и специальных учебных заведений Республики Ингушетия.

Апробация исследования. Диссертация прошла обсуждение и была рекомендована к защите на заседании кафедры истории России Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования (ФГАОУ ВО) «Северо-Кавказский федеральный университет» (протокол № 13 от «26» июня 2026 г.).

Результаты исследования докладывались и обсуждались на таких Международных и Всероссийских научных форумах, как Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. (Нальчик, 2002 г.); Всероссийская научная конференция студентов, аспирантов и молодых ученых. (Нальчик – 2004 г.); VII Международная конференция молодых ученых (4 – 5 февраля 2010 г., г. Майкоп); VI Международная научно-практическая конференция, (2 декабря 2024 г., г. Петрозаводск); Международная научно-практическая конференция «Единое пространство исторической памяти народов Кавказа, победивших нацизм: к 80-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», (г. Ставрополь, 2025 г.).

По теме диссертации опубликовано 9 научных статей (объемом 3,7 п.л.), 5 из которых – в изданиях, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для апробации результатов диссертационных исследований.

Структура диссертации. Исследование состоит из введения, трех глав, семи тематически и логически взаимосвязанных параграфов, заключения, а также списка источников и литературы. Такая структура способствует оптимально емкому раскрытию темы, широкому охвату сути и содержания всех ее аспектов, и тем самым обеспечивает достижение поставленной цели.

ГЛАВА I. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ВХОЖДЕНИЕ ИНГУШЕЙ В СОСТАВ РОССИИ (XVIII – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

1.1. Исторический экскурс: этногенез ингушей в контексте вхождения в состав России

Наряду с исследованием процессов вхождения и интеграции ингушей в состав России, актуальность представляет ряд факторов предшествующих, а также сопутствующих основному событию, от которых напрямую зависит понимание сущности главной проблемы разработки. В данном контексте теоретический подход к изучению этногенеза ингушей, а также научная интерпретация соответствующих данных позволяют выявить значимые аспекты, обусловленные интеграцией этноса в состав Российского государства.

Этногенез имеет непосредственное отношение к теме исследования, поскольку позволяет определить уровень общественно-политического развития и социально-экономического состояния ингушей накануне вхождения и в процессе интеграции в состав России. Кроме того, данный вопрос недостаточно изучен и освещен в отечественной историографии, хотя отдельные его аспекты затрагивались в работах исследователей.

Из отечественных исследователей значительный вклад в разработку этой проблемы внес Е.И. Крупнов⁶⁰. Однако с того события прошло достаточно времени, за которое научное познание продвинулось значительно вперед. Кроме того, за истекший период наука избавилась от идеологических установок советской эпохи, что делает проблему вновь актуальной, а некоторые идеи – новаторскими.

В теории этногенеза в настоящее время в научном сообществе интерес вызывает концепция Л. Гумилева, согласно которой географическая «среда – ландшафт, природа, климат и интенсивность взаимодействия с представителями

⁶⁰ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва: Наука, 1971. С. 39–58.

различных культур и этносов – напрямую влияет на формирование наций, этносов, их культуры, политических традиций и государственности»⁶¹.

В числе самых свежих разработок значительный вклад непосредственно в тему этногенеза ингушей внес исследователь М.М. Картоев⁶². Однако проблема этногенеза ингушей, как и многих других, достаточно емкая, чтобы исчерпать ее несколькими исследованиями.

Следует отметить, что для признания этногенеза состоявшимся процессом, необходимо наличие таких атрибутов, как единая территория, общая материальная и духовная культура (фольклор), присущая всем представителям историческая память, язык общения, версия (или миф) об общем происхождении. Таким же важным является самоидентификация народа, то есть наличие национального самосознания, идентифицирующего себя как самостоятельный этнос, отличный от других. Однако на практике сложно найти случаи, когда все эти атрибуты этноса сходились воедино; в связи с этим в качестве основного признака целесообразно рассматривать национальное самосознание (этноидентичность) — важный и необходимый атрибут состоявшегося этногенеза.

В свое время была предпринята попытка интерпретировать происхождение ингушей от алан. Однако Е.И. Крупнов отрицает подобную интерпретацию и считает, что «для установления прямой генетической преемственности ингушей или абхазов от алан нет никаких оснований»⁶³.

Процесс этногенеза у ингушей с разной степенью интенсивности продолжался до XIX в. Формирование этноса представлял собой перманентный поступательный процесс, обусловленный количественными и качественными изменениями, а также культурной интеграцией элементов из числа других этнокультурных компонентов и образований. Подобная практика является

⁶¹ Гумилев Л.Н. «Этногенез и биосфера Земли». Москва, 2012. Пассионарная теория: роль личности в истории. – Текст: электронный URL: <https://4brain.ru/blog/passionarnaya-teoriya-rol-lichnosti-v-istorii/> (дата обращения: 28.09.2025).

⁶² Картоев М.М. Ранние этапы этнической истории // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 46 – 58.

⁶³ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва: Наука, 1971. С. 40.

стандартной в этногенезе многих народов мира; в результате происходит культурная интеграция и взаимообогащение локальных культур. Интеграция по такой парадигме нивелирует культурные процессы в отдельно взятом регионе и обеспечивает относительно равномерный культурный прогресс.

Для этногенеза и формирования национальной идентичности важным является наличие эндо- (самоназвание) и экзоэтнонима (название соседей). В этой связи в историографии отмечается, что этноним «ингуши» появился не раньше, чем во второй половине XVIII в., а эндоэтноним «галгой» существовал раньше. Как следует из источников, ингуши стали идентифицировать себя и свою самобытность раньше вхождения в состав России (1770 г.), что является очевидным признаком становления этнической идентичности, «этнического ядра», как основного атрибута этногенеза.

Концепция о собственном «этническом ядре» подтверждается в том числе из утверждения Чах Ахриева о том, что «происхождение Галгаевского общества не известно»⁶⁴. При этом автор указывает, что представители других сообществ – кистины и джераховцы – являются пришлыми из Сирии и Персии. Таким образом, у ингушей имеется историческая память, а также миф о пришлых представителях этноса и галгаевцах, происхождение которых неизвестно. Этот факт дает основание утверждать о собственном субстрате и «этническом ядре» у ингушей.

Сведения о том, что генезис ингушей происходил на основе собственного субстрата, а также информация о его первых представителях, содержатся в труде Б. К. Далгат: «По имени основателей – главарей трех больших тайп, сыновей богатыря Галгая – Эги, Хамхи и Таргилима три огромных тайпы: Таргимхоевы, Эгиевы и Таргилима – называются у ингушей «Кокелай-Хой», т.е. «три фамилии». Все эти три тайпы выселились на равнину»⁶⁵.

⁶⁴ Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 5.

⁶⁵ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 102.

Итак, сведения из источников и анализ литературы позволяют утверждать о существовании собственного этнического ядра у ингушей как основы для формирования этноса.

Наряду с местным субстратом в этногенезе ингушей прослеживается активное участие соседних этнических групп. С разной степенью интенсивности интеграционные процессы с вовлечением соседних протоэтносов прослеживаются на протяжении всей истории ингушей вплоть до XIX века. Первоначально грузинский компонент выступает одним из наиболее активных в этом процессе.

Следует отметить, что на период XV – XVII вв. миграционными процессами были охвачены все протоэтноты Северного Кавказа. Эти процессы у горских народов характеризовались «активными миграциями в общем русле движения горского населения на равнинные земли и складыванием новых этнотерриториальных групп...»⁶⁶. На основе этих групп происходила консолидация и формирование родственных этнических сообществ современных народностей на Северном Кавказе. Данные процессы в полной мере отразились, в том числе на истории ингушского этноса в XVI – XVIII вв.

Наряду с другими протоэтнотами ингуши исторически непосредственно граничили с Грузией; соответственно, между двумя народами прослеживаются не только культурные взаимосвязи, но и в отдаленном прошлом — свидетельства генетической близости. Так, по свидетельству грузинского историка Царевича Теймураза «кистины, галгаи и дзурдзуки прежде говорили на грузинском языке и были христиане»⁶⁷. Об этом же пишет современный исследователь М. М. Картоев: «Влияние Грузии на приграничные ей протоингушские и проточеченские племена (в грузинских источниках – дзурдзуки, глигви, кисти, двали) особенно заметно на позднем этапе раннего средневековья»⁶⁸.

⁶⁶История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII в.). Москва: Наука, 1988. С. 276.

⁶⁷ Теймураз Царевич. История Грузии. Санкт-Петербург, 1848. С. 36.

⁶⁸ Картоев М.М. Ранние этапы этнической истории // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. – М., Наука, 2013. С. 48.

Кроме того, наряду с экономическими взаимоотношениями и генетическими связями, в ингушском и грузинских языках обнаруживается терминологическое сходство. Таковы, например, такие термины, как: известь, верхние этажи, башни, палка, коса, серп, мотыга, люлька, лук, пламя, огонь, полный комплект пахотных орудий и т.д. Грузинские заимствования встречаются также в названиях животных – осел, курица, кошка, маленькая лошадь и т.д.⁶⁹.

О том, что грузины принимали активное участие в этногенезе ингушей наряду с чеченцами и другими соседями, говорит также Е.И. Крупнов, отмечая в значительном большинстве преданий ингушей и чеченцев наличие упоминания о грузинском происхождении многих чечено-ингушских родов и фамилий. «Почти в каждом ингушском горном ауле можно услышать предание о связях ингушей с отдельными грузинскими племенами, В специальной литературе опубликовано немало сведений о переселении в далеком прошлом ингушей из Грузии, об уходе ингушей в Грузию и об обратном возвращении их на родину»⁷⁰. Поэтому, замечает автор, следует рассматривать ингушские общества сформировавшимся из глубокого прошлого «этнического ядра» с включением разноплеменных родовых групп.

Этногенез ингушей и чеченцев происходил идентично, чему способствовали одинаковые природно-географические условия проживания, хозяйственно-экономическая деятельность, ментальная близость и другие факторы. А потому «выходцы из других стран: грузины, аварцы, хевсуры и другие, водворялись между ними (вайнахами. – А.Ц.); иноземцы с охотою селились у них, как вольных людей, не имевших ни правления, ни правителя...»⁷¹ «Таким образом, персияне, разбитые аварцами при Надир-шахе, расселились по Дагестану, из них некоторые поселились между чеченцами и

⁶⁹Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва: Наука, 1971. С. 43.

⁷⁰Там же. С. 49.

⁷¹Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 10.

составили собою новые фамилии, как-то: Туркой, Хуркой, Хой, Парсеной и проч.»⁷².

С учетом сказанного можно заключить, что выраженной особенностью этногенеза ингушей является формирование народа на основе мультикультурности, в которую были вовлечены не только соседние сообщества, но и отдаленные, наряду с собственным «этническим ядром»⁷³. Как утверждает Е.И. Крупнов, в фольклоре чеченцев и ингушей сохранилось множество упоминаний о южном происхождении чеченских и ингушских родов. По мнению В.И. Марковина, «некоторые фамилии выводят своих мифических предков из Ирана, Турции, Аравии, Сирии, Дагестана»⁷⁴. На эту же особенность обращал внимание известный ингушский просветитель Чах Ахриев, который, ссылаясь на народные предания, утверждал, что основоположником Кистиновского общества был «Кист, сын одного знаменитого сирийского владельца», который «во время первых крестовых походов убежал из Сирии в Абхазию», а затем в Грузию. Отсюда «Кист принужден был убежать в неприступные Кавказские горы ... недалеко от верховьев Терека. Здесь он основал аул Арзия, – слово, значащее в переводе на русский язык – орел»⁷⁵. С учетом того, что первый крестовый поход был совершен в 1096 – 1099 гг., можно предположить: события, описываемые Ч. Ахриевым, происходили в XI – XII вв.

Как утверждает Чах Ахриев, родоначальником другого сообщества – Джераховского – считается «выходец не из Сирии, а Персии» Джерахмат, который с незапамятных времен поселился в ущельях, «по бокам речки Арм-хий, впадающей в Терек»⁷⁶. После этого в Джераховское ущелье начали приходить посторонние жители и с дозволения Джерахмата населять свободные места.

⁷² Там же.

⁷³ Цечоев А.Я. Идентичность в этногенезе ингушей // Молодые исследователи — современной России. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции, состоявшейся 2 декабря 2024 г. в г. Петрозаводске. Петрозаводск, 2024. С. 182.

⁷⁴ Марковин В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна // Древности Чечено-Ингушетии. Москва: Изд-во АН СССР, 1963. С. 272.

⁷⁵ Ахриев Ч.Э. Ингуши (Их предания, верования и поверья) // ССКГ. Вып. VIII. Тифлис, 1875. С. 1.

⁷⁶ Там же.

Последний защищал со своей дружиной новых переселенцев, за что пользовался значительными привилегиями. Заметим, что кистинцы и джераховцы входили в «этническое ядро» или субстрат ингушей.

Относительно этногенеза ингушей следует также прислушаться к мнению одного из современных авторитетных исследователей-историков М.М. Зязикова. Он выделяет еще ряд тейпов, которых социальная память относит к предкам переселенцам из других районов. Таких тейпов, согласно мнению исследователя, несколько десятков. Например, тейпы Г1умкий (из кумыков), Г1аз-Г1умкий (из лакцев), Орский, Г1азакхий (из русских казаков), Харачой (предположительно из черкесов), Зумсой, Бацой (из грузин), Ног1ий (из ногайцев) и т.д.⁷⁷. Этот тезис дает основание для утверждения, что тейп традиционно, особенно в XIX в., из родственного коллектива трансформировался в территориальную социальную ячейку. Также концепция автора подтверждает идею о мультикультурной природе этногенеза ингушей.

Идею о полиэтническом характере этногенеза ингушей на основе собственного «этнического ядра» выражает также другой современный исследователь – М.М. Картоев. Он пишет: «все эти три этнических компонента (автохтонный – нахский, иранский и тюркский) в разной степени присутствуют у вышеназванных народов, близких и безусловно родственных по антропологическому типу и культуре, как народы, происходящие из одного этнического корня. Четвертый этнический компонент, участвовавший в этногенезе посталанского населения Центрального Кавказа – это адыго-абазинский»⁷⁸.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что частые конфликты, междоусобицы и отсутствие первоначально прочных связей, интегрирующих представителей в единый этнос, служило причиной частых миграций отдельных семей или кланов в поисках более благополучных условий

⁷⁷ Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ, 2004. С. 68.

⁷⁸ Картоев М.М. Ранние этапы этнической истории // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 48.

для проживания. Из-за слабых внутрительповых связей этническая солидарность первоначально не была фактором, консолидирующим народ в единое сообщество.

Итак, в этногенезе ингушей наряду с собственным субстратом в отдельных случаях сыграли роль представители других окрестных протоэтнических компонентов, которые культурно обогатили местное «этническое ядро», сделав его в основе мультикультурным. Это естественный процесс для любого этноса, так как этнокультурное разнообразие путем культурной синергии формирует и консолидирует разные сообщества в единый солидарный этнос.

Консолидация этноса на поликультурной основе, где имели место распри и конфликты, играла существенную роль в социальном прогрессе, на что обращали внимание исследователи XIX в. Так, относительно поликультурности в этногенезе чеченцев У. Лаудаев отмечал, что «со временем беспокойные люди других стран и беглецы разных народностей увеличивали собою число чеченских фамилий. Пришельцы были умнее, предприимчивее туземцев — ламоройцев, почему брали верх над ними и теснили их, чему лучшим доказательством служит то, что фамилии пришельцев завладели лучшими и выгоднейшими землями, оставив ламоройцам бесплодные высоты лысых гор»⁷⁹. Консолидация этноса параллельно с социальным прогрессом у ингушей происходила по такой же парадигме, что и у чеченцев — на основе конфликтного противостояния, конкуренции разных культур. Это обеспечивало более интенсивный социальный и культурный прогресс и на этой основе — интеграцию.

Информация о конфликтном потенциале, сходном с тем, что наблюдался у чеченцев, и об особенностях этно- и социогенеза ингушей содержится в сочинении И. А. Гильденштедта: «Жители этих округов не уживаются между собой, частью (состоят) в открытой вражде и еле удерживаются вместе те, которые живут на одной реке. Немногие имеют независимых правящих князей, как чеченцы, у некоторых нет знати, и они выбирают среди своих самых богатых,

⁷⁹ Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 11.

особенно, если у них много родственников, в старшины, которым они оказывают столько повиновения, сколько им захочется»⁸⁰. То есть у ингушей и чеченцев во второй половине XVIII века наблюдаются социальная градация и имущественная дифференциация, которые формируют в обществе определенный уровень социальной напряженности и конфликтного противостояния — как один из факторов социально-экономического развития. Соответственно, в обществе присутствует конфликтный потенциал, выступающий фактором этнической консолидации и формирования идентичности.

Как показывает анализ материалов, этногенез у ингушей не был однонаправленным поступательным процессом, а, напротив, был сопряжен со многими отклонениями, флуктуациями, когда целые фамилии переходили между этносами. Так, «самые влиятельные среди тагаурских алдаров, ингуши по происхождению – Дударовы в конце XVIII в. были уже практически ассимилированы в осетинской этнической среде»⁸¹. Случаи, когда целые фамилии переходили в состав другого этноса, встречаются в этногенезе каждого народа, в том числе у осетин, чеченцев, карачаевцев и других народов Северного Кавказа.

Так, на факт перехода и ассимиляции фамилии из одного этноса в другой обращает внимание известный исследователь Н.Г. Волкова: «Напомню также тот факт переселения в Джераховское ущелье одного из представителей осетинской фамилии Слоновых (Дударовых), поселившегося среди ингушей не позднее 90-х годов XIX в.»⁸².

С учетом сказанного примечательной особенностью этногенеза ингушей стал синтез культур в единое этническое сообщество на основе синергии, способствовавшей культурному и социально-экономическому прогрессу. Сутью

⁸⁰ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. Репринтное издание. Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2002. С. 238.

⁸¹ Картоев М.М. Ранние этапы этнической истории // Ингуши / Отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 50.

⁸² Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа – XVIII – начале XX в. Москва: Наука, 1974. С. 144.

синергии было то, что совокупный эффект культур гораздо выше, чем эффект от одной локальной культуры.

В основе мультикультурного синтеза ингушей находилась тейповая социальная структура, а тейпы первоначально восходили к одному общему предку и кровному родству. Однако в последующем в тейпы могли быть приняты и принимались представители других тейпов, фамилий, а также одинокие семьи. Обряд вступления в новый тейп был самым незатейливым: «режет быка и просит принять»⁸³.

В процессе интеграции в состав России в XIX в. социальная структура у ингушей трансформировалась и тейп вместо родственной обретал территориальный характер. Тем самым прежний «тейп – патриархальная группа людей или семейств, происходящих от одного общего предка»⁸⁴, во второй половине XIX в. наряду с кровными родственниками состоял также из принятых в свой состав неродственных представителей.

Одной из причин формирования тейпа по территориальному принципу было то, что ингуши исторически занимали на Северном Кавказе центральное место, где впоследствии был основан культурный и административный центр – Владикавказ. По данным дореволюционных авторов, «ингуши населяют исключительно центральную и южную часть Сунженского отдела Терской области, находясь в соседстве на востоке с чеченцами, на западе с осетинами, на северо-западе с кабардинцами, на юге с тушинцами, хевсурами и грузинами»⁸⁵.

Подобная геолокация на открытой местности в самом центре Северного Кавказа, доступная для притока и оседания носителей разных культур и этнических групп, оказала непосредственное влияние на этногенез ингушей, сделала его изначально поликультурным. Таким образом, наряду с другими

⁸³ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2 – 3. Владикавказ, 1930. С. 323.

⁸⁴ Чабиева Т.С. Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в Ингушском обществе // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5 – 6. С. 200.

⁸⁵ Вертепов Г.А., Пантюхов И.И. Сказания об ингушах. Майкоп, 1991. С. 9.

факторами тейповая структура социальной организации была обусловлена географией проживания.

В сравнительном плане можно привести пример иного развития этого процесса у горских народов Дагестана. Локальное существование в течение длительного времени, обусловленное географическими условиями и отсутствием транспортной логистики, привело к формированию социальной структуры у горцев Дагестана по принципу исключительно тухумной, родственной солидарности.

В составе России для развития ингушей как этноса сложились более благоприятные условия, чем прежде. Тому способствовали разные причины и факторы, в том числе благоприятные взаимоотношения между Грузией и Россией.

Наряду с выгодной локацией важную роль в мультикультурности ингушей играла логистика на перекрестке путей сообщения. Формирование этноса проходило непосредственно у Дарьяльского ущелья, которое представляло собой удобный логистический коридор, связывающий Грузию и Россию. Подобная локализация обусловила экономическую выгоду – «между джераховцами и осетинами, населявшими ущелье р. Терека и существовал обычай: брать плату за проезд через Дарьяльское ущелье»⁸⁶.

В последующем по территории, занятой ингушами, Россия проложила Военно-грузинскую дорогу, от которой местные жители получали выгоду — как прежде от использования Дарьяльского ущелья. Важно отметить, что расположение на открытой местности в центре Северного Кавказа и роль транспортного коридора между Россией и Грузией имели принципиальное значение для формирования поликультурного характера этногенеза ингушей и становления их социальной структуры на тейповой, территориальной основе.

С учетом всех указанных причин и обстоятельств (собственное «этническое ядро», тесные этно-культурные связи с соседями, геолокация в

⁸⁶ Ахриев Ч. Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) // ССКГ. Тифлис, 1875. Вып. VIII. С. 4.

центральной части Северного Кавказа, где проходил транспортный коридор между Грузией и Россией) происходило формирование этноса у ингушей и этническое самосознание – этноидентичность.

Если правильно определять хронологические рамки формирования этнической идентичности у ингушей, то этот процесс можно считать состоявшимся примерно в середине XVIII в. Более достоверно этот факт можно подтвердить сведениями от У. Лаудаева: «Назрановцы, составлявшие много больших фамилий, назывались прежде фамильными именами: галгай, галой, ингушъ (ангушт) и т. д. Когда в конце прошлого столетия они основали аул Несеръ (Назрань), то стали принимать название несерхой, то есть назрановцев; когда-же русские основали укрепление Назрановское, то имя несерхой делается для них официальным»⁸⁷. Важным критерием формирования этноса и этноидентичности является наличие экзоэтнонима – название соседей и эндоэтнонима – самоназвание: «Ингуши сами себя называют «галгай» или «ламур» (горцы) Кумыки и чеченцы также называют ингушей галгайями, а осетины дают им название «макалдон» (от речки Макал-дон)»⁸⁸.

Отметим, что Б.К. Далгат дает несколько иную, более раннюю датировку этногенеза ингушей: «название ингушей известно русским еще в 1744 году, если не ранее, когда на них обратили внимание с целью восстановления среди них христианства, а в 1747 г. велено принимать их в подданство»⁸⁹.

Уже в начале XIX в. в официальном документе касательно принятия ингушей в состав России от 28 апреля 1810 г., заключенном между «Его Императорского Величества Всероссийского Государя Императора и всего *ингушского народа* (Курсив мой. – А.Ц.) ... мы, шесть фамилий ингушского вольного и никому *неподвластного народа* (Курсив мой. – А.Ц.)»⁹⁰

⁸⁷ Лаудаев У. Указ. соч. С. 5.

⁸⁸ Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН 2008. С. 42

⁸⁹ Там же. С. 69 – 70.

⁹⁰ Цит. по: Грабовский Н.Ф. Ингуши (Их жизнь и обычаи) // ССКГ. Тифлис, 1876. Вып. IX. С. 5 – 6.

утверждается, что договор заключается с народом и тем самым признает, что этнос сформировался.

В данном случае в официальном документе признается наличие этноидентичности у ингушей, а также единого языка коммуникации, без которого этнос не в состоянии идентифицировать себя. Идентичность у этноса сформировалась на основе единой этнической территории и тот факт, что ингуши-мигранты на равнине проявляют стремление к сохранению за собой земель в горах, является свидетельством их привязанности к исторической родине, которую они ассоциируют с Родиной и Отечеством.

Естественно, миграционные процессы уже в составе России корректировали географию проживания ингушей, и «в значительной степени на это явление оказала влияние Российская империя, в рамках политики которой определялись векторы этнических миграций и формировавшие, таким образом, новые этнотерриториальные границы»⁹¹.

О том, что идентификация у этноса имеет исторические корни и давние традиции, свидетельствует автор начала XX в.: «Редкий ингуш не насчитает до восьми-десяти таких «отцов» (или поколений). Каждого из них назовет по имени и расскажет в придачу о подвигах и личных достоинствах многих из них»⁹².

Таким образом, идентификация этноса у ингушей происходила с учетом всех атрибутов единого народа, в числе которых: версия или миф о происхождении, историческая память, единый язык общения, общая этническая территория, материальная и духовная культура и др. При этом следует признать, что единая идеология в виде исламской религии как важного консолидирующего фактора у ингушей сформировалась позже – в середине XIX в. Однако при наличии остальных компонентов этот атрибут не играл существенной роли в этногенезе и формировании идентичности.

⁹¹ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 204.

⁹² Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград: ОГИЗ Гос. изд-во, 1925. С. 39.

Важными факторами этнической консолидации являлись также другие культурные аспекты, в том числе установка на маскулинность: рождение мальчика, как и у других горских народов, представляло собой радостное событие. «Для ингуша это торжественный случай (рождение сына. – А.Ц.), в особенности, если родился первенец. На десятый-двенадцатый день, когда роженица окончательно встает и приступает к работе, отец режет барана и устраивает торжественный пир для всей своей родни»⁹³.

Также у ингушей в быту была принята форма родства — побратимство, которая в том числе консолидировала этнос в единую культурную общность.

Если молодые люди из разных семей пожелали стать побратимами, то такой акт скрепляли публично с участием представителей старшего поколения. О важности события говорит тот факт, что в качестве угощения в жертву приносили быка. Подобное родство почиталось в народе выше кровного и «названные братья были ближе всяких других родственников, даже ближе, чем единоутробные братья. В случае убийства одного из них, другой обязан мстить за его кровь, как за родного брата»⁹⁴.

Суть этих и подобных обрядов – консолидация этноса, когда относительно немногочисленная этническая группа могла самосохраниться и прогрессировать за счет внутренней консолидации и солидарности. Солидарность была необходимой формой самосохранения малого этноса, которой иначе сложно выжить в окружении относительно крупных. Количественный показатель определял социальный статус этноса в числе других. Консолидация была инстинктивно заложена в каждом этносе, а в малых – тем более.

Фактор внешних угроз и необходимость самосохранения является мощным стимулом для консолидации и солидарности социальной группы в единый этнос. Самосохранением и защитой от внешних угроз была обусловлена актуальность таких атрибутов этноса, как маскулинность, обряд инициации юношей, побратимство, гостеприимство, родственная солидарность и т.д.

⁹³ Там же. С. 46.

⁹⁴ Там же. С. 48.

ингушского общества в продолжении XVII – XIX вв. На основе коллективной выручки у ингушей возник обычай взаимопомощи.

Фамильная солидарность складывалась исторически и являлась одним из эффективных способов самосохранения родственного коллектива. Вот, как это явление описано у одного из авторов: «ближайшие родственники являются ... той боевой силой, тем войском, которое он может собрать в случае столкновения с враждебным родом. ... принимающие участие в нападении родственники (называются. – А.Ц.) войском («бо»))»⁹⁵. Кстати, войско у некоторых северокавказских народов, (например, аварцев) также называется «бо».

Каждый ингуш на память знал – «держит все свои списки в голове <...> который легко и нисколько не задумываясь, перечислит сотни своих дальних и ближних родственников»⁹⁶.

На рубеже XIX – XX в. наблюдается процесс интенсивного распада родовых / фамильных отношений у ингушей, подобно тому, как это происходило у других соседних народов. Причиной тому были как утрата актуальности фактора самосохранения, так и рыночные производственные отношения, которые оказывали деструктивное влияние на коллективную собственность, а, соответственно, и взаимоотношения в родственном коллективе. Это был естественный процесс, через который проходило ингушское общество во второй половине XIX в. Он был обусловлен интеграцией ингушей в российскую социально-экономическую структуру, в которой после отмены крепостного права (1861 г.) интенсивно начали развиваться монополистические, рыночные производственные отношения.

Относительно хронологии формирования идентичности у ингушей следует отметить, что с помощью сравнительного анализа сведений и версий современников и исследователей выявляется наиболее вероятный период формирования идентичности — середина XVIII века.

⁹⁵ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград: ОГИЗ Гос. изд-во, 1925. С. 67.

⁹⁶ Там же. С. 68.

В результате культурного синтеза в начале XIX в. ингуши как этнос состояли из следующих семи близких по ментальности и образу жизни сообществ: Галашевское, Галгаевское, Джераховское Карабулакское, Кистиновское, Назрановское и Цоринское. Как утверждает Н. Ф. Яковлев, по численности ингуши никогда не превосходили 60 тысяч человек⁹⁷. Здесь надо иметь в виду, что сведения о численности в данном случае относятся ко второй половине XIX века. Более детальная информация о численности ингушей содержится в ведомости о числе душ, находящегося в Терском участке Ингушского округа, где по состоянию на 21 января 1865 г. мужского населения 37000; женского – 36000 человек⁹⁸. В этих архивных документах имеются также несколько отличные сведения о численности народонаселения в 17 поселениях Назрановского участка на январь 1865 г., которая составляла 9396 человек мужского и 9283 женского населения⁹⁹.

Однако этногенез не является завершенным процессом — это длительное становление, которое у ингушей, находившихся в составе России, продолжалось с разной интенсивностью до конца XIX века.

Наряду с другими атрибутами, единая идеология как фактор, консолидирующий сообщество в единый народ, имеет важное значение в становлении национальной идентичности. В историографии вопрос об идеологии у ингушей является недостаточно исследованным, некоторые утверждения являются противоречивыми и вносят неопределенность. Так, В.И. Марковин отмечает, что исламизация чеченцев и ингушей началась не ранее XVI – XVII вв., а Е.И. Крупнов отмечает, что у ингушей исламизация завершилась в середине XIX в.¹⁰⁰. Есть также в историографии отличное мнение относительно принятия ислама ингушами. Так, Е.Н. Кушева полагает, что проникновение ислама к ингушам отмечено источниками с XVIII в., причем шло оно как с

⁹⁷ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград: ОГИЗ Гос. изд-во, 1925. С. 4.

⁹⁸ ЦГА РСО-Алания. Ф. 26. Оп. 33. Д. 1. Л. 14.

⁹⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 26. Оп. 33. Д. 1. Л. 19 об.

¹⁰⁰ Крупнов Е.И. Указ. соч. С. 48.

запада, из Кабарды и Крыма, так и с востока, из Дагестана¹⁰¹. И еще одно мнение, отличное от других, принадлежит командующему Отдельным Кавказским корпусом генералу А.П. Ермолову, который в начале своего правления на Кавказе (1816 г.) отмечал, что за исключением некоторых языческих обрядов у ингушей нет собственной религии¹⁰².

Таким образом, до середины XIX в. ни одна из религий или религиозных верований не утвердилась у ингушей. По этому поводу в сведениях, собранных академиком А.М. Шегренем, также имеются сведения о том, что Кистины, Галгаи, Цори, часть Ингуш не крещены. Все остальные Ингуши и все Осетины Христианского исповедания, преимущественно в горах живущие, у которых до сих пор осталось множество самых грубых обрядов идолопоклонства, и теперь исполняемых. Причиной такого смешения религий, автор полагает то, что, «живя в середине Кавказского хребта, имея сношения с Закавказьем, на жителей этого округа с давних пор действовали, с юга от Грузин: Христианство; с запада и с севера от Кабардинцев: Исламизм. Туземцы, склоняясь, то под иго Грузин, то под власть Кабардинцев, принимали попеременно ученье тех и других»¹⁰³.

Российские власти были заинтересованы в распространении православия среди местного населения и стремились к этому. В историографии имеется достаточно обширный материал, относящийся к XIX в., который свидетельствует о том, что российские власти настойчиво стремились внедрить среди ингушей христианство. Обстановка осложнялась тем, что по соседству с ингушами жили народы, которые исповедовали мусульманство (чеченцы, кабардинцы и в небольшом отдалении народы Дагестана).

Следует учитывать также, что все народы по соседству (кабардинцы, русские (казаки), чеченцы, грузины с хевсурами) численно превосходили

¹⁰¹ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – 30 г. XVII в. М., 1963. С. 86.

¹⁰² РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 15 – 18.

¹⁰³ Ингушеведческий корпус Грузии. Нарративы периодических печатных изданий Грузии об Ингушетии и ингушах (1846 – 1990 гг.) / Гл. ред. Хвтисо Мамисимедишвили. Вып. III. Тбилиси, 2026. С. 31.

ингушей¹⁰⁴, что сказывалось также на формировании единой идеологии. Фактор малочисленности был в основе того, что в интересах ингушей было развиваться в составе и под покровительством влиятельного политического образования, такого как Россия.

Резюме: Этногенез у ингушей, подобно другим соседним народам Северного Кавказа, происходил продолжительно, со сложностями и противоречиями. В основе формирования этноса находился собственный субстрат, или «этническое ядро», наряду с которым активное участие принимали представители соседних этнокультурных компонентов.

В числе других особенностей спецификой этногенеза у ингушей была геолокация в центре Северного Кавказа, удобная для оседания разных этнокультурных компонентов. Не менее важной спецификой формирования этноса была локация с удобной транспортной логистикой – у Дарьяльского ущелья, соединяющего Грузию и Россию.

Окончательное формирование этноидентичности у ингушей произошло в середине XVIII в. В основе идентичности ингушей были такие атрибуты, как единый язык коммуникации, общая национальная территория и географическая среда проживания, самобытная ментальность, материальная и духовная культура и другие атрибуты. Об этом свидетельствуют многие факты, в том числе наличие у этноса к тому времени эндоэтнонима и экзоэтнонима. Консолидации народа способствовали разные обстоятельства и факторы, в том числе экстремальная внешняя обстановка и внутренняя среда, которые интенсивными темпами интегрировали разрозненные сообщества в единый этнос. В договоре от 1810 года ингуши обозначены как народ, что является свидетельством формирования у ингушей этноидентичности.

Накануне вхождения в состав России у ингушей наблюдались очевидные признаки и атрибуты этноса, которые в процессе интеграции укреплялись и обретали более выраженный характер.

¹⁰⁴ Яковлев Н.Ф. Указ. соч. С. 4.

Политическое вхождение ингушей в состав России в результате союза 1770 и по договору 1810 гг. имело для этноса прогрессивное значение, создавало благоприятные условия для дальнейшей консолидации этноса. Вхождение и интеграция в состав России обеспечивало самосохранение и безопасность для дальнейшего стабильного развития ингушей.

1.2. Северный Кавказ как объект большой региональной геополитики

Тема политического вхождения и интеграции ингушей в состав России важна и первостепенна: она позволяет глубже осмыслить проблемы социальной, экономической, культурной и идеологической интеграции. Объективная логика и метод исторического детерминизма предусматривают рассмотрение этого аспекта в двух плоскостях: а) в контексте общей международной геополитической конъюнктуры на Северном Кавказе; б) с локальной точки зрения — в рамках взаимоотношений ингушей с ближайшими соседями, в том числе с Россией.

Северный Кавказ исторически находился в объективе большой геополитики, так как приморский Дагестан и, в частности, Дербент представляли собой логистический узел, через который пролегла единственная сухопутная дорога из Передней Азии в Европу и обратно. С развитием мореходства Дербентский проход не потерял геополитической актуальности, интерес к нему особенно возрос в XVIII – XIX вв. Именно к этому времени геополитика в мире стала актуальной и злободневной, так как социально-экономический прогресс, детонатором которого стали Великие географические открытия и научно-технический прогресс, требовал расширения сфер влияния, новых рынков сбыта и источников дохода.

Самые влиятельные и географически близкие к региону державы — Персия и Османская империя — соперничали за обладание Северным Кавказом, стратегически выгодной геополитической областью. Наибольшую активность в

этом соперничестве проявляла Персия во время правления династии Сефевидов. В источниках начала XVII века отмечалось, что кумыки и Кабарда подчинялись персидским шахам. Связь кумыков с Сефевидской империей сохранялась и позднее. Об этом свидетельствует и то, что во время Каспийского похода Петра I (1722 г.) равнинная часть Дагестана, где располагалось Шамхальство Тарковское, находилась под протекторатом Персии.

Наряду с Шамхальством Тарковским в Дагестане были удельные правители, которые преследовали свои меркантильные интересы и не придерживались проперсидской позиции. Самым активным из них являлся Казикумухский правитель – Сурхай хан, который в 1720 г. вместе с Даут-беком (Дербентский правитель. – А.Ц.) «отложились от Персии, возмутили Дагестан и Ширван, взяли и разграбили Шемаху, в коем побито более трехсот Российских купцов»¹⁰⁵. Россия потребовала возместить ущерб, но требование не было удовлетворено и это событие стало поводом для Каспийского похода Петра I в 1722 г.

С этого события начинается активный период Российской политики в истории Кавказа и судьбе его народов. «Пристальное внимание кавказским делам правительство стало уделять со времен Петра I, который в 1711 г. дал Грамоту кабардинским владельцам и народу о принятии их в российское подданство. В ней говорилось о том, что кабардинцы должны верно служить и выступать против врагов России («салтана турецкого и хана крымского»). Российские власти обязывались «не токмо с вас никаких податей требовать не будем, но и погодное вам жалованье давать определим»¹⁰⁶. Калмыцкому хану и донским казакам предписывалось оказывать кабардинцам необходимую помощь¹⁰⁷.

¹⁰⁵ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. Москва, 1823. С. 21 – 22.

¹⁰⁶ Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. Москва: НОРМА, 1998. С. 156 – 157.

¹⁰⁷ Там же.

Таким образом, в 1711 г., еще до Каспийского похода, согласно грамоте императора Петра, I кабардинцы в числе первых вошли в состав Российского государства. Это событие стало важной вехой в кавказской политике и имело назидательный смысл для других местных народов, а также укрепило позиции России на Кавказе. Основой для вхождения местных народов в состав России было следующее положение: «подданные должны верно служить и повиноваться императорам и государству, а власть должна обеспечивать на всей территории страны «тишину и покой»¹⁰⁸. Эта позиция красной нитью проходила через все официальные российские документы XVIII века. Эта же позиция декларировалось в дальнейшем для всех кавказских народов без каких-либо ограничений.

Наряду с Шамхальством Тарковским проперсидски были настроены правители Эндереевского княжества, которые пытались оказать упорное сопротивление войскам Петра I во время Каспийского похода. Проперсидски настроенный шамхал Тарковский Адиль-Гирей в 1725 г. предпринял неудачную попытку антироссийского восстания, которое было подавлено, а русский генерал Кропотков «шамхала Адиль-Гирей-хана хитростью привел к себе, арестовал и отправил в Россию, так что жизнь этого шамхала окончилась в России»¹⁰⁹.

Это восстание является одним из свидетельств того, что отношения кумыков, в частности Шамхальства Тарковского, с Сефевидской Персией к тому времени имели традиционные устои, так как торговля через Каспийское море была взаимно выгодной и языковой барьер был не очень значительным.

В начале XVIII в. власть Сефевидов в Иране пала и Османская империя решила воспользоваться ситуацией для распространения своего влияния на народы Северного Кавказа и подчинения территории. Таким образом, до начала XVIII в. на протекторат над территорией и народами Северного Кавказа с переменным успехом претендовали Сефевидская Персия и Османская империя.

¹⁰⁸ Великая Н.Н. О политике «ласканий» на Северном Кавказе в XVIII веке // Исторические науки. 2016. № 1 (18). С. 5.

¹⁰⁹ Алкадари Г.Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929. С. 61.

Тем временем Россия, поглощенная решением ключевых задач на Западе и не завершившая Северную войну, не могла сосредоточиться на восточном направлении политики. С 1700 по 1721 год она вела борьбу со Швецией за выход к Балтийскому морю — это открывало возможность круглогодичной торговли с Западной Европой.

В 1721 г. завершилась Северная война и в результате победы над Швецией Россия обрела статус империи с соответствующим экономическим и военным потенциалом. Практически одновременно Петр I дал указание готовиться к Каспийскому походу. Подготовка происходила в Астрахани, а поход состоялся в 1722 г. «Выход к Каспийскому морю, с одной стороны, вел к установлению русско-кавказских связей, а с другой - к обострению отношений России с Турцией и Ираном. Северный Кавказ интересовал Россию еще и потому, что здесь проходили важнейшие военно-стратегические и торговые пути»¹¹⁰.

Как отмечалось, поводом для Каспийского похода послужил захват в 1721 году войсками казикумухского хана Чолак-Сурхая города Шемахи, в результате которого погибли все русские купцы, а их товары на сумму 4 млн. рублей были разграблены. Требования со стороны России компенсировать ущерб были проигнорированы. Россия как европейская империя не могла оставить этот факт без должного внимания¹¹¹.

К тому же политические интересы Российской империи в кавказском регионе заключались в необходимости подкрепления ее имперского статуса посредством расширения и консолидации круга подвластных территорий и народов.

Как великая держава, Россия также нуждалась в торговых отношениях не только с Западом, но и с Востоком. Широкий выход к Каспийскому морю и торговля со странами, входящими в бассейн этого моря, был принципиально важен для империи. Исторические документы являются тому подтверждением:

¹¹⁰ Бурда Э.В. Терское казачество в военной структуре Российского государства. (вторая половина XVI – начало XX в.). Нальчик: «Эльбрус», 2013. С. 42.

¹¹¹ См. об этом: Курукин И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735). Москва: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. 381 с.

«30 июля 1717 г. Волынский заключает с министром шаха договор о торговле российских купцов в Персии»¹¹².

Как уже отмечалось, до Каспийского похода Петра I на приморской части Дагестана номинально распространялась сфера влияния Персии, которая поддерживала торговые связи в этом регионе.

Каспийский поход Петра I был непродолжительным, но эффективным: был подписан мирный договор «когда войны и столкновения, происходившие в то время между Россией и Турцией, закончились мирным договором в 1137 году Гиджры, 1725 году христианской эры и по условиям его Дагестан, Дербент, Баку, Сальяны, Гилян, Мазандеран и Астрабад вошли в состав владений Российской державы, а Ширван, Грузия и Армения вошли в состав владений Оттоманской империи и, таким образом, в то время прекратилась в этих краях власть Персии»¹¹³. Тем самым Персия была временно (до 1735 г.) вытеснена из военно-политической игры и доминирующими политическими соперниками в борьбе за Северный Кавказ остались Оттоманская империя / Турция и Россия.

Однако острые противоречия и геополитические притязания трех держав на Северный Кавказ не могли быть разрешены одним походом российского императора. Более того, Петр I не оставил здесь более или менее значительного воинского контингента. В самой России складывалась неблагоприятная внутривнутриполитическая обстановка, обусловленная тем, что после смерти Петра I в 1725 году на российском престоле оказывались временщики; частая смена власти и непоследовательность в решениях негативно сказались на дипломатии и политике на Кавказе, вследствие чего временно ослабло российское влияние на эти территории.

В 1735 г. были упразднены владения, занятые российскими войсками, в силу трактата, заключенного императрицею Анной Ивановной с «бекилем»

¹¹² Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. В 3-х частях, Ч. III. Санкт-Петербург, 1869. С. 7.

¹¹³ Алкадари Г.Э. Указ. соч. С. 61.

Тахмас Кули ханом, который говорил тогда от имени малолетнего Шаха Аббаса III¹¹⁴.

Несмотря на негативное развитие событий для России после 1725 года, Каспийский поход Петра I имел важное международное значение: он продемонстрировал устремления России к закреплению позиций на Северном Кавказе. Этому способствовали победа в Северной войне, проявившийся военно-технический потенциал страны и обретение ею статуса империи. Значимость похода также состояла в том, что он усилил тяготение ряда кавказских народов к России как к центру силы.

Однако процесс закрепления позиций в регионе военными и дипломатическими методами, начатый с Каспийского похода, набирал обороты; участие России в нем продолжалось с переменным успехом в течение всего XVIII–XIX веков. Для окончательного определения границ подвластных территорий и судеб народов Северного Кавказа предстояло еще провести целый ряд войн и дипломатических усилий.

После того как Персия в 1725 году утратила позиции в регионе, важным конкурентом России в соперничестве за влияние стала Османская империя (Порта), которая в 1733 году заявила о своих притязаниях на Дагестан. Османская империя нередко действовала против России не непосредственно, а через своего вассала — Крымское ханство.

Военные действия на Кавказе существенно отличались от других подобных мероприятий: здесь наряду с военным потенциалом требовалась дипломатия в отношении местного населения. России необходимо было не только военной силой, но и «лаской» располагать к себе местное население, что было гораздо сложнее.

В острой конкурентной борьбе держав судьба региона находилась не только в зависимости от военного потенциала, но и настроения и расположения местного населения к той или иной державе. «Политика ласканий» играла

¹¹⁴ См.: Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. Москва, 1823. С. 22.

прогрессивную роль в кавказской политике России, так как вопреки воле местных народов претендовать на регион и утвердиться там было невозможно. Только обжитая территория с надежным населением, лояльно расположенным к российским властям, было условием успешности политики на Кавказе.

Уникальность ситуации на Северном Кавказе для России была в том, что кабардинцы были настроены пророссийски и в числе первых (1711 г.) вошли в состав России, а чеченцы, напротив, присоединились к антироссийскому движению Шамиля, который занимал протурецкую позицию. В этих условиях соотношение про- и антироссийских сил балансировали ингуши, а потому с целью сохранения первенства российским властям необходимо было всеми доступными способами располагать к себе ингушей и корректировать политику с учетом этого.

Поэтому власти на местах проводили целенаправленную работу с населением, чтобы сформировать у него лояльность и уважение к российским властям. С учетом традиционных культурных, ментальных, религиозных и иных различий это представляло серьезную проблему. Процесс интеграции был одновременно тернистым и объективно обусловленным.

Учитывая геополитические приоритеты региональных держав, интерес вызывает расклад численности ингушей относительно казаков в период активной политики России на Кавказе. По сведениям Н.Г. Волковой «в этом селении и Назрани в 1810 г. насчитывалось до 866 ингушских дворов и 1,3 тыс. вооруженных мужчин ... В 1816 г. все население округа Назрани (назрановцы) насчитывало 2410 дворов и 12050 человек, населявших 93 небольших селения»¹¹⁵. Численность назрановцев в 12050 человек для того времени следует считать существенной, если учесть, что к 1710 г. на Северном Кавказе насчитывалось всего около 10 тыс. казаков, переселившихся сюда отчасти с Дона после подавления восстания К. Булавина в 1709 г.¹¹⁶ Донские казаки пополнили

¹¹⁵ Волкова Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа – XVIII – начале XX в. Москва: Наука 1974. С. 162.

¹¹⁶ Там же. С. 197.

число гребенских казаков, проживавших здесь еще с XVI века. В архивных материалах за 1846 г. неоднократно говорится о Донском казачьем полке № 26, который использовался против «скопищ» Шамиля¹¹⁷, что является подтверждением: часть донского казачества перебралась на Северный Кавказ и наряду с гребенскими использовалась для защиты южных рубежей России.

Наряду с вольными казаками российские власти также были заинтересованы переселять на юг государственных крестьян, что периодически осуществлялось. Так, на южные рубежи «в 80-е годы XVIII в. помимо казаков поселяются около 4 тыс. экономических крестьян-однодворцев, преимущественно Курского, а также Воронежского и Тамбовского наместничеств»¹¹⁸. Таким образом, относительно казаков, добровольно или насильственно переселяемых из центральных губерний России, численность ингушей была выше.

Здесь же следует обратить внимание на существенные детали относительно качественной стороны казаков, мигрирующих на южные рубежи. Сложно назвать полностью пророссийски, патриотично настроенным представителей донского казачества, пополнявших ряды гребенских казаков, хотя бы в первом и втором поколениях, которое накануне принимало участие в восстании К. Булавина против российских внутренних порядков и было жестоко подавлено. То же самое можно сказать относительно государственных крестьян, которых против собственной воли подвергали миграциям с родных земель. Поэтому население, мигрирующее с центральных губерний России, сложно было считать полностью пророссийски настроенным.

В историографии отсутствуют обобщенные сведения о численности переселенцев на южные рубежи, как добровольно, так и принудительно подвергнутых миграциям. Однако 8 тыс. донских казаков, пополнивших ряды гребенских казаков, – это самое значительное число мигрантов, встречающееся в литературе. На этом фоне численность ингушей в 12050 человек на 1816 год

¹¹⁷ ЦГА РСО-Алания. Ф. 290. Оп. 1. Д. 20. Л. 49 об.

¹¹⁸ Волкова Н.Г. Указ. соч. С. 196.

следует считать значительной. Существенной отличительной особенностью ингушей перед мигрантами было то, что им не требовалось время для адаптации к местным природно-географическим и климатическим условиям. У ингушей была серьезная мотивация находиться под протекцией и в составе такого сильного государства, как Россия, так как «переселение вайнахов на равнину имело важные социально-экономические и политические последствия. Оно определило прогресс земледелия, скотоводства, ремесел, торговли, резко активизировало контакты с соседними народами...»¹¹⁹. Отметим, это был самый главный мотив, – ингуши в составе России чувствовали себя в полной безопасности.

Хронологически геополитические притязания региональных держав совпали с миграциями ингушей с гор на равнину. Вместе с тем совпали интересы российских властей и ингушского населения, а потому российские власти готовы были принять в свое подданство местных жителей, но с соблюдением определенных условий, которые не всегда соответствовали чаяниям ингушей. При разнице интересов культурное вхождение и интеграция, естественно, происходили с определенными издержками и проблемами, которые продолжались в течении всего интеграционного процесса.

Документы свидетельствуют: ингуши в случаях притеснений со стороны российских властей прибегали к альтернативным способам защиты своих интересов (поиск покровительства у Имама Шамиля, который в антиколониальной борьбе был настроен протурецки). Угрозы и попытки перейти к чеченцам и присоединиться к движению Имама Шамиля были предупреждением для властей, которые опасались развития событий по сценарию, противоречащему российской политике на Кавказе. А потому командующий Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютант Г.В. Розен в марте 1836 г. предписывает Владикавказскому коменданту Широкому «всеми

¹¹⁹ Великая Н.Н., Виноградов В.Б., Хасбулатова З.И., Чахкиев Д. Ю. Очерки этнографии чеченцев и ингушей. Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1990. С. 19.

мерами убеждения и кротости стараться водворить между ними спокойствие и прекратить их недовольствия с магометанами. Но если бы они продолжили не слушаться своего пристава и действительно приступили бы к исполнению намерения бежать в Чечню, то употребите и строгость, но с должною осмотрительностью и не иначе как в самой крайности прибегайте к действию оружием»¹²⁰.

В разное время и особенно в середине XIX в. движение горцев Дагестана и Чечни на Северном Кавказе принимало угрожающий характер, способное привлечь на свою сторону другие местные народы, в том числе и ингушей. Одним из подтверждений этому является выдержка из доклада полковника Золотарева от 29 мая 1846 г. Владикавказскому коменданту генералу Нестерову о том, что «сейчас дали мне знать лазутчики, что по распоряжению Шамиля наиб Нур-Али-Мулла делает у шапсугов сбор известных горских народов, имея намерением присоединить к скопищу также других <...> Горные орудия движутся в Хевсуретию и, взяв от них аманатов, направляются для наказания галгаевцев и далее чрез кистинцев и Джерах на Военно-Грузинскую дорогу....»¹²¹.

В следующем 1847 г. карабулаки объединились с чеченцами против Российских властей и состоялось достаточно ожесточенное сражение, в результате которого «потеря наша в этом деле состоит из 17 убитых нижних чинов; и ранеными: 3 обер-офицеров и 63 нижних чинов. По верным сведениям, полученным от лазутчиков, потеря неприятеля весьма значительна; потреблены все надежные люди Карабулахского племени; в наших руках остался один значек и много разной добычи»¹²².

Не менее примечательным в контексте темы является письмо от 5 июня 1849 г. Владикавказскому градоначальнику, в котором сообщаются следующие сведения: «получил много сведений от непокорного галашевского жителя

¹²⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 19 - 19 об.

¹²¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 290. Оп. 1. Д. 20. Л.Л. 46 - 46 об.

¹²² Газета «Кавказ». Тифлис, 1847. № 44.

Черкеса, что наиб Малой Чечни Содула с многочисленным сборищем добровольных чеченцев... прибыл в Аршты, от сего числа выступает в Галашки с намерением делать где-либо в наших пределах нападение и для большего успеха разведывания секретно послал из Арштов 15 человек под предпринимательством беглых осетин из Беслановой деревни»¹²³. Горцы под предводительством Шамиля в 1846–1849 годах поддерживали напряженность в регионе, стремясь расширить зону своего контроля. Это создавало серьезное давление на российские власти.

Протестный настрой ингушей со стороны местных властей почти всегда находил понимание и более или менее лояльное отношение. В контексте политики «ласканий» и превентивных мер со стороны российских властей следует привести случаи, когда назрановцы имели возможность смещать неугодных себе приставов из числа своих или русских представителей, а также выбирать мулл для мечетей из собственной среды. Как свидетельствует архивный документ от 21 июня 1837 г. назрановцы, «собравшись до 100 человек ... учинили присягу, чтобы к Гайтову не ходить и приказания его не исполнять»¹²⁴. В результате протестных акций среди назрановцев, их «большой вражды и неудовольствия к Гайтову, он сам подал рапорт»¹²⁵ об отставке.

Активная геополитика России на Северном Кавказе сыграла конструктивную роль для судеб местных народов тем, что соперничество держав представляло альтернативу для сотрудничества с выгодным политическим режимом. Благодаря этой альтернативе российские власти выстраивали взаимоотношения с местным населением и, в частности, с ингушами, на взаимовыгодных условиях, вследствие чего наметилась центростремительная тенденция и культурная интеграция.

Одним из крупных военно-политических конфликтов за влияние на Северном Кавказе стала Русско-турецкая война 1735–1739 годов, которая шла с

¹²³ ЦГА РСО-Алания. Ф. 245. Оп. 1. Д. 175. Л. 21.

¹²⁴ ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4850. Л. 29 - 29 об.

¹²⁵ Там же.

переменным успехом и завершилась подписанием в 1739 году Белградского мирного договора. По его условиям Большая и Малая Кабарда были объявлены независимыми владениями и выступали в качестве буферной зоны между Россией и Турцией (Портой)¹²⁶. Геополитические изменения затронули ингушей, так как они непосредственно граничили на западе с Кабардой; эти события пришлось на период миграций ингушей с горных районов на равнину.

Условия Белградского договора для России были невыгодными, так как сводили на нет достижения Каспийского похода Петра I. Также по условиям договора Россия не могла влиять на военно-политические события на Северном Кавказе, в том числе во время персидского вторжения на Закавказье и Дагестан в 1735 – 1741 гг. Горцы Дагестана в 1741 году в Андалальском сражении объединенными силами одержали победу над войсками Надир-шаха, существенно ослабив стремление Персии к расширению влияния на Северном Кавказе¹²⁷.

Наряду с военно-техническими возможностями России лояльное отношение к традициям местного населения стало основой тенденции к переходу отдельных северокавказских народов в подданство России — как это произошло с кабардинцами, а затем ингушами. И напротив, характер взаимоотношений между Россией и местными народами существенно ослабил позиции прежде всего Персии, а затем и Османской империи в борьбе за влияние на Северном Кавказе.

Немаловажным следствием попыток Османской империи и Персии утвердить свое влияние на Северном Кавказе стал тот факт, что опыт предшествующих событий продемонстрировал: религиозная солидарность не обеспечила поддержки завоевателям со стороны местных сообществ. При том что такие этнические группы региона, как дагестанцы, чеченцы и кабардинцы, исповедовали ислам.

[illegible]

¹²⁷ Айтберов Т.М. Надир-шах Афшар и дагестанцы в 1741 году. Махачкала, 2011. С. 172.

В контексте консолидирующей идеологии религия народов Северного Кавказа заслуживает более пристального внимания. Известно, что в числе первых кабардинцы приняли ислам: «нашествия татар и укоренившаяся на Кубани власть Крымских ханов способствовали ко введению в сии земли (кабардинцев. – А.Ц.) магометанской веры»¹²⁸.

По источникам возможно восстановить время принятия ислама кабардинцами. Так, согласно утверждению С.М. Броневского «по собственному показанию кабардинцев, не более 80 лет минуло, как они совершенно отпали от Греко-восточной церкви и прилепились к магометанству»¹²⁹. Если учесть, что труд С.М. Броневского был опубликован в 1823 г., и от этой даты отсчитать обратно 80 лет, то время принятия ислама кабардинцами соответствует примерно 40-м гг. XVIII в. Тем самым, кабардинцы с 40-х годов XVIII в., когда разгорались события связанные с притязаниями на Северный Кавказ, уже исповедовали ислам. Несмотря на то, что принятие веры шло через Крымское ханство, находящееся под протекторатом Турции, кабардинцы не ощущали солидарности к туркам по религиозному признаку.

В 30 – 40-х гг. XVIII в., в разгар притязаний на Северный Кавказ, большую жестокость по отношению к местному населению проявили персидские завоеватели под руководством Надир-шаха. По его приказу в 1741 г. был сооружен холм из голов жителей селения Голода, чтобы устрашить местное население. Об экспедиции персов в Джаро-Белоканы Г. Алкадари писал: «И они разграбили имущество и стада магалов, разрушили их селения, а также, заняв дороги, ведущие в другие края, убивали, грабили и брали в плен бежавших по ним. В общем, они там не оставили следов оседлости и разрушили все селения»¹³⁰. Тем временем народы Дагестана, о которых повествует автор,

¹²⁸Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть II. Москва, 1823. С. 98.

¹²⁹Там же.

¹³⁰ Алкадари Г.Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане. Махачкала, 1929. С. 70.

наряду с персами исповедовали ислам, хотя и шиитского толка. Это также свидетельствует об отсутствии религиозного фактора в геополитике.

Османская империя также не демонстрировала благосклонности по отношению к местному населению и, подобно Персии, не проявляла признаков мусульманской солидарности, о чем писал С.М. Броневский: «непримиримая вражда ... остается между суннитами и шиитами, то есть между турками и персиянами, из которых первые наипаче отличаются духом изуверства и отчуждения от благоразумной терпимости»¹³¹. Определенную лепту в эти отношения вносили ингуши, балансируя между российскими порядками и выступлениями «немирных» горцев.

Отсутствие религиозной солидарности со стороны Персии и Османской империи стало одним из факторов, усиливающих центростремительные тенденции местных народов под покровительство России, что подтверждается на примере ингушей.

Условия Белградского мирного договора были пересмотрены только по окончании русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. По Кючук-Кайнарджинскому мирному договору были отменены все предыдущие договоры, кроме Константинопольского 1700 года¹³². Существенным успехом российской дипломатии в подписании Кючук-Кайнарджинского мирного договора было получение нейтралитета Крымского ханства, которое теперь не могло быть использовано в прежнем качестве вассала Османской империи.

Это событие также создавало благоприятные условия для центростремительных тенденций народов Северного Кавказа, в том числе ингушей, в состав России. Согласно условиям этого же договора Османская империя теряла влияние на кабардинцев, которые по условиям Белградского договора находились в буферной зоне. Таким образом, условия Кючук-Кайнарджинского мирного договора 1774 г. создавали благоприятные условия

¹³¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. М., 1823. С. 30.

¹³² Константинопольский мирный договор (1700): – Текст: электронный URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 17.01.2025).

для центростремительных тенденций народов Северного Кавказа в состав России. Обозначилось военно-техническое превосходство России в Северокавказском регионе и, соответственно, создавались объективные условия для политического вхождения народов Юга России, и в том числе ингушей, в состав империи.

Резюме: События на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. свидетельствуют о том, что комплекс объективных условий и субъективных факторов создавали условия для значимых исторических событий и процессов. Острая конкурентная борьба и военно-политическое соперничество региональных держав на протяжении двух веков являлось очевидным свидетельством геополитической актуальности Северного Кавказа в истории региона.

Соперничество между такими державами, как Персия, Османская империя и Россия, сыграло определенную позитивную роль в судьбе народов Северного Кавказа, которым объективно представилась альтернатива выбора своего пути. Следствием такой альтернативы стала центростремительная тенденция местных народов под покровительство России. В основе этой тенденции было не только военно-техническое превосходство России, но также лояльное, корректное отношение к традициям и укладу местных народов. Напротив, религиозный фактор между местными мусульманскими народами с одной стороны, турками и персами, – с другой, не стал консолидирующим и показал свою полную несостоятельность.

Численный состав ингушей в 12050 человек для 1816 года был существенным и имел влияние на кавказскую политику России. Наряду с военно-техническим превосходством, лояльность местного населения была определяющей в успехе великих держав в протекции над северокавказским регионом. Ингуши как народ представляли собой существенную силу, определяющую политическую устойчивость России в регионе. С учетом того, что отдельные горские общества были настроены протурецки и рассчитывали на помощь Османской империи, предостережения и попытки ингушей присоединиться к антироссийскому движению были предупреждением для

российских властей. А потому командование на Кавказе предписывало опираться на мирные способы сближения с ингушами, прибегая к силовому давлению только в самых крайних случаях.

Таким образом, ингуши представляли собой влиятельную силу, выступающую в качестве балансира соотношения людского ресурса между противоборствующими державами на Северном Кавказе.

1.3. Ингуши в кавказской политике России второй половины XVIII в. – первой половины XIX в.

С точки зрения политического вхождения ингушей в состав России основными, ключевыми событиями и хронологическими границами являются 1770 и 1810 годы, а предшествующие и последующие события играют роль причинно-следственных детерминантов или являются сопутствующими.

XVIII в. был интенсивным в миграционных процессах ингушей на равнину, он стал поворотным в судьбе народа. Миграции происходили неоднородно, сопровождались эксцессами общественного и политического характера. Из-за плодородия и удобства использования в качестве пастбищ равнинные земли на Северном Кавказе во все времена были объектом внимания как местных народов, так и мигрантов. В более ранний период они становились объектом конфликтов и вражды и часто переходили от кочевых и полукочевых племен друг к другу. К началу XVIII в. наступила относительная стабильность, обусловленная тем, что Российские власти в 1763 г. на реке Терек zaloжили город Моздок и учредили военную линию от Кизляра до Моздока¹³³. Безопасность была важным условием для оседлой жизни на равнине и создавала благодатную почву для интенсивных миграционных процессов для ингушей на равнину.

¹³³Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. Москва, 1823. С. 23.

Владельцами равнинных земель номинально считались кабардинцы с северной стороны и аксаевские кумыки – с южной. Такой порядок сложился еще в середине XVI в., когда с 1557 г. Кабарда номинально считалась добровольно присоединенной к России, однако она «не образовала единой территории с Россией, была отделена от нее неосвоенными пространствами, но уже включилась в орбиту внешней политики Русского государства»¹³⁴.

В ходе междоусобиц и раздоров кавказские народы искали себе сильного внешнего покровителя и их взоры нередко обращались к России. Такая тенденция наглядно прослеживается на примере кабардинцев. В историографии по этому поводу содержатся примечательные сведения: при Иване Грозном князя Кабарды, теснимые с разных сторон ногайцами и дагестанцами, обращаются к царю за защитой и с этого момента становятся вассалами Московского государства. Иван Грозный женится на дочери кабардинского князя Темрюка. Последний же, опираясь на своего могущественного зятя, усиливает власть не только по отношению к кабардинскому народу, но и к соседним горским народам, в том числе ингушам¹³⁵.

В XVIII в., к периоду миграций ингушей и их соседей с гор, свободных земель на равнине не оставалось, а потому всем мигрантам с гор необходимо было договариваться о землях с кабардинцами или кумыками на определенных условиях. По этому поводу в 1773 г. И.А. Гильденштедт отмечал: «до сих пор ингуши находились под покровительством кабардинских или аксаевских князей, обсуждавшиеся же давно предложение о подчинении России было осуществлено только недавно...»¹³⁶.

Достоверно и подробно взаимоотношения ингушей с аксаевскими и кабардинскими князьями описывает другой современник С.М. Броневский: «аксаевские и кабардинские князья издревле стараются утвердить над ингушами временные права завоевания наложением даней и требованием всегдашнего от

¹³⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Москва, 1998. С. 9.

¹³⁵ Мартиросиан Г.К. История Ингушии. Материалы. Орджоникидзе, 1933. С. 43.

¹³⁶ Гильденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. Репринтное издание. Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2002. С. 36.

них покорства. Частые разорения, наипаче от кабардинцев им причиняемые, побудили ингушей в 1770 г. предаться российскому покровительству. В 1773 г. по случаю разбирательства взаимных притязаний между кабардинцами и ингушами, ингушские старшины представили генерал-майору де Медему, что временно они платили подать кабардинцам с каждого двора по одному барану, <...> однако же подвластными себя им они никогда не признавали и тем паче не признают себя с того времени, как поступили в российское подданство... Наравне с прочими подвластными России народами ингуши дают аманатов и остаются при своих прежних обычаях без платежа дани... »¹³⁷. Таким образом, ингуши наряду с другими мигрантами из гор временно выплачивали кабардинским и аксаевским князьям номинальную подать. Однако это продолжалось недолго и со вступлением в состав России ее платить перестали.

Если после союза 1770 г. подати считались неуместными, то в договоре за 1810 г. подати категорически отвергались: «Отныне впредь навсегда мы и потомство наше обязуемся: кабардинцам, чеченцам и прочим здешним магометанского закона народам податей отнюдь никаких не платить, ... а ежели против сего преступим и будем давать подати оным, тогда российское начальство имеет с нами поступить яко с врагами своими»¹³⁸. Таким образом, основной целью вхождения ингушей в состав России было свободное социально-экономическое развитие в составе крупного государства без податей.

Примечательным явлением в противостоянии кабардинским князьям со стороны ингушей было то, что через борьбу и преодоление происходил процесс этногенеза, когда внешний фактор в виде «перманентного противостояния с “хозяевами равнины”, каковыми начиная со второй половины XVI и до второй половины XVIII в. являлись кабардинцы»¹³⁹, оказывал существенное влияние на динамику миграционных процессов ингушей и их консолидацию.

¹³⁷ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть I. Москва, 1823. С. 164 – 165.

¹³⁸ Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1872. С. 8.

¹³⁹ Кодзоев Н.Д. Миграционные процессы среди ингушей в XVI – XVIII вв. // История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 188.

Кабардинские князья, естественно, были заинтересованы в получении податей, тогда как ингуши стремились избежать их уплаты; в связи с этим со стороны князей нарастало недовольство, на которое Российская империя ответила политикой умиротворения и лояльности. По этому поводу в источнике отмечается: «30 апр. 1773 г. де Медему предписано ограничиться оборонительными действиями против Кабардинцев, изъявляющих свое недовольство на Россию, за принятие Ингуш под ее покровительство и не подавать им случая к раздражению»¹⁴⁰. Это – не единственное свидетельство недовольства кабардинцев принятием Россией ингушей в свой состав.

Кабардинские князья претендовали на равнинные земли и владели ими по причине численного превосходства этноса и сложившихся доверительных отношений с Россией. Равнинные земли располагались в зоне повышенного риска, так как здесь проходили разные кочевые племена, которые подвергали грабежу все на своем пути. Ингуши как относительно малочисленный народ не могли претендовать на владение равнинными землями. С учетом изложенного, кабардинские князья как владельцы земель получали пошлину и несли полную ответственность за обеспечение безопасности мигрантов и сохранность их имущества. При этом поддержание порядка на южных рубежах входило в сферу интересов Российской империи.

В объективно сложившихся условиях XVIII века проживание на равнине на условиях, определяемых князьями, представляло собой относительно более выгодную альтернативу по сравнению со стесненными условиями горной местности. Вследствие этого миграция на равнину являлась для ингушей, равно как и для иных горских сообществ, оптимальной и приемлемой стратегией. Следует отметить, что ингуши никогда не находились в личной зависимости от других народов. На этот факт обращали внимание современники и последующие исследователи, в том числе Н.Ф. Грабовский: «Ингуши всегда говорили, что

¹⁴⁰ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. В 3II-х частях. Ч. III. Санкт-Петербург, 1869. С. 129.

«хотя они временно платили дань кабардинцам, но подвластными себя не считали»¹⁴¹.

Экономическую зависимость, как и всякий деструктив, следует рассматривать в качестве определенного экстрима, который согласно законам диалектики является стимулом для народа к консолидации и поиску оптимального выхода из ситуации в пользу собственного свободного социально-экономического развития. Соответственно, притеснения и строгие условия со стороны хозяев земель / притеснителей стимулировали ингушей к поиску покровительства у сильной державы. В этой связи начались частые хождения делегаций ингушей к русским властям в Кизляр, которые сопровождались общенародными сходами поддержки. Так, старшины ингушей Цоук-Мирза Колмамоков, Харитон Мисос, Амбросий Пахомиев коменданту Кизляра в 1756 г. писали: «киштинские старшины со всем народом присягали 900 человек, чтобы были вечно в подданстве»¹⁴². Таков был способ консолидации народа посредством поиска покровительства в составе России.

Активный поиск решения проблемы дал результаты и через два года, то есть в 1758 г., девять ингушских старшин принесли присягу коменданту Кизляра на верность России. Темпы и интенсивность центростремительных тенденций возрастали и «в 1770 г. в Кизляр прибыло ингушское посольство в количестве 24 человек во главе с влиятельными старшинами Гарсом Чопановым и Сурхаем Мирзахановым для решения вопроса о вхождении ингушского народа в состав Российского государства. Во время этих переговоров представители ингушских обществ просили прислать к ним представителя, получившего от высшей власти полномочия, и установить место и время проведения акта присяги. Кизлярский комендант И.Д. Неймич сообщал в правительствующий Синод, что «они присланы от всего народа и общества с изъявлением их усердного желания поступить в вечное подданство...»¹⁴³. По указанию правительства И.Д. Неймич

¹⁴¹ Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ Вып. IX. Тифлис, 1872. С. 4.

¹⁴² История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 235

¹⁴³ Там же.

направил в Ингушетию архимандрита Порфирия, которого ингуши хорошо знали, и гусарского полка капитана Дегостодия с поручением принять «тамошний народ в подданство»¹⁴⁴.

Известным и хорошо освещенным в историографии является процедура вхождения, когда 4 – 6 марта 1770 г. при значительном стечении народа вблизи аула Ангушт на поляне «Барта-Бос» («Склон согласия») 24 авторитетных представителя старейшин ингушей торжественно приняли присягу. Об этом событии известный современник отмечал «...1770 г. русский офицер принимает от Ингуш присягу в верности и аманатов»¹⁴⁵.

Также в историографии имеется информация о том, что на этой церемонии присутствовал академик И.А. Гильденштедт¹⁴⁶ (со ссылкой на самого академика). Однако здесь следует проявить осторожность, так как кроме самого академика факт его присутствия на церемонии никто не подтверждает. Более того, академик очень скуп на подробности церемоний, а фраза «русский офицер привел к присяге о верности и достал заложников» отражает стандартную процедуру любой церемонии подобного рода.

Наши сомнения в подлинности участия академика в церемонии возможно подтвердить словами историка А.П. Берже, который писал: «Гюльденштедт, Клапрот и др., никогда не жившие среди враждебного нам населения, передавали некоторые о нем подробности, то сообщаемые ими сведения, как основанные на одних слухах, заслуживали мало вероятия»¹⁴⁷. Субъективизма и недобросовестности в публицистике и научном творчестве во все времена было достаточно.

¹⁴⁴ Бузуртанов М.О., Байбулатов Н.К., Блиев М.М., Виноградов В.Б., Гаджиев В.Г. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Грозный. 1982. С. 57.

¹⁴⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. В III-х частях, Ч. III. СПб., 1869. С. 123.

¹⁴⁶ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. - 4-е изд., Ростов-на-Дону, Южный издательский дом, 2013. С. 236.

¹⁴⁷ Берже А.П. Этнографическое обозрение Кавказа. Санкт-Петербург, 1879. С. 12.

Здесь же следует отметить, что договор 1770 г. следует рассматривать как один из ключевых эпизодов в алгоритме мероприятий вхождения ингушей в состав России, а не как свершившийся факт самого политического вхождения. Следует согласиться с тем, что «на самом деле обе стороны восприняли эту присягу как заключение договора о союзе»¹⁴⁸. Более того, союзнический договор о вхождении в состав России в последующем неоднократно дублировался с другими ингушскими представителями. Так, в 1783 г. после похода против ингушей русского войска майора Рика «они без сопротивления покорились, дали присягу и в заложники восемь человек»¹⁴⁹. Надо учесть, что этот поход был следствием одного из возмущений ингушей против российских порядков в 1782 г., о чем Н.Ф. Грабовский писал: «при участии чеченцев-атагинцев, открыто и всею силою восстали было против нашего правительства, в 1782 г.». Однако по прибытии к ним русского отряда из одного батальона пехоты и эскадрона драгун и сотни казаков повстанцы покорились «дали присягу и в заложники восемь человек»¹⁵⁰.

Несмотря на некоторые эксцессы и взаимный интерес, инициатива заключения договора о вхождении в состав России принадлежала ингушам. Ими неоднократно предпринимались меры, которые во вхождении видели оптимальную перспективу своего самосохранения и прогресса, а потому в последующем неукоснительно придерживались условий договора. В случае нарушения условий союза ингушам было что терять, а потому они проявляли строгость в соблюдении договоренностей, однако попытки присоединиться к движению горцев Дагестана и Чечни в середине XIX в. проявляли неоднократно.

Итак, во второй половине XVIII в. объективная внешнеполитическая обстановка совпала с субъективными устремлениями ингушей войти в состав России. В условиях максимального соответствия объективной политической

¹⁴⁸История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 236.

¹⁴⁹Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. I. Санкт-Петербург, 1869. С. 111.

¹⁵⁰Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ Вып. IX. Тифлис, 1872. С. 11.

конъюнктуры с субъективными устремлениями ингушей наблюдается тенденция их вхождения в состав России, одним из самых знаковых событием которой стал союз 1770 г.

Тем временем, социально-экономическая и политическая жизнь как в мире, так и в Северо-Кавказском регионе развивалась по восходящей. Новый импульс для развития политических событий на Северном Кавказе появился в период правления Екатерины II (1762 – 1796 гг.). В историографии часто приводится ее Указ от 1792 г., в котором подчеркивается учтливое и корректное отношение к народам Северного Кавказа: «Не оружием, а паче правосудием и справедливостью, нужно приобретать их (горцев – А.Я.) к себе доверенность... Всячески ласкать и привлекать к себе лучших людей народа сего, тех же, кто более предан, жаловать чинами, деньгами и иными отличностями...»¹⁵¹. Такая политика по отношению к народам Северного Кавказа в историографии получил название «политика ласканий»¹⁵².

В духе «политики ласканий» устанавливались доверительные отношения между ингушами и русскими воинскими гарнизонами, основанные на взаимной выгоде. В ингушах русские власти видели надежную опору в борьбе против враждебных горцев, а ингуши, в свою очередь, нуждались в покровительстве российской власти для защиты от кабардинских и аксаевских князей¹⁵³. Не зря в договоре 1810 г. ингушам предписывалась обязательность защиты российских территорий от непокорных горцев. Когда в 1843 г. депутаты от Назрановского общества обратились с прошением об освобождении их от ответственности за бесчинства горцев, проходящих через их земли, то в ответе было сказано, что прошение «уважено быть не может, ибо охранение границы, прилежащей к

¹⁵¹ Цит. по: История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII в.). Москва: Наука, 1988. С. 459.

¹⁵² Великая Н.Н. О политике «ласканий» на Северном Кавказе в XVIII веке // Исторические науки. 2016. № 1 (18). С. 5.

¹⁵³ См.: Муталиев Т.Х.-Б. Благодаря мужеству и силе нации // Ингушетия и ингуши. (Сост. М.Д. Яндиева) Т. 1. Назрань; Москва, 1999. С. 175.

владениям непокорных горцев, составляет их прямую и важнейшую обязанность...»¹⁵⁴.

Кавказская политика России во время правления Екатерины II была рассчитана и на распространение своей власти на Грузию, которая была объектом территориальных притязаний Порты и Персии. Эти взаимоотношения имели непосредственное отношение к ингушам, так как единственный логистический путь, соединяющий Грузию с Россией, проходил по Джерахскому ущелью, где проживали ингуши. По мнению известного исследователя А.У. Мальсагова, «Джейрахское ущелье и Ассинская котловина непосредственно примыкали к очень важным древним торгово-транспортным и военным магистралям»¹⁵⁵.

Для установления постоянных и надежных связей с Грузией в 1784 г. была заложена основа крепости Владикавказ: «В связи с необходимостью устройства надежных путей сообщения с территорией Грузии в мае 1784 г. у ингушского селения Заурово (Заур-Ков) была заложена крепость Владикавказская»¹⁵⁶.

Крепость, а затем военно-грузинскую дорогу нужно было обезопасить от нападений горцев. Для этого в 1786 г. из числа ингушей был создан отряд милиции, что способствовало более тесной интеграции ингушей с состав России. Это был один из первых подобных прецедентов сотрудничества ингушей с российскими властями на взаимовыгодной основе. Постепенно Владикавказ становился культурным и экономическим центром во всей округе и стал существенно влиять на социально-экономический прогресс ингушей.

Таким образом, с самого начала взаимоотношений наметилась тенденция к политической интеграции ингушей в состав России на основе взаимных интересов. Без взаимной выгоды договоры 1770 и 1810 гг. не могли иметь долгосрочной перспективы. Если протекторат России обеспечивал ингушам безопасность и благополучную среду для стабильного социально-

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 28.

¹⁵⁵ Мальсагов А.У. Ингуши. История и века родословий. Нальчик: Эль-Фа, 2003. С. 19.

¹⁵⁶ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 238.

экономического развития, то Россия нуждалась в стабильности на южных рубежах и защите от враждебных горцев, которые совершали грабительские набеги на Грузию, Кахетию и казачьи станицы. Касательно сближения русско-ингушских позиций М.Б. Долгиева выделяет следующие причины: «во-первых, возможность спокойно заниматься сельским хозяйством, на плодородных землях, находясь в составе Российского государства; во-вторых, ингуши надеялись освободиться из-под гнета кабардинских феодалов»¹⁵⁷. Важным фактором сближения исследовательница также считает благоприятные условия для усиления экономических и культурных связей с русским народом и соседними горскими племенами¹⁵⁸.

Религиозный фактор в геополитических интересах региональных держав с XIX в. обретал статус одного из самых важных, так как отдельные народы Северного Кавказа со сложившимися мусульманскими устоями проявляли солидарность и возлагали надежду на Османскую империю и Персию как на единоверцев. С учетом этого фактора Российским властям необходимо было корректировать кавказскую политику, исключить или минимизировать исламский фактор и приобщить большее число местного населения к христианской религии и культуре. В этом контексте ингуши находились в авангарде российской политики на Кавказе, а потому одним из важных условий принятия ингушей в состав России было принятие христианства и отказ от сотрудничества с народами «магометанского закона».

В этом контексте следует учитывать, что в 1783 г. в Тарской долине произошло сражение ингушей (ангуштовцев) с чеченским отрядом, спровоцированное военной администрацией на Кавказе: «1783 г. июнь. Русские ссорят Чеченцев с Ингушами; между ними происходит сражение»¹⁵⁹.

¹⁵⁷ Долгиев А.-Г. Несколько слов о Назрановской горской школе // Терские ведомости. 1870. № 7.

¹⁵⁸ Долгиева М.Б. Русско-ингушские отношения в X – XVII вв. // Вопросы истории Ингушетии. Магас, 2004. С. 20.

¹⁵⁹ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. В 3-х частях. Ч. III. Санкт-Петербург, 1869. С. 171.

По этому поводу П.Г. Бутков отмечал: «в то время наблюдаемо было правило древних римлян, чтоб для пользы кавказского края ссорить между собой разных кавказских народов, дабы они, ослабляя свои силы, оставляли больше нас в покое. Вследствие сего поссорены от нас разными образами чеченские народы с ингушами, и в июне 1783 года сразились, имея каждая сторона до одной тысячи человек»¹⁶⁰.

Следует отметить, что подобных случаев в источниках встречаются единицы, однако политика борьбы с религиозной солидарностью местных народов не отменялась.

Позиция исключения религиозной солидарности в среде местных народов была отражена в договоре 1810 г. между ингушами и Россией в следующей форме: «всех врагов Российскому престолу, почитая за таковых ... магометанского закона народов, мы должны считать равным образом врагами своими и без ведома и позволения начальства российского мир заключать с оными отнюдь мы не должны; в противном случае мы ... сами почитаемся врагами России»¹⁶¹.

Значительным успехом в политическом вхождении и интеграции ингушей в состав России являлся договор 1810 г., который относительно союза 1770 г. носил официальный, юридический и документальный характер. В нем в деталях расписывались условия взаимоотношений двух сторон.

22 августа 1810 г. шесть фамилий ингушей заключили с представителями Российской власти договор о верноподданничестве с предоставлением заложников / аманатов от каждой фамилии, куда «приложены перстни печати фамилий»: Торгемова, Цецме-бохова, Агиева, Картусова, Яулурьева и Хамхоева¹⁶².

Наряду с тем, что в 1786 г. была специально создана милиция из числа ингушей, принимались другие меры подобного характера. В контексте

¹⁶⁰ Цит. по: История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 236.

¹⁶¹ Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ Вып. IX. Тифлис, 1872. С. 6.

¹⁶² Там же. С. 10.

политической интеграции следует учитывать, что охрана военно-грузинской дороги в 30-х годах XIX в. всецело была доверена ингушам: «правительство, заботясь об улучшении их (джерахами и тагаурцами. – А.Ц.) состояния, предоставило им военные выгоды, как-то: пользование порожними землями на Кабардинской равнине и сбор денег с проезжающих купцов: грузинских и армянских по 10 рублей серебром, а от простого звания людей по 35 копеек серебром под видом пошлины за землю, через которое лежит дорога»¹⁶³. Отметим, что по сведениям за 1843 г. вся сумма, собираемая за проезд по военно-грузинской дороге с разных лиц и провоз товаров, составляла от 3000 до 4382 рублей в год¹⁶⁴.

С принятием в свой состав ингушей российские власти в рамках интеграции проводили эффективные меры, в том числе, распространение российского правосудия. Так, «в 1830 году для управления следующими племенами горцев граф Паскевич назначил одного пристава и четырех помощников. Сверх того, учредив во Владикавказе суд для разбирательства дел между горцами ... и назначено особым штатом содержание 6400 рублей в год. Назрановские ингуши, карабулаки и оллагирцы подчинены в том году Владикавказскому суду и назначено на жалованье двум приставам и переводчикам, равно на канцелярские расходы 3200 рублей в год. Таким образом, вся сумма на управление означенными горскими племенами простирается ежегодно до 9600 рублей»¹⁶⁵.

Не менее важное значение для интеграции ингушей имели административные реформы в среде вновь присоединенных народов. Так, в 1836 г. территория и население ингушей были разделены на административные районы, которые управлялись приставами и их помощниками, при них также находились переводчики. Инструкция предписывала: «приставам надлежит

¹⁶³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6238. Л. 7.

¹⁶⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 266. Л. 44 – 44 об.

¹⁶⁵ АКАК. Т. VIII. Тифлис, 1881. Док. № 612. С. 714 – 715.

отправлять должность свою с непоколебимою верностью к службе его императорского величества с доброхотством и человеколюбием к народу»¹⁶⁶.

Административные реформы среди ингушского населения продолжались в течение всего XIX века, о чем свидетельствуют архивные документы. Так, по положению об управлении Кубанской и Терскими областями 21 марта 1888 г. Терская область была разделена на четыре отдела с казачьим населением и четыре отдела с местным населением. «В числе отделов образован Сунженский отдел, заключающий в себе, кроме поселений с казачьим населением, территорию, занимаемую шестидесятитысячным племенем ингушей»¹⁶⁷.

В контексте политической интеграции и регламентации социальных отношений посредством российских законов следует рассматривать и меры властей по борьбе с абреками среди ингушей. Так, в документе за 1838 г. абреки называются как «важная зараза мирной жизни», которых в сел. Шалажи с семьями накопилось до 20 и «абреки состояются из беглецов кабардинских и большею частью карабулакских и ингушских жителей»¹⁶⁸. Тот факт, что абреки стали объектом пристального внимания российских властей, является свидетельством серьезности намерений по наведению социального порядка в ингушском обществе.

Ингуши верой и правдой служили России и соблюдали все предписания договора 1810 г. Одним из самых строго соблюдаемых в этом ряду была преданность ингушей соблюдению «духа и буквы» договора. Так, назрановцы в самый ответственный момент в борьбе против Имама Шамиля встали на сторону России. За преданность императору и за то, что назрановцы не покорились Шамилю, в 1843 г. было принято решение за «внимание, оказанной Назрановским обществом нашему правительству преданности, по просьбе их... рассмотреть права их на землю и утвердить оную за ними, освободить их от податей на шесть лет...»¹⁶⁹.

¹⁶⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 297. Л. 14 – 21.

¹⁶⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 811. Л. 3.

¹⁶⁸ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 186. Л. 1 – 1об.

¹⁶⁹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 6 – 7.

Приведенный случай верного служения ингушей российскому правительству – не единичный, но один из самых ярких и показательных. Подобный эпизод имел место также в 1840 г. По этому поводу командир Отдельного Кавказского корпуса генерал от инфантерии Е.А. Головин 3 августа 1841 г. писал командующему войсками Кавказской линии и Черномории генерал-адъютанту П.Х. Граббе: «Во уважение преданности к правительству нашему Назрановских ингушей и отличной храбрости, оказанной ими 6-го и 7-го числа апреля сего года при отражении скопищ Шамиля... разрешаю не требовать с них подати, назначенной предписанием моим в январе 1840 года»¹⁷⁰.

Эти прецеденты стали основанием для того, чтобы владикавказский комендант в рапорте начальнику штаба Кавказской линии 31 мая 1841 г. писал: «Ингуши Назрановские более 30-ти лет отличаются преданностью к нашему правительству»¹⁷¹.

Такую же преданность России со стороны ингушей можно наблюдать и в последующий период. Так, «Они (ингуши – А.Ц. просят о сохранении Назрановского округа ... во внимание к заслугам ингушей во время последней войны и при подавлении беспорядков в России в последнее время, для чего ингушами было выставлено более 2000 чел., из которых многие убиты и ранены)»¹⁷².

Однако практика показала, что в периоды внешнеполитического напряжения и геополитических притязаний других держав ингуши чувствовали себя более благополучно, чем в стабильное время.

Так, во второй половине 50-х гг. XIX в. для народа наступила относительно неблагоприятная полоса, обусловленная тем, что, во-первых, в антиколониальном движении Шамиля уже обозначился спад; и во-вторых, притязания на Северный Кавказ со стороны Турции и Персии заметно ослабели. Если во время подъема Шамилевского движения российские власти чувствовали

¹⁷⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 234. Л. 50 – 50 об.

¹⁷¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2 Д. 234. Л. 41– 45.

¹⁷² РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 811. Л. 3.

уязвимость своей позиции и потому опасались вовлечения ингушей в антиколониальную войну, то теперь, пользуясь ситуацией, российские власти начали более жестко проводить выгодную для себя политику среди ингушей.

Более того, «политика ласканий» утратила былую актуальность и к середине XIX века произошли серьезные изменения в кавказской политике России, когда в отношении горских владельцев Петербург перешел к более жесткой политике, все больше используя военные средства и методы¹⁷³.

В ряду подобных мероприятий одной из самых жестких было решение об укрупнении поселений ингушей, принятое в конце 50-х годов XIX в.: так легче было контролировать народ. Однако под укрупнением поселений Российские власти имели другую, более перспективную и соответствующую своим интересам цель, которая предусматривала разобщение ингушей посредством сосредоточения поселений казаков между горными и равнинными жителями. Подобные мероприятия тем более были пагубны для ингушей, что малочисленные народы поддерживаются посредством этнической солидарности и чувствуют себя защищенными в рамках собственной традиционной культуры. Потому борьба ингушей за традиционный образ и уклад жизни была равносильна борьбе за выживание.

Более того, оставление обжитых мест имело пагубные последствия для народа, поскольку люди теряли освоенные земельные угодья. В числе таких оказались джераховцы, которые на прежнем месте имели «довольно большие стада рогатого скота и баранов; но когда часть их земли, принадлежавшая им в Тарской долине, поступила во владение казаков, они принуждены были сбывать этот скот, не имея возможности обеспечивать его ни пастбищными местами, ни заготовлением на зиму сухого корма»¹⁷⁴.

¹⁷³ Гапуров Ш.А., Сугаипова А.М., Иразова М.А. Кавказская политика России в период наместничества П.Д. Цицианова // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. 2015. № 2 (18). С. 49.

¹⁷⁴ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 12.

На этом фоне имело место наиболее крупное протестное движение – назрановское антиправительственное восстание в мае-июле 1858 г., получившее в официальных документах название «назрановского возмущения». «Собравшись 25 мая на «сборном народном кургане... в двух верстах от укрепления», восставшие направили к военному командованию в крепость 16 депутатов для переговоров. Депутаты передали начальнику штаба войск левого крыла Кавказской линии полковнику Зотову нежелание ингушей селиться большими аулами. В ответ полковник Зотов задержал четырех депутатов, которые, по его мнению, «были в числе главных виновников», и приказал собравшимся разойтись. Это задержание депутатов спровоцировало нападение ингушей на крепость. Собравшиеся, по данным полковника Зотова, около 5000 человек бросились на укрепление. Артиллерийским и ружейным огнем нападавшие были рассеяны. В результате этого неравного боя только одних назрановцев было убито 42 человека»¹⁷⁵.

Ингуши рассчитывали на помощь Шамиля и отправляли ему письма. В ответ Шамиль направил воззвание к обществу назрановцев от 8 июня 1858 г. с призывом присоединиться к его войску и начал движение из Дагестана в Ингушетию¹⁷⁶. Однако силы Имама к тому периоду были на исходе и у назрановцев не хватало организованности. В результате восстание потерпело поражение и над повстанцами была учинена жестокая расправа: к расстрелу были приговорены пять человек.

Кроме того, «тридцать два человека было приговорено к наказанию шпицрутенами – по 1000 ударов на каждого, с лишением всех прав состояния и к ссылке в Сибирь на каторжные работы: в рудники без срока пять человек и на работу на заводах на восемь лет двадцать пять человек»¹⁷⁷.

Следствием «назрановского возмущения» стало лишение ранее предоставленных привилегий, как-то: 1) пожалованного им знамени за борьбу

¹⁷⁵ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 265.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ АКАК об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995. Примечание. С. 104.

против Шамиля в 1841 г., 2) упразднения звания двух знаменщиков и прекращения производимого им средств по двенадцать рублей серебром в год, и 3) права не платить податей в казну¹⁷⁸. Это событие серьезно испортило отношения между ингушами и казаками и «благодаря отобранию ингушских земель и передаче их казакам и благодаря деятельности казачьей администрации, между ингушами и казаками установились враждебные отношения»¹⁷⁹.

Справедливость была восстановлена, и земли ингушей были возвращены после Октябрьской социалистической революции 1917 г., когда «территория Ингушетии и Чечни значительно расширилась за счет земель выселенных казачьих станиц, поселенных при царизме во времена Кавказской войны на землях Чечни и Ингушетии. По данным Вильямса это увеличение территории Ингушетии составляет 58,4%, и в настоящее время Ингушетия обнимает 292.259,11 десятин земли»¹⁸⁰.

«Назрановское возмущение» стало трагическим событием в российско-ингушских отношениях в исследуемый период, однако оно было исключением и не характеризовало взаимоотношения между ними. После этого события во второй половине XIX в. ингуши получили мощный импульс для социально-экономического и культурного развития, которое особенно заметно обозначилось в системе образования. По этому поводу Н.Ф. Грабовский во второй половине XIX в. Отмечал: «ингуши, как люди практические, сметливые и бойкие, всеми доступными для них средствами стремятся завоевать для себя и образование, и место в промышленности и торговле..»¹⁸¹. Таким образом, интеграция ингушей в состав России в сложной военно-политической обстановке была сопряжена со многими проблемами, что носит объективный характер для значимых исторических событий.

¹⁷⁸ См.: АКАК об Ингушетии и ингушах. Назрань, 1995. С. 28.

¹⁷⁹ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей //Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2 – 3. Владикавказ, 1930. С. 343.

¹⁸⁰ Там же. С. 344.

¹⁸¹ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1872. С. 28 – 29.

Резюме: XVIII – XIX вв. были насыщенными военно-политическими событиями, которые оказали существенное влияние на геополитику в целом и судьбы народов Северного Кавказа, в частности. Среди этих событий наибольшее значение имели следующие три: Каспийский поход Петра I в 1722 г., и русско-турецкие войны 1728 – 1734 гг. и 1768 – 1774 годов. Эти события были определяющими в кавказской политике России и имели непосредственное отношение к судьбам народов Северного Кавказа и, в том числе, ингушей.

Центростремительная тенденция ингушей в состав России в значительной степени стала результатом русско-турецкой войны 1768 – 1774 гг. Благодаря военным успехам Российской армии в этой войне состоялся союзнический договор ингушей с Россией в 1770 г.

Однако, эти и другие события создавали объективный фон для центробежных тенденций коренных народов в состав России. Союз 1770 г. не имел юридической силы, но тем не менее стал важным этапом политического вхождения ингушей в состав России. Главным и ключевым событием по вхождению ингушей в состав России стало подписание 22 августа 1810 г. договора, который представлял собой политический документ с юридическим статусом. Это событие стало поворотным в истории ингушей и началом новой эры социально-экономического и политического развития народа. Одной из важных позиций исторического значения договора было то, что ингуши самосохранились как этнос, получили гарантию безопасности и возможность развиваться в составе крупной державы – России. Договор 1810 г. дал новый мощный импульс для интеграции ингушей в состав Российской империи.

Относительно малочисленные народы всегда сохраняли риски быть вытесненными из исторического процесса или быть ассимилированными в среду численно превосходящих этносов, чему в истории немало примеров. Ингуши избежали развития событий по такому деструктивному сценарию во многом благодаря политическому вхождению в состав России. Находиться в составе сильной державы было безопасно и выгодно с точки зрения политической и экономической, тем более в условиях политической турбулентности, а потому

пророссийской ориентации придерживались не только ингуши, но и соседние осетины и кабардинцы.

Однако политическая интеграция не была однонаправленным поступательным процессом, а, напротив, была сопряжена со множеством проблем объективного и субъективного характера. Как показала практика, в периоды острого политического напряжения ингуши чувствовали себя более благополучно, чем в стабильное время.

Во второй половине 50-х гг. XIX в. в связи с тем, что обозначился спад антиколониального движения Шамиля и наблюдалось ослабление притязаний Турции и Персии на Северный Кавказ, во взаимоотношениях ингушей и российских властей наступила относительно неблагоприятная полоса взаимоотношений. Если раньше антиколониальная борьба Шамиля держала в напряжении Российские власти, которые всеми способами готовы были удержать ингушей от поддержки антиколониальной войны, то теперь, пользуясь изменившимися обстоятельствами, власти начали более жестко проводить выгодную для себя политику среди ингушей.

Одним из самых жестких мероприятий было решение об укрупнении поселений ингушей в 1858 г. Оно затрагивало национальные интересы ингушского народа. Под укрупнением предусматривалось разобщение ингушей посредством сосредоточения поселений казаков между горными и равнинными жителями. Борьба ингушей за свой традиционный уклад и образ жизни была равносильна борьбе за выживание. Поэтому «Назрановское возмущение» в мае-июле 1858 г. было самым острым и резонансным политическим конфликтом между российскими властями и ингушами в исследуемый период.

Однако конфликты и противоречия в процессе интеграции в истории каждого народа носят объективный характер и не являются определяющими во взаимоотношениях ингушей с российскими властями. Напротив, социально-экономический, политический и культурный прогресс были главными доминирующими факторами во взаимоотношениях двух народов.

В условиях сложных, турбулентных военно-политических событий XIX в. ингуши сохранили преданность договору 1810 г. и в каждом случае придерживались пророссийских позиций. Лояльность и поддержка местного населения были важным фактором успеха России в политических и территориальных притязаниях в кавказской политике. От позиции каждого из местных народов зависел в целом успех России на Кавказе, и ингуши представляли собой балансирующий фактор в этой политике.

ГЛАВА II. СОЦИАЛЬНАЯ И ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ ИНГУШЕЙ В СОСТАВ РОССИИ В XIX В.

2.1. Экономика ингушей в контексте интеграционных процессов

Уровень экономического развития этноса имеет важное значение в его общей характеристике, поскольку выступает критерием социальных достижений и базисом для иных компонентов — таких как социальная структура, особенности культуры и мировоззрения, ментальность и т. д. В контексте интеграции ингушей в состав России экономический аспект играет существенную роль, так как позволяет отслеживать качественную и количественную динамику интеграционных процессов.

Экономическое развитие каждого этноса находится в прямой зависимости от экологии ее проживания, природно-географических и климатических условий локации. Первоначально до середины XVI в. ингуши проживали в горной части Кавказского хребта и подобно другим народам обеспечивали себя материальными ресурсами соразмерно численности населения и природным ресурсам.

Однако с XVI в. и особенно в XVII в. наблюдаются демографические сдвиги и намечаются тенденции к численному росту населения. Немаловажным для понимания социально-экономической динамики ингушей в исследуемый период является тот факт, что во второй половине XIV в. значительная часть населения Алании, в состав которой входил ингушский этнос на заре своего формирования, была истреблена Тамерланом¹⁸², а «уцелевшая же часть нашла убежище в горной зоне, где проживало родственное им этническое население»¹⁸³. Соответственно, переселенцы потеснили родственных горцев и

¹⁸² Битва на Тереке: — Текст: электронный URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%>. (дата обращения: 19.10.2025).

¹⁸³ Картоев М.М. Ранние этапы этнической истории // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 48.

ограничили сферу производственной деятельности. После Тамерлана прошло почти 200 лет, прежде чем обстановка стабилизировалась, что создало благоприятные условия для численного роста населения в горах. Итак, «земельная теснота» в горах была обусловлена в определенной степени завоевательными походами Тамерлана в конце XIV в., а также последующим естественным приростом населения. В последующий период на равнине возникли относительно безопасные условия для проживания, однако к тому времени земли были под контролем кабардинских князей из-за численного превосходства. Таким образом, наблюдалась диспропорция в материальных ресурсах, обусловленная дефицитом земли в горах и ее избытком на равнине.

Следствием численного роста населения, земельной тесноты и ограниченности материальных ресурсов становились частые локальные конфликты в горах, когда «целые фамилии были вынуждены мигрировать, спасаясь тем самым от кровной мести»¹⁸⁴.

Дефицит материальных ресурсов в горах был обусловлен также несовершенной примитивной и консервативной технологией производства, ориентированного на самообеспечение.

Основными видами производства были скотоводство и земледелие, они соответствовали уровню производственных отношений и способны были удовлетворять минимальные экономические запросы местных жителей. При этом домашний скот представлял собой главную материальную ценность в хозяйстве горца и служил эквивалентом товаров. Все торговые сделки, в том числе оплата наемного труда мастеров-строителей, производилась посредством домашнего скота. Скот служил средством оплаты калыма при заключении брачных союзов, а также эквивалентом денег в оплате штрафов за нарушения или преступления. Так, материальный ущерб пострадавшей стороне в случае убийства компенсировали крупным рогатым скотом в 120 голов. При этом существовала круговая порука, при которой коллектив родственников с учетом

¹⁸⁴ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 195.

степени родства собирал необходимые средства для компенсации материального ущерба пострадавшей стороне.

Главным средством соблюдения религиозных обрядов также был скот – жертвоприношения. «В обрядовой и культовой составляющих религии заметное место занимало жертвоприношение скотом»¹⁸⁵. Обряд побратимства или принятия в новый тейп также сопровождался угощением, при котором, как правило, закалывали белого быка.

В скотоводстве преобладало овцеводство из-за неприхотливости овец в содержании, а также потому, что овцы наряду с мясомолочной продукцией давали шерсть – крайне необходимый продукт в хозяйстве горца-ингуша. Овцеводство носило перегонный характер.

Производство было экстенсивным, то есть увеличение материальных ресурсов достигалось за счет привлечения дополнительной рабочей силы и расширения земельных площадей, а не путем интенсификации – посредством совершенствования технологий производства. В горах, как правило, из сельхозкультур возделывали малокалорийные ячмень и отчасти овес, так как климат более соответствовал созреванию именно этих культур.

Горный рельеф местности с суровым климатом и низкая продуктивность земледелия были характерным явлением, а потому горцы выход из ситуации находили в террасном земледелии: «Вблизи жилищ встречаются искусственно устроенные террасы для посева хлебов»¹⁸⁶. Каждое хозяйство вкладывало в сооружение террасы неимоверный труд, как-то: постройка подпорной стены, подвоз грунта со стороны, унаваживание и орошение, для чего требовалась тяговая рабочая сила – скот. «Чтобы приготовить поле, не только для посева, но даже для сбора сена, горный ингуш должен очистить избранное место от камней и потом наносить туда на выючных мулах, а нередко на собственных плечах,

¹⁸⁵ Там же. С. 182.

¹⁸⁶ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 9.

плодородной земли и различных удобрений»¹⁸⁷. Террасирование было вынужденной мерой, однако проблему дефицита продуктов земледелия оно полностью не решало.

Для распашки земли использовали волов, для запряжки в один плуг требовались до пяти пар¹⁸⁸, в зависимости от жесткости почвы. Экономика, основанная только на физическом труде человека и привлечении тягловой силы рабочего скота, была трудоемкой и малопродуктивной.

О моральных и физических страданиях горцев-ингушей Н.Ф. Грабовский писал: «Человеку, первый раз попавшему в горы, придется бесконечно удивляться тем нечеловеческим усилиям, которые употребляет горец для того, чтобы находящиеся в его распоряжении скудные клочки земли, служили ему подмогою в средствах для жизни»¹⁸⁹.

Поселения и жилища ингушей в горах соответствовали их экономическому положению и занимали небольшие площади, так как ограниченные земельные угодья и их качество не в состоянии были прокормить возрастающее число населения.

Очевидным следствием увеличения численности населения и земельной «тесноты» в горах был заметный рост стоимости сельхозугодий: «Как сенокосы, так и пашни ценятся очень высоко, особенно, последние, за которые еще в совсем недавнее время уплачивалось до 300 коров, или, считая в среднем стоимость коровы в 8 руб., до 2400 за пай»¹⁹⁰.

Более наглядно экономическая жизнь ингушей до переселения на равнину представлена в следующих цифрах: «на каждое семейство приходилось 0, 5 лошадей, 0, 4 ешаков, 1 штука рабочего рогатого скота, 2,8 штук коров и телят, 20,9 баранов и 1,7 четвертей хлеба»¹⁹¹. В представленный отчет вошли

¹⁸⁷ Вертепов Г.А. Ингуши (Историко-статистический очерк) // Вертепов Г.А., Пантюхов И. Сказания об ингушах. Майкоп, 1991. С. 40.

¹⁸⁸ Там же. С. 44.

¹⁸⁹ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 11.

¹⁹⁰ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 38.

¹⁹¹ Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 9.

следующие участки: Джераховский, Кистинский, Галгаевский, Аккинский, Цоринский и Мереджинский.

Таким образом, стесненные условия проживания и прирост населения в горах, которые создавали дефицит материальных ресурсов, стали основными причинами поиска новых территорий и сферы жизнедеятельности этноса. Более того, экстенсивное производство не способно было обеспечить минимальный уровень материального достатка горцев, следствием чего стали миграции ингушей с гор на равнину.

В литературе встречаются разночтения относительно хронологии миграций. Как утверждает Б.К. Далгат, «Ингуши начали выселяться на равнину лет 200 тому назад, т.е. приблизительно с начала XVIII столетия...»¹⁹². М.М. Зязиков отмечает, что начало миграций относится к XVI в.¹⁹³. В другом исследовании отмечается, что «не позже середины XVI в. начинаются миграционные процессы, связанные с колонизацией ингушами равнинных земель»¹⁹⁴. Эти и подобные версии хронологических рамок не противоречат нашему пониманию событий, так как миграции отдельных семей имели место немного раньше основных процессов. Более того, очевидно, что миграции происходили не единовременно, а представляли собой процесс, который продолжался разными темпами и интенсивностью на протяжении XVI – XIX вв.

Дефицит порождал повышенный спрос, и на фоне ограниченности земельных угодий и материальных ресурсов в горах наблюдались междоусобицы, конфликты, которые сопровождались кровной мстью. На этом фоне неизбежными становятся миграционные процессы, и в числе первых в XVI в. представители тейпа Акки-лам из Ингушетии (аккинцы) покидают обжитые места и переселяются на современное место проживания – в долины рек Ярык-

¹⁹² Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. М., ИМЛИ РАН 2008. С. 69.

¹⁹³ Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004. С. 71.

¹⁹⁴ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 194.

су и Акташа¹⁹⁵ (современный Казбековский район РД). С таким же успехом начинаются миграции ингушей на равнину, уже занятую кабардинскими и отчасти кумыкскими (аксаевскими) князьями.

Здесь следует учесть, что миграционным процессам сопутствовало то, что под влиянием «мощной волны миграций ... сначала ногойских, а затем и адыгских родоплеменных групп» территория проживания ингушей с XVI в. начинает смещаться в сторону Северо-Восточного Кавказа. Этот процесс завершился формированием на Центральном Кавказе новой этнической общности – кабардинцев»¹⁹⁶. Имея численное превосходство над другими соседними протоэтнотами и пользуясь поддержкой российской администрации, кабардинцы раньше других установили свой контроль над равнинными землями.

Соответственно, в связи с миграционными процессами на равнину у ингушей наметились заметные подвижки во всех областях социально-экономической и политической жизни. Условия жизни на равнине качественно отличались от горных условий по всем параметрам, в том числе потому, что на равнине «весь скот почти круглый год довольствуется на подножном корме, подкармливается сеном и отчасти зерном (исключительно кукурузой) только скот, употребляемый на работы»¹⁹⁷. Соответствующие изменения наблюдались и в земледелии.

Наиболее наглядно качественные изменения, обусловленные миграциями на равнину, У. Лаудаев представил на примере чеченцев: «успехи (в земледелии. – А.Ц.) поставили равнинных чеченцев выше их горных братьев; перенимая от соседей все лучшее и полезное, они усовершенствовались в нравах, обычаях и общежитии, даже самый язык их, состоявший из природно-подражательных звуков, делается благозвучнее. Они во всем превосходят своих горных

¹⁹⁵ Далгат Б.К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2 – 3. Владикавказ, 1930.

¹⁹⁶ Картоев М.М. Ингушетия в XVI–XVIII веках) // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 49.

¹⁹⁷ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 46.

братьев...»¹⁹⁸. Аналогии могут только подтвердить общие процессы для всех народов Северного Кавказа, в числе которых – ингуши.

Миграциям предшествовали, а также их сопровождали торговые связи с жителями, ранее переселившимися на равнину, так как собственного зерна и других продуктов в горах всегда не хватало. Наряду с торговлей горцы арендовали на равнине поля под посевы, что компенсировало недостаток зерновых у горных жителей.

Равнинные жители производили исключительно кукурузу, которая имела преимущественно промысловую выгоду, а также использовалась в пищу. Первоначально пшеничный хлеб ингушами приобретался в казачьих станицах, «куда они сбывают продукты своего хозяйства и промышленности»¹⁹⁹. Как отмечает М.М. Зязиков, «в истории Ингушетии XVIII – XIX вв. переход на равнину сыграл очень важную положительную роль. Веками стесненные в ущельях и блокируемые там сначала степняками, а затем кабардинскими феодалами, ингушские горцы жили в сложных условиях»²⁰⁰.

В числе первых переселенцев на равнину были аккинцы Аккхи, которые мигрировали в сер. XVI в. в Терско-Сулакское междуречье (территория нынешнего Казбековского района РД). «Служилые окочане» (аккинцы. – А.Ц.) и играли важную роль в политике Московии на Северном Кавказе, участвовали во всех военно-политических акциях, служили связующим звеном с остальными горскими «землицами» Северо-Восточного Кавказа и фактически несли все тяготы военной службы наравне с гарнизоном крепости и казаками»²⁰¹.

В литературе встречаются некоторые комментарии с негативным оттенком относительно миграций ингушей на равнину. Однако не следует миграции однозначно интерпретировать как явление с негативными или позитивными последствиями для этноса. Необходим объективный взгляд и конструктивный

¹⁹⁸ Лаудаев У. Указ. соч. С. 22.

¹⁹⁹ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 41.

²⁰⁰ Зязиков М.М. Указ. соч. С. 118.

²⁰¹ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 196.

подход в оценке данного явления. Естественно, эмоциональное восприятие представителями этноса утраты традиционного быта в горах вполне объяснимо с позиций этнического стереотипа. Исторически сложившаяся этническая территория, особенно при ее остром дефиците, представляет особую ценность для каждого народа. Ведь одним из основных атрибутов идентификации этноса является собственная территория, которая ассоциируется с Родиной. В то же время миграция была объективным процессом, вынужденной мерой и представляла собой оптимальный выход из «земельной тесноты».

Если абстрагироваться от этнического стереотипа, то, по мнению современников, горцы на равнине нашли гораздо больший земельный простор, чем в горах, что стало фактором конструктивных изменений в образе жизни этноса. «Прекрасные тучные пастбища и чрезвычайно плодородные пахотные поля», «Попадая из гор на равнину, наблюдатель сразу заметит здесь земельный простор Равнинные имеют довольно близкое сходство с казачьими станицами. Они расположены около рек и ручьев, вдоль которых тянется иногда более одной-двух верст. Сакля (дом) от сакли стоит далеко и каждая непременно обнесена просторным двором»²⁰².

Миграции из гор на равнину имели существенные преимущества и конструктивные последствия для народа, поскольку способствовали социальному развитию благодаря взаимодействию с русским казачеством, обладавшим иными хозяйственными практиками и социально-экономическим укладом.

Конструктивным следствием для ингушей было лояльное отношение со стороны российских властей к их экономическому укладу. Соблюдался главный признак независимости личности — экономическая свобода, основанная на частной собственности, так как «...сенокосы и пашни находятся в частном подворном владении. С того момента, как горец расчистит и удобрит отведенный ему обществом бесплодный участок земли под сенокос или пашню и начнет его

²⁰² Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 25.

эксплуатировать, клочок этот становится его личной собственностью и общество теряет на него все свои права»²⁰³.

С таким же успехом леса, подобно тому, как это было в горах, также первоначально оставались в свободном пользовании всей общины, когда «каждый отдельный член сельского общества пользуется бесконтрольно. Только в последнее время ... права отдельных лиц на пользование лесом начали ограничивать ...запрещением вольной вырубki леса на продажу», что явилось «следствием быстрого истребления леса в горах», которое «угрожает окончательным исчезновением его»²⁰⁴.

Всякие сдвиги социально-экономического характера первоначально сталкиваются с определенными проблемами, которые обусловлены переструктуризацией и адаптацией к новым условиям. То же самое испытывали ингуши во время миграций. Значительный дискомфорт был в том, что кабардинцы предъявляли свои права на всю равнину, на которую мигрировали ингуши. «На равнине иногда происходили споры между ингушами, спускавшимися с гор, и кабардинцами, считавшими равнину своей территорией»²⁰⁵.

Позиции ингушей на равнине укреплялись по мере становления российской власти в регионе, что обеспечивало большую безопасность и правовые условия для освоения земель. Строительство линии обороны от Терека до Моздока, а также основание крепости Владикавказ (1784 г.) закрепили военное присутствие России и, напротив, ослабили позиции Кабарды в регионе. Усиление России стало важным фактором, позволившим жителям ингушских горных поселений активнее мигрировать на равнину и осваивать здесь земли.

Время интенсивного переселения ингушей из гор на равнину, очевидно, приходится на рубеже XVII – XVIII вв. Сохранилась легенда о переселении, согласно которой «около 200 лет тому назад» из гор из селения Онгушт вышел

²⁰³ Там же. С. 38.

²⁰⁴ Там же. С. 37.

²⁰⁵ Зязиков М.М. Указ. соч. С. 83.

ингуш по имени Орцха Кэрцхал, который поселился на берегу «матери-Назрани», сердца теперешней равнинной Ингушии. Он привел предназначенного для жертвы белого быка и стал молиться. Во время молитвы бык сам стал на колени и с неба полил дождь, что было проявлением милости божьей и служило предзнаменованием, что эта местность не будет взята с боя врагами²⁰⁶.

В отличие от условий гор, где ингуши экономически были стеснены и занимались только сельским хозяйством, на равнине наметилась тенденция к существенным изменениям в экономическом укладе горцев. Принципиально новым было то, что «жители гор приезжали на равнину и выменивали там у своих кунаков зерно и муку на скот и молочные продукты. Поэтому первыми деньгами у ингушей, как и у других горцев, сделался скот и счет на головы крупного и мелкого рогатого скота ... до последнего времени сохранился у них в более важных случаях...»²⁰⁷. Тем самым экономическому развитию ингушей сопутствовала торговля с жителями казачьих станиц.

Новый импульс торговому сотрудничеству в регионе и экономическому благополучию ингушей придало основание крепости Владикавказ в 1784 г., а потому «многие хозяйства стали процветать благодаря торговле. Ярмарки у Владикавказской крепости значительно облегчили жизнь простого населения»²⁰⁸.

Значительную выгоду ингуши получали от аренды земельных угодий у казаков. По причине того, что казаки относительно раньше обжили равнину и обладали значительными земельными угодьями, а ингуши только расселялись, последние часто арендовали в казачьих станицах угодья: «казаки ведут земледельческое хозяйство лишь настолько, насколько это необходимо для собственного прокормления и весь остающийся избыток земли охотно сдают в аренду». Так, в 1890 г. в Сунженском отделе ингушам было сдано в аренду 39907

²⁰⁶ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград, 1925. С. 25.

²⁰⁷ Там же. С. 17.

²⁰⁸ Зязиков М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность. Ростов-на-Дону, 2004. С. 74.

десятин земли, что составляет 14 % всей площади²⁰⁹. Ретроспекция этого процесса на более ранний период позволяет утверждать о ее истоках.

Наряду с земельными угодьями ингуши от такого сотрудничества приобретали навыки и способности в технологии обработки земли. Более того, учитывая ментальность местного населения, российские органы управления старались максимально лояльно относиться к традиционному укладу местного населения. Так, земля каждого ингушского поселения на новом месте считалась достоянием всего населения и входит в распоряжение общественному сходу. Пользование землей строго регламентировано: весь сельский надел делится на части по назначению – распашку, выпас скота и сенокос. «По истечении некоторого времени, обыкновенно 3 – 5 лет, сенокос идет под выгон, выгон под распашку, а пахота под сенокос»²¹⁰. Таким образом перенималась технология землепользования с соблюдением севооборота, что стало существенным прогрессом в экономическом производстве и способствовало ее интенсификации.

В контексте экономического прогресса следует рассматривать создание Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев левого крыла Кавказской линии. В деле о происхождении и правах жителей Назрановского общества за 1858 г. Комитет направляет приставу нагорных народов извещение, в котором просит для определения прав «туземного населения Галагаевского общества» выслать к маю месяцу во Владикавказ «депутатов от каждой фамилии по два человека, людей преимущественно старожилы и пользующихся особым уважением и доверием в народе»²¹¹.

Сутью и основным предназначением всякой экономики является материальное обеспечение и достаток общества, с учетом чего об уровне развития экономики ингушей могут свидетельствовать также косвенные признаки, такие как тип и рацион питания. В описании Н.Ф. Грабовского питание

²⁰⁹ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 40.

²¹⁰ Вертепов Г.А., Пантюхов И. Сказания об ингушах. Майкоп, 1991. С. 34 – 35.

²¹¹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 254. Оп. 1. Д. 10. Л. 11.

гостеприимного ингуша во второй половине XIX в. представлено так: «После шашлыка подается вареный баран, разрезанный на куски. По принятому обычаю, это блюдо гости должны начинать с курдюка, В заключение подается суп, в котором варился баран, приправленный сметаной и чесноком, в деревянных небольших чашках. *Эти кушанья составляют в горах почти всегдашнее угощение*»²¹² (курсив мой. – А.Ц.). Народ, который в сер. XIX в. может позволить себе подобное «*почти всегдашнее угощение*», не является экономически несостоятельным и материально необеспеченным. Это было следствие миграций на равнину и российского влияния на экономический уклад ингушей.

Также имеются свидетельства другого современника, которые позволяют через кухню ингушей смотреть на хозяйственную деятельности и материальный достаток народа. Так, в описании Н. Ф. Яковлева находим: «ингуш по своим симпатиям и вкусам все еще больше скотовод, чем земледелец, но огородник он плохой или лучше сказать, он еще совсем не огородник». Относительно молочных продуктов автор отмечает, что здесь «ни капли молока не пропадает даром ... пахтанина (сыворожка из-под сбитого масла) вместе с куском кукурузного чурека служит обычной пищей беднейшему населению Ингушетии. Ингушское хозяйство использует кроме коровьего также овечье и козье молоко»²¹³. Примечательно, что новым видом хозяйственной деятельности (хотя и в зачаточном состоянии) у переселенцев является огородничество, чего ранее не наблюдалось.

Таким образом, свидетельства современников позволяют через призму рациона питания представить наглядную картину хозяйственной деятельности и уровня материального благосостояния ингушей во второй половине XIX в. Также очевидно, что хозяйственная деятельность ингушей претерпела существенную трансформацию в связи с их миграциями из гор на равнину. Особенностью такой трансформации стал переход от доминирования

²¹² Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 6.

²¹³ Яковлев Н.Ф. Указ. соч. С. 25.

скотоводства в сельхозпроизводстве к приоритету земледелия и растениеводства. Такой переход был обусловлен изменившимися условиями географической и экологической среды обитания местного населения и торгово-экономическими связями с казацкими станицами.

Нужно иметь ввиду, что экономический уклад и общественный быт мигрантов с гор в короткие сроки стали значительно опережать таковые у горцев. Суровые климатические условия гор требуют значительной энергии для того, чтобы обеспечивать себя материальными ресурсами. На обработку земли в горах тратилась значительная энергия, и это при том, что размеры земельных наделов в горах существенно уступали земельным угодьям жителей равнины. Примечательные данные по этому поводу представлены в историографии. Так, средний размер земли на душу населения у горцев-ингушей составлял 1,8 десятин, тогда как у равнинных жителей: галашевских – 4 десятин и назрановских – 4,3 десятин²¹⁴. Потому при всех издержках и проблемах жизнь и быт равнинных жителей в относительно короткие сроки выгодно стала отличаться от таковой жителей гор.

Заметное развитие у ингушей в связи с миграцией на равнину наблюдается в садоводстве, огородничестве и бахчеводстве. Однако в числе разводимых огородных культур, по сведениям современников, «он постоянно употребляет только лук, чеснок – и то понемногу»²¹⁵.

По сведениям другого автора у ингушей «сады и огороды находятся в подворном владении и ... расположены в черте усадебной земли. В среднем земли, занятой под садами и огородами, приходится на двор около 0, 2 десятин»²¹⁶. Необходимо заметить, что для ингушей огородничество на равнине стало новацией: навыки возделывания культур они перенимали у казаков. Бахчеводство также стало новой практикой и постепенно превращалось в промысел: «На равнине довольно развито бахчеводство – культура арбузов и

²¹⁴ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 31.

²¹⁵ Яковлев Н. Ф. Указ. соч. С. 25.

²¹⁶ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 37.

дынь, нередко отличающиеся высокими качествами и отчасти огурцы и подсолнуха. Арбузы и дыни разводятся по преимуществу для сбыта, который для них всегда обеспечен на Владикавказском базаре и приносит иногда хороший заработок». В бахчеводстве ингушам хорошую конкуренцию составляют казачьи станицы, которые «под бахчи отводят половину земли, первый раз поступающую в обработку»²¹⁷.

Тот факт, что сады и огороды, отсутствовавшие в горах, на равнине получили распространение, свидетельствует о культурных изменениях. Эти сдвиги стали результатом интеграции в состав России и взаимодействия с русским казачеством.

Подобное влияние прослеживается в хозяйственном укладе, например в устройстве отопительных сооружений. В поселениях, где наблюдался дефицит леса как средства отопления и источника энергии, у переселенцев обрели популярность относительно экономичные и более эффективные металлические печи. При этом металл, в том числе листовой, поступал из центральных регионов России и входил в товарообмен народов Северного Кавказа, в том числе ингушей. К тому же экономика народов Северного Кавказа не предусматривала собственной добычи металла и не располагала технологиями его переработки.

Существенной частью национальной экономики являются народные промыслы. В источниках имеются отрывочные и противоречивые сведения о роли промыслов в экономике народа, вплоть до полного отрицания их наличия. Так, один из авторов отмечает, что «из кустарных промыслов у ингушей не встречается ни одного развитого настолько, чтобы его можно было назвать «промыслом»; выделка туземного сукна, изделия из дерева и металла и т.п., ... среди ингушей встречается в таких размерах, которые не удовлетворяют даже потребностям собственного обихода»²¹⁸.

²¹⁷ Там же. С. 48.

²¹⁸ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 48.

Однако с таким мнением трудно согласиться, так как отчасти компенсировать средства к существованию, в которых отказала скудная местная природа в горах, помогали промыслы. Более того, пристальный взгляд наблюдателя в сочетании со сведениями современников позволяет отследить развитие промыслов.

В продолжение всего XVIII–XIX веков основные виды экономической деятельности — земледелие и скотоводство — из-за трудоемкости не обеспечивали ингушей достаточным объемом материальных ресурсов, поэтому потребность в дополнительных источниках дохода сохранялась постоянно. Поскольку социально-экономический прогресс этноса находится в прямой зависимости от развития промыслов и торговли, социум практически никогда не способен обеспечить себя всеми необходимыми для жизни ресурсами. Поэтому атрибутом любой экономики является домашнее ремесло и торговля.

Экстенсивные способы производства имеют предел и ограничения в развитии, за которыми следуют интенсивные способы производства. Промыслы представляют собой одну из форм интенсификации производства, где нужны сноровка и изобретательность. Условия жизни и обстоятельства вынуждали представителей этноса вырабатывать такие качества ради выживания и адаптации к условиям среды.

Условия жизни этноса предоставляли возможности для возникновения промыслов и дополнительных источников дохода. Известно, что агрессивной внешней средой в средние века было обусловлено становление культуры башенного строительства. В этой связи не зря известный исследователь относительно башен отмечает, что «все поселения горной Ингушетии являются башенными»²¹⁹. Так как спрос порождает предложение, одним из изначальных форм социального запроса было башенное строительство, а, соответственно, это ремесло у ингушей исторически было востребовано. «В старое время в горах имелись целые роды занимавшиеся, например, постройкой башен из камня.

²¹⁹ Мужухоев М.Б. Башенная архитектура // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 168.

Такова фамилия Берхиновых, жителей селения Берхиной в горной Ингушии...»²²⁰. По мнению известного исследователя Е.И. Крупнова «Ингушские боевые башни являются в подлинном смысле вершиной архитектурного и строительного мастерства древнего населения края <...> для своего времени были подлинным чудом человеческого гения»²²¹. Башни подразделялись на несколько типов: оборонительные, жилые, сигнальные, которые во многих случаях сочетали в себе все три фактора.

Наряду с башенным строительством востребованными были домашние промыслы в виде изготовления одежды, обуви, домашней утвари, скорняжного дела, изготовления сельхозинвентаря и т.д. Из-за вечной актуальности все виды домашних промыслов вплоть до середины XIX в. имели преимущественно натуральный характер. Вот как выглядела одежда ингушей в описании современника: «Одежда состоит из суконной черкески, черной, серой или коричневой, ситцевого бешмета, суконных шаровар, суживающихся книзу, чевяка на ногах и барашковой шапки на голове. Сукно для черкесок употребляется местного изделия; его готовят женщины из бараньей шерсти и окрашивают в растительные краски. Чевяки делаются из сыромятной кожи, в большинстве случаев лошадиной, а также из сафьяна с подошвой из более грубой кожи; ... В горах предпочитают чевякам крепкие башмаки с толстой подошвой из буйволиной кожи»²²². Эти и другие сведения неоспоримо свидетельствуют о наличии домашних промыслов у ингушей в продолжение всего исследуемого периода.

С вхождением ингушей в состав России в начале XIX в. возможности для развития промыслов существенно возросли. Непосредственное соседство с казачеством предоставляло больше возможностей для такого развития. Появление новых видов промыслов было обусловлено местом локализации народа и возможностями географического обитания. Было время, когда

²²⁰ Яковлев Н. Ф. Указ. соч. С. 88.

²²¹ Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. Москва: Наука, 1971. С. 71.

²²² Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 23.

отдельные общества ингушей сбывали лес во Владикавказе и извлекали от промысла достаточную выгоду для того, чтобы могли отказаться от хлебопашества и скотоводства. В частности, джераховцы и мереджинцы находили дополнительные источники дохода: «первые сбывают во Владикавказе на базарах камень и лес, вторые довольно выгодно пользуются соляными колодцами выменивая в Чечне и других соседних местах соль на хлеб»²²³. Эти два общества извлекали от своих промыслов достаточную выгоду, чтобы «совсем не заниматься хлебопашеством». В Ингушетии было несколько источников по добычи соли: в Датыхском районе, в Галашкинской даче, на правом берегу р. Асса, в так называемой Соляной балке – в 40 верстах к востоку от Владикавказа²²⁴.

Современник отмечал: «в земле ингушей или карабулаков есть соляной ключ, из-под горы выходящий, коего разсол так силен, что из двух мер разсола выходит одна мера соли»²²⁵.

Как крайне необходимый ингредиент питания, соль пользовалась спросом у всех жителей и, по замечанию З. М.-Т. Дзараховой, «поваренная соль из Датыха очень высоко ценилась в горах и на равнине, ее продавали на рынках Владикавказа и Грозного, а иногда возили на арбе по селам и продавали»²²⁶.

Промысловая выгода леса стала причиной обретения ингушами новых лесных участков у казаков: когда «ингуши покупают лесные участки у соседних казачьих станиц; в этих участках они добывают хорошие дрова и бревна для построек и все это сбывают по преимуществу во Владикавказе, где цены на лесной материал стоят всегда очень высокие»²²⁷.

²²³ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 10 – 11.

²²⁴ Мартиросиан Г.К. Нагорная Ингушия // Ингуши: Сб. статей по истории и культуре ингушского народа. Саратов, 1996. С. 300.

²²⁵ Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Часть II. Москва, 1823. С. 382.

²²⁶ Дзарахова З. М.-Т. Добыча соли // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 128.

²²⁷ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 36.

Наряду с лесом и строевым материалом предметом извлечения промысловой выгоды стало сено для прокорма скота. Отдельные общества ингушей из числа равнинных жителей стали заготавливать сенаж не только для прокорма собственного скота, но и на продажу во Владикавказе, когда «большая часть сена идет на продажу, а меньшая – на прокорм собственного скота»²²⁸.

Промыслов со строевым лесом и сеном до миграций на равнину у ингушей не было и быть не могло, и эти новации существенно повлияли на материальное благосостояние народа.

В исследуемый период у ингушей имело место обработка металла. Сведения о кузнечном деле сохранились от разных авторов. Кузница (пхьоале), как правило, возводилась на краю поселения. Внутреннее убранство кузницы в с. Салги подробно описал О.В. Маркграф: «Крыша земляная. Размер помещения – около 20 кв. аршин, высота в 1 сажень. В центре мастерской, ... незначительное углубление, часть которого покрыта доской ... вставленной в кусок бревна, лежащего на полу, и имеющей длину пять вершков; часть того же бревна выдолблена для воды. Мастерская имеет два меха, изготовленные самим владельцем. К двум параллельно и вертикально вбитым в землю шестам примыкает плоский камень, нижняя часть которого представляет собой полукруг. На камень кладется древесной уголь. Позади камня на земле лежат два меха, причем острые концы их обращены к месту, где находится уголь»²²⁹. Эта мастерская была передана кузнецу дедом, и она, по традиции, переходила сыну, внуку и т.д.²³⁰.

Из металла делали орудия труда, изделия сельскохозяйственного назначения и многое другое. К примеру, основу бороны (маккха) делали из дерева, а зубья – из металла²³¹.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. Москва, 1882. С. 12.

²³⁰ Чахкиев Д.Ю. Древности горной Ингушетии. Магас, 2003. Т. 1. С. 20.

²³¹ Дзарахова З. М.-Т. Традиционные ремесла // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. Москва: Наука, 2013. С. 134.

Необходимо отметить, что металл и его обработка оказали существенное влияние на социально-экономический прогресс ингушей. Относительно равнинных чеченцев в XVIII в. Б. Далгат отмечал, что «вскоре соха заменяется у них плугом (от русских), народ окреп и политически, улучшилось и его материальное благосостояние. Соседи почувствовали к чеченцам полное уважение»²³². Этот тезис возможно и правомерно экстраполировать на ингушей, которые исторически имели много общего с чеченцами, в том числе в хозяйственно-культурном отношении. Также известно, что у ингушей под влиянием казачества и на фоне развивающихся монополистических отношений земледелие постепенно приобретало интенсивный характер. Стали применяться новые, более совершенные орудия и методы ведения хозяйства. Так, с 80-х гг. XIX в. у ингушей стали использоваться плуги фабричного производства, появились фабричные косы, серпы, жатки.

Для молотбы зерна стали применять разные способы: наряду с молотильными досками стали использовать молотильные катки. Зажиточные ингуши имели конные и паровые молотилки. Использовать новую технику могли далеко не все. Например, сноповязалка стоила 335 руб., жнейка – 160 руб., сенокосилка – 125 руб., конные грабли – 55 руб.²³³ Однако сам факт появления в земледелии новых приемов является свидетельством того, что производительность увеличилась и, соответственно, вырос объем производимой продукции.

Во второй половине XIX в. начинают возделываться новые культуры, такие как подсолнечник и кукуруза. Они имели промысловый характер. Излишки сельскохозяйственных товаров, особенно кукурузы, вывозились на рынки в русские крепости и поселения, прежде всего, во Владикавказ²³⁴.

²³² Далгат Б. К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 57.

²³³ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). Москва, 1988. С. 304.

²³⁴ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 285.

Традиционно среди ингушей пчеловодство относительно других отраслей было менее популярно. Этим видом деятельности занимались немногие из зажиточных горцев и то «лишь для домашнего своего употребления»²³⁵. Однако в XIX веке обстоятельства позволяли относительно полно заниматься пчеловодством, более того, для этого созрели экономические условия жизни, благоприятствовали географические и климатические условия местности.

Социально-экономический прогресс любого народа обусловлен определенными издержками и проблемами. Важным положительным результатом в данном случае стало то, что с вхождением в состав России ингуши избавились от податей за аренду земли кабардинским князьям. Однако это не означало избавление от налогов вообще, так как вхождение в состав России и ее покровительство не были безвозмездными. Экономика Российского государства, как и любого другого, поддерживалась за счет налогов с населения. Любое объединение подразумевает ограничения и определенные обязательства, которые коснулись и ингушей в составе России.

Однако если ингуши вступили в российское подданство в 1770 году, то податями они были обложены только в 1866 году, причем в качестве единицы обложения был принят «дым». Подымная подать дифференцировалась в зависимости от условий проживания. Так, для назрановских ингушей она была определена в три рубля, а для горных – один рубль²³⁶.

В 1886 г. состоялась регистрация местного населения, и каждый зарегистрированный дым обязан был вносить повинности, названные «земскими». Сюда относились: сборы на земскую почту, содержание фельдшеров и другие нужды по сельско-врачебному делу²³⁷.

Наряду с приведенными повинностями население ингушей обязано было исполнять мирские повинности, предназначенные для содержания сельских правлений, а также для ремонта общественных зданий, дорог, мостов. С 1887 г.

²³⁵ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 13.

²³⁶ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 49.

²³⁷ Там же.

все население Терской области привлекалась к отбыванию воинской повинности²³⁸. Также наряду с российским населением местные жители вносили в казну подушную подать с мужского населения и поземельный налог.

Силами и средствами местного населения строились мосты и дороги; параллельно российские власти также прокладывали транспортные пути, которые имели двойное назначение — военное и торгово-экономическое. Так, в 1861 г. был запланирован один из таких логистических маршрутов на территории Терской области, который соединял станцию Алкунскую с аулом Гурчи. По сведениям архивного документа, дорога «удобная не только для вьючного скота, но и для провоза горной артиллерии на колесах»²³⁹. Среди тех, кто участвовал в строительстве транспортных путей, были и представители ингушей; это способствовало культурной интеграции и техническому прогрессу.

Безусловно, экономический прогресс был очевиден. Однако, когда речь идет о конструктивной тенденции социально-экономического развития ингушского общества в XVIII – XIX вв., то не следует это воспринимать буквально и в абсолютном значении. Напротив, это была прогрессивная тенденция, прослеживаемая в период до и после вхождения в состав России, которая давала возможность развиваться в условиях относительной стабильности. Наряду с приведенными фактами и суждениями нужно принимать во внимание реалии, представленные Н. Ф. Грабовским, который в 70-х годах XIX века об ингушах писал: «к сожалению, в этом мире долго обретаться нельзя: довольно одного взгляда на бледные лица обитателей этих чарующих башен, чтобы убедиться, что жизнь здесь далеко не обставлена хорошими материальными условиями. Окружающая нищета, грязь, оборванные и голые дети и несчастные женщины как нельзя лучше подтверждают эту догадку и обращают наблюдателя, на минуту очарованного красотой местности, в мире самой жалкой действительности, на самые невеселые размышления»²⁴⁰.

²³⁸ Там же.

²³⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 53. Оп.1. Д. 490. Л. 25 – 25 об.

²⁴⁰ Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 2.

Ретроспекция данного сюжета на начало XVIII в. позволяет представить экономику и уровень благосостояния ингушского общества, как, впрочем, и других соседних народов до и в первое время после вхождения в состав России.

Резюме. Экономику народа следует рассматривать в динамике, во взаимной связи и взаимообусловленности с другими отраслями и сферами жизни. При этом экономическое развитие каждого региона обусловлено разными причинами и факторами, в числе которых природно-географическая среда обитания играет существенную роль. Традиционно основными отраслями хозяйства у ингушей являлись земледелие и скотоводство.

Экономика ингушей в исследуемый период и до середины XIX века носила экстенсивный характер и развивалась за счет привлечения дополнительных трудовых ресурсов, расширения земельных площадей, а также террасирования земель. Демографические процессы и обусловленный этими процессами прирост населения, наряду с другими факторами, с XVI века привели к миграциям ингушей из гор на равнину.

Миграции на равнину представляли собой объективный процесс и сыграли конструктивную роль в судьбе ингушского народа, расширяя возможности для социально-экономического, политического и культурного прогресса. Непосредственное соседство с казачьими станицами и российской культурой сыграло прогрессивную роль в судьбе ингушского народа и преобразовало его экономический уклад — от экстенсивной модели к более современной, сопоставимой с общероссийской. В результате вхождения в состав России в экономике ингушей обозначился переход от экстенсивного типа к интенсивному. Очевидным признаком такой тенденции стало возникновение и развитие народных промыслов, что открывало реальный путь для интенсификации экономики

Первоначально строительство башен и домашние промыслы, затем торговля строевым лесом во Владикавказе, отчасти соляные промыслы и реализация лесоматериала и сенажа на городских рынках свидетельствовали об интенсификации производства у ингушей. Аналогично в результате культурного

взаимодействия с казачьими станицами появилось огородничество, а также усилились торговые связи с жителями казачьих поселений. Эти промыслы зарождались в рамках сельского хозяйства и имели значимый экономический эффект: они стимулировали предпринимательскую активность представителей этноса, а также развивали изобретательность.

Любой прогресс, и в том числе, обусловленный интеграционными процессами, сопряжен с определенными проблемами и издержками объективного и субъективного характера. Повинности и налоги в российскую казну создавали определенные трудности, при этом значительная часть этих средств использовалась на благоустройство ингушских поселений. Эти расходы обеспечивали социальное развитие, без которого прогресс маловероятен.

Главным итогом экономических преобразований следует признать то, что за относительно короткий исторический период – XVIII – XIX вв. – экономика ингушей почти сравнялась с общероссийской, что стало следствием интеграционных процессов.

В связи с вхождением в состав Российской империи у ингушей на смену натуральному хозяйству с меновой торговлей пришли цивилизационные рыночные отношения. Одним из свидетельств этому является утверждение Н.Ф. Грабовского: «горские женщины, в свободное от полевых и домашних работ время, занимаются производством плохого сукна из бараньей шерсти, — но и только; все остальные материалы, необходимые для одежды и обуви мужчин и женщин, покупаются на равнине или доставляются горскими евреями»²⁴¹.

Подобные прогрессивные преобразования произошли во всем хозяйственном укладе ингушей, что было следствием интеграции в российское экономическое пространство.

²⁴¹Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 14.

2.2. Традиционная модель социальных отношений ингушей и ее изменение в условиях российской интеграции

Традиционная модель социальных отношений. Социальная структура ингушского общества в контексте общественных отношений, наряду с экономическими, политическими и идеологическими аспектами, является одним из ключевых факторов, актуальных для понимания уровня развития общества накануне вхождения в состав России и дальнейшего прогресса в ее составе.

Прежде целесообразно определиться с принципами социальной градации и экономической дифференциации, без понимания которых сложно познать суть явления. Социальная градация, обусловленная экономической дифференциацией, является неременным атрибутом социального прогресса. Социально-экономическая градация и дифференциация являются существенным фактором и стимулом для прогресса и, напротив, отсутствие градации и дифференциации ведет к экономической стагнации и социальной деструкции общества. В этой связи в начале целесообразно отметить, что социальная стратификация и экономическая дифференциация являются характерной особенностью для любого типа общества по той причине, что не может быть абсолютного социального равенства и экономического равноправия²⁴². Каждый индивидум в принципе и по природе наделен индивидуальными потребностями, однако для их удовлетворения обладает разными возможностями. Еще в XVII в. английский мыслитель Томас Гоббс выдвинул концепцию о том, что люди от природы рождаются равными в потребностях. Однако между ними существуют различия, так как у каждого имеются разные возможности для удовлетворения равных потребностей. Люди очень часто хотят примерно одного и того же. «Если мы с вами хотим пить, то нет никакой разницы, кто из нас глупый, а кто умный, кто богатый, а кто бедный, кто имеет

²⁴² Цечоев А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII – XIX веках // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2024. № 4. С. 94.

некие способности, а кто — нет. Жажда время от времени испытывают все. Если мы хотим чего-то еще, то также в равной степени будем на это претендовать»²⁴³.

Досужие представления современников и поздних авторов о том, что у ингушей отсутствовала социальная градация и экономическая дифференциация, являются умозрительными и не заслуживают доверия по причине научной необоснованности и несостоятельности. Более того, в представлениях как авторов-современников, так и поздних исследователей под сословиями подразумеваются крепостнические, зависимые отношения, (по подобию дворян и крепостных крестьян) и эксплуатацию чужого труда. Однако такое понимание социальных отношений характерно для формационного подхода, который принципиально отличается от эволюционного, а, значит, не соответствует социальной стратификации у ингушей.

Демократические начала в системе самоуправления, когда тейпом / тухумом управляют представители, выбранные на основе практических соображений и опыта, или же старейшины – наследственно, не является признаком отсутствия социальной стратификации или экономической дифференциации. Когда современники и авторы позднего периода отрицают социальную стратификацию, они, скорее, имеют в виду отсутствие эксплуатации и экономической зависимости в социальных отношениях, не более того.

Одним из ранних авторов, обративших внимание на социальные отношения ингушей, был Я. Рейнегтс. Он писал: ингушам «название господин и слуга... совсем не известно», однако народ, «сколько бы он впрочем ни был непокорен в своей вольности, всегда имеет некоторых из своих сочленов, которые будучи от всех единогласно выбраны, пекутся о внутреннем порядке общего блага и для того почитаются за судей и за советников, коим все обязаны повиноваться, весьма редко бывают из них столь ослушны, чтоб не захотели себя

²⁴³ Василий Жарков. «Люди от природы равны в своих притязаниях». – Текст: электронный URL: <https://lenta.ru/articles/2015/09/13/gobbs/> (дата обращения 13 января 2025 г.)

подвергнуть наказанию, которое судья на них налагает»²⁴⁴. То есть, если в тейпе есть избираемые представители, которые «пекутся о внутреннем порядке общего блага и для того почитаются за судей», «коим все обязаны повиноваться», социальная субординация все-таки была, хотя и не так выраженной, как во второй половине XIX в.

По свидетельству другого современника и исследователя, «ингуши не имеют у себя дворянства, но несколько исстари еще знаменитых родов, как-то: Мацехи, Боза, Чев, Пшанув, из коих они как независимый народ, выбирают себе старшину и судью, которые управляют именем целого общества». Очевидным признаком демократических начал и наличия социальной дифференциации является выборность публичной власти из числа «исстари еще знаменитых родов» – старшин и судьи «которые управляют именем целого общества»²⁴⁵. И.А. Гильденштедт непосредственно заявляет об отсутствии у ингушей дворянства, акцентируя при этом внимание на их независимые социальные отношения, в отличие от крепостнических, какие имели место быть в центральных губерниях России. Поэтому европейские авторы отрицают социальную градацию у ингушей, ссылаясь на существующие в России крепостнические отношения и абстрагируются в своих выводах, исходя из этой практики.

Для аналогии отметим, что такие же независимые социальные отношения, как у ингушей, можно наблюдать у соседних чеченцев, у которых, по описанию Г. А. Вертепова, «нет деления на сословия в строгом смысле этого слова и общественный строй их отличается равенством.... По их понятиям все они составляют одно сословие узденей»²⁴⁶. Таким образом, позицию разных авторов с равным успехом можно соотнести и свести к единой идее о том, что как у ингушей, так и у чеченцев в социальной градации отсутствуют зависимые

²⁴⁴Кодзоев Н.Д. Российские и иностранные исследователи и путешественники XVI – XIX вв. об Ингушетии и ингушах. Магас, 2015. С. 52 – 53.

²⁴⁵ Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа 1770 – 1774 гг. Санкт-Петербург, 1809. С. 83.

²⁴⁶ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 16.

отношения. В данном случае современники акцентируют внимание на отсутствии признаков использования чужого труда. Однако это вовсе не означает отсутствие социальной градации и стратификации.

Мы находим у ингушей притчи, в которых выражено негативное отношение к правлению в целом, однако такие явления не могут исключать социальную градацию. Так, примечательную идею относительно сословного строя и социальных отношений ингушей еще в начале вхождения в состав России выразил Башир Далгат: «Предание гласит, что некогда жители всех горных обществ собрались и совещались, не принять ли им приехавшего в это время к ним князя из Дагестана и не избрать ли его себе в князя, чтобы он правил всеми ингушами. Почти все решили было избрать себе князя. В это время явился почтенный старик из Мецхальского общества с седой бородой, с посохом в руке, подпоясанный широким поясом из ослиной шкуры и с висевшими на нем ослиными ушами и обратился к народу со словами: «О, братья! Посмотрите на меня и скажите, идет ли мне этот пояс с ослиными ушами или нет?» – «Нет, не идет!» – отвечали все, смеясь. – «Так знайте же, что как этот пояс, так точно не пойдет нам, ингушам, привыкшим жить вольно, свободно и самостоятельно, князь. Не привыкли мы угождать и повиноваться воле одного человека!» – «Правда твоя!» – закричали все и отказались от своего намерения. Вообще ингуши и чеченцы не терпят сословности»²⁴⁷. Очевидно, что предание хронологически уходит корнями ко временам жизни ингушей в горах и психологически соответствует ментальности прошлых поколений. Кроме того, единая система управления не исключает социальную градацию, а потому следует избегать противоречий между выборным самоуправлением и социальной стратификацией, так как это объективный процесс.

В описании всех современников основными сословиями у ингушей в исследуемый период являлись вольные хлебопашцы и скотоводы – уздени. Термин «уздень», «эзди», «Эзди тайп», «Эзди нах» или «Эзди наькъе».... у

²⁴⁷ Далгат Б. К. Материалы по обычному праву ингушей // Известия ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2 – 3. Владикавказ, 1930.

народов Северного Кавказа имеет один смысл – вольный, независимый хлебопашец, а не дворянин, как его интерпретируют некоторые авторы-современники. «Слово уздень, заимствованное ими от соседей, означает у чеченцев: человек свободный, вольный, независимый, или, как они сами выражаются, вольный как волк, (борзь – сенна)»²⁴⁸.

Здесь же следует отметить, что между социальной градацией и имущественной дифференциацией имеется существенная грань, за которой следует экономическое и внеэкономическое принуждение. В случае, если социальная градация не сопровождается использованием наемного труда, то такая социальная градация является приемлемой, ведущей к социальному прогрессу. Именно такая социальная градация и имущественная дифференциация в динамическом развитии наблюдается у ингушей в продолжении всего исследуемого периода.

Когда речь идет о социальных отношениях, нужно учитывать следующую важную психологическую особенность: для всех народов Кавказа приоритетными ценностями во все времена были и являются личная свобода и равенство, исключаяющие всякую зависимость. Этот фактор нашел отражение во всех источниках и описаниях современников относительно всех горцев и, в частности, ингушей.

В отечественной историографии советского и отчасти постсоветского периодов наблюдается тенденция рассматривать социальные отношения ингушей через призму имущественной дифференциации и обусловленного ею классового антагонизма. Так, в одной из публикаций в обоснование социальной дифференциации и «классового подхода» у ингушей приводятся следующие факты: «из самых знатных и благородных ингушских тайпов ... были «кокалинцы» – представители трех семей – Эги, Таргим, Хамхи – потомки трех братьев..., которые по главному ущелью Ассы «построили свои башни». Всякий, кто проезжал или прогонял свой скот через трех братьев, должен был им платить

²⁴⁸ Лаудаев У. Указ. соч. С. 23.

дань, которая исчислялась скотом или пулями и зарядами пороха. Так, за проход одного человека с каждой головы скота братья брали по 1 пуле и 2 заряда пороха. Мало-помалу в руках братьев и их потомков накопились богатства»²⁴⁹.

Таковыми же знатными, благородными и экономически сильными среди вайнахов были представители фамилии Арштхоевцев, которые «как более сильный народ» удерживали за собой в Ассиновском ущелье удобные места жительства среди ингушей, какие имелись в горной полосе²⁵⁰. В конце автор заключает: «в связи с этим благородные тайпы и семьи ингушей именовались «Эзди тайп», «Эзди нах» или «Эзди наькъе»²⁵¹. Однако термин «эзди», по замечанию самого автора, имеет смысл «благородный», «знатный», «соблюдающий национальный этикет» и не имеет отношения к социально-экономической дифференциации и «классовому антагонизму», тем более, к эксплуатации, принуждению и насилию. Взимание пошлины не является формой эксплуатации наемного или подневольного труда, а потому из приведенных примеров не следует вывод об извлечении прибыли за счет эксплуатации наемного труда. В данном случае наблюдается подмена понятий «эзди», что означает «благородный», «знатный», и «эксплуатацией». «Знатный» и «благородный» вовсе не подразумевают присвоение чужого труда и эксплуатацию. Только в некоторых случаях благородство – «эздел» – и материальное состояние совмещались; «все имущественные отношения преломлялись через кодекс чести – *эздел*»²⁵², но без эксплуатации чужого труда.

Этот же случай с получением пошлины за проезд или прогон скота через трех братьев является очевидным свидетельством наличия социальной градации имущественной дифференциации у ингушей, но без признаков экономической и внеэкономической зависимости.

²⁴⁹ Газета «Кавказ». 1846. № 18.

²⁵⁰ РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 301. Л. 71, 109.

²⁵¹ Цамаева З.Д. Из истории общественно-политического устройства Ингушетии в конце XVIII – начале XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3 А. С. 81.

²⁵² Эльдиев А. Специфика этно-религиозной ментальности ингушей // Развитие личности. 2010. № 1. С. 219.

В период проживания в горной части экстенсивная технология производства в земледелии и скотоводстве не предусматривала значительную социальную градацию у ингушей. Одним из выраженных форм социальной градации и имущественной дифференциации у народа являлись боевые башни, так как строить их были в состоянии только зажиточные, состоятельные фамилии. «Только имевшие наследственную долю в башне и могильнике считались полноправными свободными ингушами. На не имевших такой доли, смотрели как на низших, с ними остерегались заключать браки»²⁵³. Подобного стереотипа мышления в общественном быту ингуши придерживались вплоть до начала XX в. Такую же аналогию в социальных отношениях можно наблюдать у других народов Северного Кавказа. Так, у аварцев о человеке с низким социальным статусом говорили «сси гъеч1ев чи», то есть «человек у которого нет крепости / башни». Сси – это крепость, и отсюда происходит термин «сси» – почет, уважение, признание²⁵⁴.

Однако наличие башни, ее размеры и обусловленный этим высокий социальный статус представителей тейпа не предусматривали использования наемного труда, а труд мастеров-строителей башен оплачивался в форме скота или другого материального эквивалента.

Социальная субординация, исключавшая эксплуатацию у ингушей во время первоначального проживания в горной части, была обусловлена в том числе спецификой экологии и рельефом местности. Экология гор и экстенсивная технология труда не способствовали производству излишков материальных ресурсов, которые могли бы стать основанием для присвоения этих излишков. Поэтому каждый обладал материальными ресурсами в строгом соответствии с собственными трудовыми вложениями и энергозатратами. Как правило, тот, кто обладал большими трудовыми ресурсами в виде рабочих рук, тягловой силы и средств производства, мог иметь больше материальных ресурсов и обрести

²⁵³ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград, 1925. С. 89.

²⁵⁴ Исламмагомедов А. И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVII – нач. XX в. Махачкала, 2002. С. 345.

высокий социальный статус, что приводило к социальной градации и стратификации.

Когда экстенсивные технологии себя исчерпали, а тенденция к демографическому росту населения стала очевидной, ингуши стали мигрировать с гор на равнину, где возможности для добывания ресурсов с меньшими энергозатратами были существенно выше. Уже эмигрировав на равнину, каждый ингуш обладал достаточными возможностями, чтобы обеспечить себя и свою семью материальными ресурсами и тем самым сохранить свой независимый социальный статус. Материальное благополучие давало экономическую независимость и свободу.

Другим существенным фактором, исключавшим внеэкономическое принуждение, была тейповая структура ингушского общества. Родственная солидарность не позволяла пасть члену коллектива до услужения равному себе. Более того, общественная мораль крепко держала родственный коллектив в строгих рамках этикета, так как каждый представитель тейпа дорожил репутацией, как собственной, так и всего тейпа. Тейповая солидарность была самой надежной опорой для его членов. Ее принципы запрещали порочить свой статус услужением другому тейпу. «Принадлежность к тейпу осознается ингушами с самого детства и служит основанием для определения своего места в системе общественных связей»²⁵⁵. Об основном устое тейповой солидарности читаем: «у ингушей есть издревле сложившаяся культура нравственности – эздел («благородство»), определяющая мотивы действий и вырабатывающая оценки деятельности индивидов»²⁵⁶. Со временем благородство – «эздел» – стало одним из атрибутов культурного кода ингушей.

Трансформация социальных отношений. На рубеже XVIII – XIX вв. в общественных отношениях определилась тенденция, когда социальная градация у ингушей была обусловлена в значительной степени меняющимися

²⁵⁵ Чабиева Т. С. Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2011. № 5 – 6. С. 201.

²⁵⁶ Дзарахова З. М.-Т. Константы национального характера и менталитета ингушей // Научная мысль Кавказа. 2006. № 4. С. 73.

экономическими условиями, имущественной дифференциацией, а также рядом других причин и факторов как объективного, так и субъективного характера.

Социальная градация ингушей стала более интенсивно внедряться и утверждаться в общественном сознании в связи миграциями и обустройством на равнине, когда явно обозначилась экономическая дифференциация и появились зажиточные представители. Одновременно происходил процесс распада традиционного тейпа, основанного на родственных связях, и его замены территориальной общиной. Во второй половине XIX в. ингуши вместе с русским казачеством стали переходить к рыночным отношениям, которые оказывали деструктивное воздействие на традиционный быт и социальные отношения. Более того, увеличиваются специализации по народным промыслам, что стимулирует дальнейшую социальную градацию. В свою очередь, рыночные отношения, экономическая дифференциация и социальная градация основаны на конкурентной борьбе. Таковы были объективные процессы социально-экономического прогресса, обусловленные вхождением народа в состав Российского государства и законами рыночной экономики.

При всей противоречивости информации относительно экономического положения ингушей отдельные факты и цифры позволяют реконструировать степень экономической дифференциации по материальному признаку, а, соответственно, и социальной стратификации. Так, состояние зажиточного ингуша во второй половине XIX в. составляли: три лошади, пара ишаков, две пары быков, десять – двенадцать голов коров и телят, а также 200 баранов. Однако «такие богатые люди весьма редки: каждый из наибольшей части горцев-хозяев довольствуется одною лошадыю или одним ишаком, одним быком, парюю коров и 10 – 12 баранами; многие же имеют лишь одну корову; нередко можно встретить и таких, которые ровно ничего не имеют»²⁵⁷. Относительно «ничего не имеют» следует признать, что такое положение человека можно встретить в любом обществе в каждый исторический период. Здесь важно, что каждая семья

²⁵⁷ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 9.

и ее отдельный представитель наделены равными возможностями для реализации собственного потенциала по самообеспечению.

Социальные отношения в обществе выражаются через разные атрибуты общественного быта, в том числе через свадебные обычаи и обряды. По замечанию Б. Далгата, при выборе невесты во второй половине XIX века обращалось внимание на благородство рода; этот факт также является свидетельством социальной градации и стратификации. Однако браки между представителями, равными по социальному статусу, не связаны с экономической зависимостью, а отражают социальную градацию, без которой невозможен прогресс общества.

Как и у других кавказских народов, в социальную структуру ингушей входила небольшая прослойка рабов-лаев, которая состояла из пленников — похищенных во время военных набегов на соседние народы или купленных извне. Источники и документы позволяют реконструировать их приблизительное число и социальный статус. Так, в середине XIX в. число зависимого населения во всех областях Терского округа относительно Кабарды было значительно меньше. Население Аргунского, Ичкеринского, Нагорного, Чеченского и Ингушского округов вовсе не имело представления о сословном делении и крепостных отношениях, «а потому здесь не было зависимых сословий... только в двух последних округах — Чеченском и Ингушском находилось небольшое число рабов, всего до 300 лиц обоего пола, купленных в недавнее время»²⁵⁸.

По мнению современного исследователя Н.Д. Кодзоева, «у ингушей не было зависимого населения, но существовал определенный контингент домашних рабов, которые являлись представителями иных национальностей, захваченные в результате военных набегов на соседние территории.Однако они не являлись основной производительной силой. Они не подвергались

²⁵⁸ Освобождение зависимых сословий во всех округах Терского области // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 37.

сильной эксплуатации, находились на положении членов семей, работали совместно с хозяевами, даже ели с ними за одним столом»²⁵⁹.

Впрочем, «промысел» похищения людей на Кавказе в XVII – XVIII вв. представлял собой достаточно распространенное явление. Опираясь на информацию от местных представителей старшего поколения, источники рабства у ингушей описал Л.П. Семенов: «в старину ингуши собирались небольшими отрядами, человек по 10 – 15, запасались провизией недели на две (брали жареный ячмень, который не портился в дороге) и отправлялись к границам одного из соседних народов... Они подкрадывались к тем местам, где молотили хлеб, и похищали мужчин и женщин. По возвращению держали пленных в башнях, а затем давали знать туда, где были захвачены пленники о том, что их родные могут выкупить своих близких за соответствующую плату. Обыкновенно люди побогаче выкупали родственников и в плену оставались лишь бедняки, превратившиеся в рабов. Пленных выкупали за скот»²⁶⁰. Впрочем, это была стандартная модель похищения «живого товара», характерная для всех горцев Северного Кавказа.

С 1810 г., следуя принятым на себя обязательствам по договору, ингуши в числе первых оставили «промысел» похищения «живой товар» и торговли им, тогда как соседние народы продолжали заниматься этим.

Социальное положение «лаев» у ингушей возможно реконструировать опосредованно, через соседнее чеченское общество, с которым у ингушей социальные отношения во многом были сходными. Так, в описании У. Лаудаева находим: «Собственно холопского сословия у чеченцев не было; холопы явились у них в последствии притом на других условиях, чем у их соседей. Первоначально, они переняли от адыгейцев понятия об этом сословии и его добывании. Они тайно похищали или же силою увлекали слабых людей

²⁵⁹Кодзоев Н.Д. К вопросу о сословных отношениях у ингушей в XVIII – XIX вв. // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева. 2018. № 2. С. 34.

²⁶⁰ См.: Цамаева З.Д. Из истории общественно-политического устройства Ингушетии в конце XVIII – начале XIX века // Известия Вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2009. № 3 А. С. 83.

соседних племен от своих соотечественников и продавали их за деньги или меняли на холопов-же. Несчастные жертвы бесправия назывались *ясиръу* т. е. невольники. <...>. Чеченцы-же, всегда стремившиеся к равенству, не отказывали в нем и холопам. Тогда как у других горцев холопы составляли особую категорию людей, у чеченцев они составляли младших членов семейства. <...> «Почти всегда владелец и холопы работали вместе. ... у чеченцев холопы были почти равны с народом; одно только название *лай* (раб) отличало его от других жителей...»²⁶¹. Отношение ингушей к «лаям» почти ничем не отличалось от такового у чеченцев, а потому и здесь при сохранении социальной стратификации отсутствовали личная зависимость и принудительный труд.

Последующую судьбу «лаев» возможно восстановить из сведений по освобождению зависимого населения на Северном Кавказе. Примечательные статистические данные о зависимом населении в Терской области ко времени ликвидации рабства приводятся в источнике, который представляет материал для сравнительного анализа. Так, число зависимого населения на начало реформ (18 ноября 1866 года) в Чеченском и Ингушском округах составляло всего 294 человека обоего пола, тогда как в Кабардинском округе — 21 348, Кумыкском округе — 3 257, в Осетии — 706²⁶². Соответственно, доля участия «лаев» в экономике ингушей и чеченцев была минимальной, а численный их состав — ограниченным.

Также следует обратить внимание на тот факт, что ингуши в начале XIX в. выгодно отличались от соседних народов своим кротким нравом, что характеризует специфику их социальных отношений: «ингуши менее других наклонные к грабительству, почитаются за добрых и кротких людей <....>. К этому времени ингуши, по их просьбе уже были приняты в русское подданство и обязались охранять Владикавказ и Военно-Грузинскую дорогу от враждебных русским племен... »²⁶³. Когда ингуши «по их просьбе» вошли в состав России,

²⁶¹ Лаудаев У. Указ. соч. С. 52. Примечание 18.

²⁶² Освобождение зависимых сословий во всех округах Терского области // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 40.

²⁶³ Яковлев Н.Ф. Указ. соч. С. 4.

они отказались от грабежей и похищения людей в отношении соседних народов, и это стало одним из первых примеров строгого соблюдения условий договора на Кавказе. По этой же причине число «лаев»-пленников у ингушей было ограниченным, и они не оказывали существенного влияния на социальную структуру и не играли значительной роли в экономике народа.

Социальная стратификация и материальная дифференциация в умеренных пределах обеспечивают динамичную стабильность и поступательное развитие общества, его прогресс, так как основаны на конкуренции. Поэтому миграционные процессы на равнину дали ингушам больше возможностей для обретения материальных благ и способствовали оформлению социальной стратификации.

Относительно конкуренции в социальных отношениях уместна параллель с чеченцами, у которых была однотипная социальная модель с ингушами. У. Лаудаев относительно социальных отношений чеченцев отмечает: «По различным причинам некоторые личности иногда выдвигались вперед; с возвышением подобного лица и фамилия его приобретала влияние в народе; тогда прочие, завидуя ей, усугубляли свои силы, для низведения такого лица и его фамилии в общий разряд»²⁶⁴. То есть зависть и ревность в социальных отношениях – явление объективное, имеет место быть при любом типе общества и включает в себе конкурентное начало. Следовательно, замечание Б. Далгата: «Вообще ингуши и чеченцы не терпят сословности и любят равноправие»²⁶⁵ носит на себе печать времени и не совсем соответствует объективной реальности.

Социальная градация – это объективное явление, атрибут общественного прогресса, и у ингушей, как и у других народов, она имела место; формирование социальной структуры происходило постепенно по нарастающей, интенсивность которой зависела от темпов интеграции ингушей в Российское общество.

²⁶⁴ Лаудаев У. Указ. соч. С. 15.

²⁶⁵ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва, ИМЛИ РАН 2008. С. 156.

Как уже отмечалось, если первоначально в горах ингушские общества были ограничены в материальном производстве и, соответственно, менее стратифицированы, то с миграциями на равнину возросли возможности для экономической, а затем и социальной дифференциации. Миграциями на равнину у ингушей были обусловлены возникновение новых видов кустарных промыслов, которые в горах были ограничены боевыми башнями и соляными промыслами. На равнине появились новые отрасли кустарного производства, такие как кузнечное дело, заготовка и продажа деловой древесины, торговля сеном и другие; именно они в дальнейшем приводили к стратификации общества. Интенсивная технология увеличивала эффективность производства, что приводило к материальному обогащению определенной части ингушского общества и к дальнейшей социальной дифференциации.

По сведениям Н.Ф. Грабовского, «некоторые из зажиточных ингушей имеют стада баранов, для содержания которых арендуют земли в соседних казачьих станицах или у местных землевладельцев»²⁶⁶. Данный тезис наряду с другими фактами свидетельствует об углублении имущественной дифференциации ингушей в XIX в.

Процессам социальной дифференциации и стратификации во многом способствовали и другие обстоятельства, обусловленные интеграцией в российское правовое и культурное пространство. В числе таких мероприятий – структурные изменения в виде введения штатных сельских управителей, полевых сторожей, «сельскую стражу, число которых при усилении количества преступлений в селении доходило до 180 человек, а постоянная цифра составляла не менее 100 человек»²⁶⁷. Также в каждом селении было несколько пастухов и конюхов, «годовой заработок пастухов колебался в пределах от 60 до 100 рублей»²⁶⁸.

²⁶⁶ Грабовский А. Ингуши (их жизнь и быт) // ССКГ Вып. IX . Тифлис, 1872. С. 35.

²⁶⁷ Там же.

²⁶⁸ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 46.

В XIX в. капитализация и рыночные механизмы коснулись всех отраслей производства, и больше всего — сельского хозяйства, доминирующего в экономике ингушей. Во второй половине XIX в. под влиянием рыночной экономики среди ингушей происходила трансформация общественного сознания, обусловленная имущественной дифференциацией. И без того ограниченные сенокосные и пахотные наделы при разделе между наследниками дробились на еще меньшие участки, которые не удовлетворяли потребностей их владельцев, а потому наследники стали охотно продавать их при любой возможности. Следствием этого явления стала дальнейшая имущественная дифференциация: сформировались две категории ингушей — безземельные и относительно крупные землевладельцы. Такая капитализация земли имела следствием дальнейшую стратификацию общества, приводя к образованию зажиточного сословия, которое «фактически заменили собой для ингушей князей и узденей других племен Северного Кавказа, приобрели между ними значительный вес и имеют большое влияние на общественные дела»²⁶⁹.

На социальное расслоение ингушей во второй половине XIX в. по имущественному признаку (зажиточных, средних, бедных и неимущих) также обращают внимание современные исследователи. «Одной из самых примечательных особенностей ингушского общества вплоть до начала XX в. являлось отсутствие титулованных князей, дворян и прочих владык. Однако, сословное деление все же было на три категории: 1 — «эздинах» — благородные; 2 — «юкъара-нах» — люди среднего слоя; 3 — «лай-нах» — социально наименее влиятельные и менее могущественные члены общества»²⁷⁰.

Таковыми предстали социальные отношения у ингушей к концу XIX века, став результатом трансформации экономики народа — от традиционной к более современной, ориентированной на общероссийские экономические процессы. Эти отношения исключали экономическую зависимость и личное подчинение. Важной особенностью их было то, что они сложились с учетом этнической

²⁶⁹ Там же. С. 38.

²⁷⁰ Эльдиев А. Указ. соч. С. 218 — 219.

ментальности. Исторически ингуши не находились под властью другого народа и традиционно сами решали судьбу, что наложило отпечаток на этническую психологию и стало важной чертой ментальности народа. Об этом свидетельствовали русские офицеры, в том числе Иоганн Густав Гербер еще в первой половине XVIII в. писал: «Они не находятся ни под чьим владением, не платят никому подати, и понеже от такой гористой земли прибыли надеяться не можно, то никто и не старается учинить их своими подданными»²⁷¹.

Примерно в этих же хронологических рамках другой автор подтверждает идею о ментальной специфике ингушей: «Граф Потоцкий, приводя бывший в его время случай продажи сироты-ингушки ингушом в ауле Эндрее, в этом некогда гнезде торговли рабами, и говоря, что эта ингушка повесилась на дереве, прибавляет, что за немногими исключениями ингуша, действительно, вообще трудно обратить в рабство, так как, сделав возможное, чтобы избавиться от позора, он в крайнем случае накладывает на себя руки; свободолюбивая натура ингуша не мирится с рабскою жизнью»²⁷². Здесь речь идет о событиях начала XIX в., так как невольничий рынок в сел. Эндери был ликвидирован генералом Ермоловым в 1816 г.

У ингушей социальная структура и система самоуправления были обусловлены ментальной спецификой и проявляли взаимосвязь в процессе интеграции в состав России. Как отмечает Г. А. Вертепов, «галгаевская группа выделяется из всех остальных обществ строго выборным началом правления. От самых отдаленных времен до наших дней у них не было потомственной передачи власти ..., как это было у кистин и джераховцев, и право суда и расправы принадлежало не старшим в роде, а выборным представителям, которые выбирались из среды самых выдающихся по уму и богатству лиц....»²⁷³. Более того, выборные представители публичной власти у ингушей при

²⁷¹Гербер И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. Москва, 1958. С. 103.

²⁷²Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 65

²⁷³Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 17.

исполнении своих обязанностей пользовались юридическим иммунитетом: «во всех других отношениях все члены общества пользуются одинаковыми правами и только за кровь старшины и судьи взыскивалась большая плата, чем за кровь обыкновенного галгаевца»²⁷⁴.

Независимый нрав ингушей проявлялся не только внутри социальной иерархии, но также во взаимоотношениях с соседями: «Относительно соседних народов галгаевцы держали себя независимо.... Вообще галгаевцы были очень воинственны, и соседи нанимали их часто на военную службу или платили им дань за защиту своих владений»²⁷⁵.

Все изменения социально-экономического и культурного характера вплоть до трансформации в ингушском сообществе были обусловлены вхождением в состав Российского государства и интеграционными процессами.

Насколько позволяет судить историческая ретроспекция, бурные интеграционные процессы, обусловленные миграциями на равнину, позволили ингушам совершить значительный скачок от традиционных общественных отношений к российским прогрессивным за один XIX век, что отразилось на общественном мировоззрении и быте.

Так как в экономике народа преобладал аграрный сектор, изменения в этом секторе представляли собой «локомотив» перемен. Наряду с землями ингуши на равнине получили от российских властей аналогичные экономические права и обязанности, что и местные казаки. Как и в горах, ингуши после миграций сами решали все вопросы социально-экономической и политической жизни общины. Это было обусловлено тем, что «при переселениях из гор на равнину горцы вместе с новым земельным наделом получали от русского правительства и новые готовые формы экономической жизни... в настоящее время они привыкли к ней настолько, что она стоит у них также прочно, как и в среде казачьего населения»²⁷⁶.

²⁷⁴ Там же.

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же. С. 33.

Заслужой российских властей является то, что они, с учетом ментальной специфики ингушей, сумели мирным путем интегрировать веками устоявшийся экономический уклад ингушей в сложившийся уклад казачьих станиц: «Каждое ингушское селение на равнине составляет отдельную общину. Земля, принадлежащая селению, считается общественным достоянием всего населения его. Распоряжается землею общественный сход, состоящий из представителей всех наличных дымов»²⁷⁷. Такой степени самоуправления трудно было найти в других регионах Российской империи, где в то время преобладали крепостнические устои. Также нужно учесть, что в ответ на созданные условия ингушские тейпы последовательно соблюдали условия договора 1810 года с Российским правительством.

Россия не вмешивалась в социальные отношения ингушей и не стала навязывать им собственные экономические порядки. Российские власти в значительной мере сохранили традиционно сложившиеся аграрные отношения ингушей после их переселения на равнину.

Исследователь М.Л. Тусиков в одной из работ отмечал: «Несмотря на влияние соседних осетин и кабардинцев, имеющих сословные деления, несмотря на соседство с феодальной Грузией и влияние царской России, они оставались такими же «Бордзсенна» (вольный, как волк), не признающими сословных привилегий и земельной собственности, какими были они еще в период пастушеской жизни»²⁷⁸. Следует учесть, что социальная градация у ингушей в результате вхождения и интеграции в состав российского государства продолжала развиваться в рамках традиционных этнических устоев. Это был объективный процесс социальной градации, так как на принципах всеобщего равенства социально-экономический прогресс не имеет перспективы.

Социальная градация у ингушей носила естественный характер и не была подвержена внешним вмешательствам. О социальной градации в составе

²⁷⁷ Там же.

²⁷⁸Тусиков М.Л. Ингушетия. Владикавказ: Гостино-литография «Красный Октябрь», 1926. С. 19 – 20.

Российской империи свидетельствуют многие современники, в том числе Н.Ф. Грабовский: «хотя ингуши вполне равноправны между собою и не имеют никаких сословных подразделений, но тем не менее к заслуженным лицам из среды своей они относятся с большим почтением, нежели к обыкновенному смертному. При угощении его посадят за более почетный столик, т. е. с людьми незаурядными в селении, дадут лучшую постель при ночлеге и т. д.»²⁷⁹.

Однако следует заметить, что социальная стабильность и безопасность связаны с определенными проблемами, а интеграция разных культур и ментальных особенностей в единое политическое сообщество связаны с определенными издержками. Не избежали этих проблем и ингуши. Так, во второй половине XIX в. ингуши наряду с основными повинностями должны были нести в государственную казну различного рода штрафы: «во многих случаях ингуш оплачивает штрафом свою старую дурную репутацию. Так, надел оружие, которое за исключением ингушей всем туземцам позволено носить, – плати, сделал выстрел на свадьбе или на луну – плати, уехал без билета – плати, купил лошадь без удостоверения – плати, не объявил о приехавшем госте – плати или отправляйся в яму (сельская гауптвахта)»²⁸⁰. В иных случаях штрафами облагались целые поселения за непослушание и протестные акции. За возмущения в 1831 г. против российских порядков и поддержку военного восстания в Чечне штрафными повинностями была обложена часть ингушей Владикавказского округа, повинность была снята только через 12 лет²⁸¹. Однако подобного рода издержки не составляли сути взаимоотношений ингушей в период интеграции в российское социокультурное и правовое пространство, а были рассчитаны на наведение порядка посредством наказаний представителей со строптивым характером.

В период коренных перемен социально-экономического характера и отмены крепостного права российские власти упраздняли сословную

²⁷⁹ Грабовский Н.Ф. Ингуши: их жизнь и обычаи // ССКГ. Вып. IX. Тифлис 1876. С. 43.

²⁸⁰ Там же. С. 36.

²⁸¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 52.

зависимость на Кавказе, в том числе у чеченцев и ингушей, на оптимально выгодных условиях. Так, в положении об освобождении рабов размер выкупа был регламентирован – не более 200 рублей. При этом представители мужского пола до 15 лет и обоего пола свыше 45 лет освобождались безвозмездно²⁸².

В результате в течение «каких-либо 8 месяцев освобождены в области все зависимые, одни бесплатно, другие за выкуп значительно меньший, чем норма выкупа, назначенная правительством; сохранились добрые отношения между владельцами и их бывшими рабами...»²⁸³. Политика российских властей по созданию благоприятных условий для социально-экономического развития местных народов, в том числе ингушей, имела конструктивные последствия, о чем свидетельствуют статистические данные. Так, по утверждению Г. Вертепова, «все население ингушей за семилетний период от 1882 по 1889 гг. увеличилось с 32807 до 39392 душ обоего пола, что дает ежегодный прирост в 2,3%»²⁸⁴.

Суть социального благополучия — демографический прирост народа. У ингушей этот показатель со второй половины XIX века и до 1917 года демонстрировал рост. Так, по статистическим сведениям, в 1873 г. «население ингуш состоит из 11, 023 душ мужского и 10, 587 душ женского пола»²⁸⁵. Всего через 35 лет численность увеличилась более чем в два раза, что является свидетельством положительной динамики в социально-экономическом развитии. В 1905 г. численность ингушей составляла 50 971 человек, а по переписи 1917 г. – 59571 человек»²⁸⁶.

Такова динамика, по данным статистики, социально-экономического развития ингушей на рубеже XIX–XX веков, что свидетельствует о корреляции

²⁸² Освобождение зависимых сословий во всех округах Терского области // ССКГ. Вып. I. Тифлис, 1868. С. 40 – 41.

²⁸³ Там же. С. 43.

²⁸⁴ Вертепов Г.А. Указ. соч. С. 28.

²⁸⁵ Грабовский Н.Ф. Ингуши: их жизнь и обычаи // ССКГ. Вып. IX. Тифлис 1876. С. 34

²⁸⁶ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 43 – 44.

экономики и социальных отношений, обусловленной культурной интеграцией в составе Российской империи.

Резюме: Фактор социальной стратификации и экономической дифференциации является необходимым условием динамической стабильности и общественного прогресса и характерен для любого типа общества. Этот фактор носит объективный характер и посредством конкурентной борьбы обеспечивает социально-экономический прогресс общества.

Сведения современников и последующих историков об отсутствии сословий у ингушей подразумевает отсутствие экономической и внеэкономической зависимости, то есть эксплуатации чужого труда, подобно тому, как это было при крепостном строе в России и Европе.

Социальная стратификация у ингушей имела место и коррелировала с уровнем экономического развития. В условиях проживания в горной местности дифференциация общества была минимальной, что было обусловлено натуральным хозяйством и ограниченностью экономической деятельности земледелием и скотоводством.

Существенный прогресс в социальной стратификации и общественных отношениях стал происходить в связи с миграцией ингушей на равнину и их вхождением в состав России в 1770 и 1810 годах. Простор для экономической деятельности, обусловленный процессами интеграции, и разновекторный характер этих процессов существенно повлияли на социальные отношения. Появились новые виды деятельности, такие как кустарные промыслы, которые существенно повлияли на углубление стратификации общества, а значит, и на социальный прогресс. В ингушском обществе была малочисленная прослойка «лаев», которая не играла существенной роли ни в экономике, ни в социальных отношениях.

Российские власти предоставили ингушам возможность свободно интегрироваться в российское экономическое пространство с учетом специфики традиционных национальных устоев. Среди русского казачества отсутствовали

крепостнические отношения, что соответствовало характеру и ментальности ингушей и помогло легче интегрироваться в Российскую империю в XIX в.

Существенной особенностью социальных отношений ингушей были личная свобода и независимость, которые не допускали эксплуатации — это было связано с ментальной спецификой народа.

Прогрессивные изменения сопровождаются не только позитивными, но и негативными последствиями. Социальная интеграция ингушей была связана с определенными проблемами. Поэтому в процессе интеграции в российское социокультурное пространство ингуши вынуждены были проявить стойкость и терпение к определенным трудностям, в том числе к штрафам за нарушение установленных российскими властями порядков и правил.

В целом благодаря лояльной политике российского правительства социальные отношения ингушей за относительно короткий исторический период — XIX век — достигли уровня русского казачества, при этом интеграция прошла с сохранением традиционных устоев, включая социальные и ментальные.

ГЛАВА III. ИЗМЕНЕНИЕ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ИНГУШЕЙ В УСЛОВИЯХ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ XIX В.

3.1. Трансформация семейных практик и общественных норм ингушей под влиянием интеграционных процессов

Общественный и семейный быт — ключевой компонент культуры народа, включающий взаимосвязанные аспекты: экономику, общественные отношения, право, морально-этические нормы, идеологию, ментальность, типы поселений и жилищ, традиции питания и одежды, ценностные ориентиры и др. Их совокупность формирует целостный образ народа. Динамика изменений общественного и семейного быта характеризует уровень социально-экономического состояния и прогресса народа.

Изменения в социально-экономической структуре общества непременно сопровождаются трансформацией общественного и семейного быта, а также уровня благосостояния населения. А потому актуальным представляется научно-практический анализ общественного и семейного быта ингушей в хронологических рамках их вхождения и интеграции в Российское социокультурное пространство.

В исследовательской перспективе допустимо условно выделить два этапа динамики семейного и общественного быта ингушей: период до миграций на равнину и последующий этап. Второй этап репрезентирует собой поворотный пункт социокультурного развития, позволяющий с большей степенью детализации проследивать трансформационные процессы.

Источники и материалы позволяют реконструировать с высокой степенью достоверности традиционный быт и хозяйственную деятельность ингушей в период их проживания в горной части. Экология и природно-географические условия были определяющими факторами экономической деятельности и социальной организации, а также благополучия народа. Пожалуй, один из самых

ранних источников о быте ингушей в горной части относятся к 1830 г.: джераховцы «живут в деревнях с трудом доступных и то, в летние месяцы, в ущельях глубоких, тесных, скалистых, местами с трудом проходимых с одними только вьюками. <....> народы сии не имеют никакого обзаведения, кроме домашней утвари, хлебопашеством занимаются только для своего годового пропитания, но часто такого недостает до нового урожая и потому покупают хлеб у живущих на равнине....»²⁸⁷.

В период проживания в горах в сфере материального производства у ингушей преобладали патриархально-общинные отношения. Для вспашки использовали соху с деревянным лемехом, в которую впрягали две или три пары волов в зависимости от твердости почвы. Ассортимент возделываемых зерновых определялся экологией и природно-географическими условиями: в горах преимущественно выращивали просо, а после миграций на равнину — кукурузу.

Типы поселений в горах и на равнине существенно отличались. Так, «горные ингуши, образующие 101 поселение в Джераховском, Мецхальском, Цоринском и Хамхинском обществах, живут небольшими аулами из 5 – 15, в среднем 9,5 дворов. Сакли сложены из больших каменных плит... Посредине каждого предназначенного для отдельной семьи помещения - очаг, к которому с потолка спускается железный прут для котла. На очаге зимою и летом тлеют дрова.... Жилые башни обыкновенно разделены на несколько этажей, причем в верхних этажах живут люди, а в нижних помещается скот....»²⁸⁸. Так выглядят традиционные поселения ингушей через призму зрения И. Пантюхова во второй половине XIX в. Следует отметить, что ретроспекция горских поселений в начале XVIII века, когда происходила миграция на равнину, позволяет воссоздать более архаичный облик традиционного патриархального быта народа.

²⁸⁷ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6238. Л. 7.

²⁸⁸ Пантюхов И. Ингуши (Этнографическо-антропологический очерк) // Вертепов Г.А., Пантюхов И. Сказания об ингушах. Майкоп, 1991. С. 60.

Вслед за этим современник характеризует типологические черты ингушского поселения на равнине, что позволяет провести аналогию и осуществить сравнительный анализ: «Двадцать равнинных поселений ингушей – 15 Назрановского и 5 Галашевского сельских обществ – обставлены несравненно лучше. В селениях от 300 до 500 дворов. Их турлучные вытянутые в длину домики выбелены ...»²⁸⁹.

Трансформация типа поселений в период после вхождения ингушей в состав России очевидна; ей соответствовало и изменение жилищ. Так, в описании Н.Ф. Грабовского «жилища горцев состоят из каменных построек, сгруппированных у оконечностей гребней или на выступах скал; две-три подобных постройки, вмещающие в себя несколько семейств, составляют горский аул; в участке этих аулов насчитывалось до 120-ти. Между всем этим количеством аулов, встречаются только три или четыре, которые, по числу помещений и живущих в них семейств, имеют право на такое наименование. Все эти аулы находятся один от другого на расстоянии не более получаса ходьбы»²⁹⁰.

Таким образом, поселения и жилища ингушей до миграции на равнину и после нее существенно различались и обуславливались экономическими возможностями. С учетом того, что типы горских поселений и жилищ во второй половине XIX века по сравнению с равнинными сохранились практически без изменений, можно оценить степень трансформации от традиционного уклада к модернизированному после вхождения в состав России. На эту особенность изменений обращал внимание профессор Н.Ф. Яковлев: «на равнину ингуши стали выселяться сравнительно недавно: не более 150 – 200 лет назад, и типы равнинных построек и многие другие подробности быта позаимствовали у своих новых соседей»²⁹¹, то есть у казачества.

Наряду с иными сферами общественной жизни существенные изменения произошли в системе самоуправления, выступающей важным показателем

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 1.

²⁹¹ Яковлев Н.Ф. Указ соч. С. 11.

самодостаточности народа. При отсутствии централизованной системы управления функцию регулирования первоначально выполняли старейшины тейпа. Особенности роли старейшин в ранний период достаточно полно отражены в материалах по чеченцам; учитывая идентичность путей социальной эволюции чеченцев и ингушей, данные характеристики можно с определенной долей опосредованности распространить и на ингушский социум. В описании У. Лаудаева родовой быт чеченцев представлен следующим образом: «В первобытные времена пастушеской жизни, старший в род был уважаем своею Фамилиею. Он решал домашние несогласия и споры, он был и отцом Фамилии, и наставником, и начальником. В случае спора двух фамилий, старшие в роде советовались, как уладить дело, условливались, и никто им не противоречил. Но размножившись, народ стал иметь более тяжб, как поземельных, так и по воровству, по увозу женщин и проч. Тогда суд старшего в Фамилии стал уже недостаточным. Тогда старшие всех окрестных Фамилий стали собираться для совещаний о прекращении беспорядков в стране. На совете ими определялось, какое возмездие должно следовать за различные преступления. Старики возвращались домой, объявляли Фамилиям изустно свои постановления и заставляли их клясться свято исполнять их. Постановления эти чеченцы называли *эдил*, или *адил* т. е. обычай. Это-же выражается словомъ *адат*»²⁹².

Подобно тому, как у чеченцев «старшие всех окрестных Фамилий» собирались на совет, старейшины ингушей собирались для решения наиболее актуальных проблем народа в Назрани – 1879, 17 декабря 1887 и 24 августа 1890 гг. Предметом обсуждений и регламентации на сходах ингушей народа становились актуальные проблемы народа, в числе которых – кровная месть в общественном быту и брачные отношения в семейном быту²⁹³. Следует отметить, что в XVIII веке возросла роль «мехкхелов» — совещательных органов верхушки обществ, предназначенных для выработки согласованной политики.

²⁹² Лаудаев У. Чеченское племя // ССКГ. Вып. VI. Тифлис, 1872. С. 24.

²⁹³ См.: Пантюхов И. Указ. соч. С. 54.

«Знаменательно, что места общих ингушских, карабулакских и чеченских сходок переносятся теперь в равнинные районы»²⁹⁴.

Кровная месть являлась одним из устойчивых консервативных элементов общественного быта ингушей в исследуемый период. В структуре общественного сознания закреплялись представления о норме и праве, что закономерно отражало взаимосвязь социально-экономических условий и ценностных установок. В общественном сознании ингушей за предшествующие века прочно утвердилось представление о кровной мести в рамках принципа талиона (равного возмездия) за причиненный ущерб — черта, свойственная многим народам на ранних этапах социокультурного развития. В условиях отсутствия централизованной власти и единых законов кровная месть, опираясь на тейповую сплоченность и солидарность, выступала механизмом защиты и самосохранения. Этот механизм сохранялся в общественном сознании народа вплоть до 1930-х годов.

Источники позволяют оценить примерные масштабы конфликтов, связанных с кровной местью. Так, в окружной суд во Владикавказе на 1830 г. среди «народов куртатинского, тагаурского, джераховского, кистинского и галгаевского.... 54 предъявлены по кровомщению»²⁹⁵.

Наглядную картину общественного быта в ситуации острого социального конфликта, завершившегося летальным исходом, позволяют реконструировать данные криминальной хроники за 1868 год. «Жители Джерахского общества Ингушского округа, аула Гаустхи, Эса Арживаров и Мустаби Кужгов поссорились за потраву покосного места, причем Арживаров смертельно ранил Кужгова ножом в живот, отчего последний в этот же день умер. Узнав об этом, брат раненого Сустоби Кужгов, выстрелом из ружья убил дядю Арживарова

²⁹⁴ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. — 1917 г.). Москва: Наука, 1988. С. 401.

²⁹⁵ Отношение командующего отдельным корпусом Генерал-фельдмаршалом Паскевича-Эриванского военному министру Генерал-адъютанту Чернышеву по вопросам управления ингушскими и осетинскими обществами. 5 марта 1931 г. // АКАК Т. VII. Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1878. Док. № 305. С. 373 — 374.

Дербича Ахигова; сестра же Ахигова, видя своего брата убитым, сама себя ранила в живот кинжалом»²⁹⁶.

Согласно устоявшимся традициям, альтернативой кровной мести выступало примирение с обязательной компенсацией в материальной форме пострадавшей стороне. При этом размер материальной компенсации превышал экономические возможности среднестатистического хозяйства и составлял 120 коров в качестве виры за убийство. Такой завышенный размер отвечал целям института примирения: в противном случае компенсация утрачивала сдерживающую функцию.

Назидательное значение высокой материальной компенсации ущерба пострадавшей стороне заключалось в ее функции как механизма коллективной ответственности, близкого к круговой поруке: бремя выплаты накладывалось на весь коллектив родственников с учетом степени родственной близости. «Родовой выкуп за убитого чужеродца ложится на весь род и равен в Чечне 630 р.; а у ингушей - 310 р., 3 лошади в полной верховой упряжи и мелкого скота, или 300 р. и 12 «похоронных» коров, или 130 коров за мужчину и 120 за женщину»²⁹⁷. Таковы были традиционные способы компенсации материального ущерба пострадавшей стороне для разрешения конфликтов по убийствам у ингушей.

Наряду с материальными издержками за причиненный ущерб предусматривались ритуальные формы искупления вины, которые в ряде случаев предполагали демонстрацию покорности со стороны виновной стороны. В стремлении добиться мирного урегулирования конфликта виновник совершал обрядовые действия, свидетельствующие о раскаянии; если пострадавшая сторона проявляла непреклонность и отказывалась от примирения, то виновник «оставлял кладбище и после этого вражда закипала с новой силой. Чем дольше на могилу пришедшие оставались там, тем более им делало это чести; зато,

²⁹⁶ Из горской криминалистики. 1868 г. // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 4.

²⁹⁷ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей (Исследование и материалы 1892 – 1894 гг.). Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 108.

наоборот, всеобщее признание падало на долю тех, которые упорно не соглашались помириться и вынудили этим противников удалиться с кладбища»²⁹⁸.

Наряду с практикой кровной мести и компенсаторными выплатами пострадавшей стороне в традиционном обществе существовали иные практики миротворчества. Методы урегулирования конфликтов варьировались в зависимости от степени социальной напряженности и закреплённых в обычае норм. У многих народов Северного Кавказа, в том числе у ингушей, сформировался устойчивый комплекс обрядовых механизмов разрешения острых социальных конфликтов, среди которых был следующий: «убийцу уговаривали пойти секретно к матери убитого и пососать у нее грудь. Для этого нарочно приискивали случай и наталкивали на него виновного. Женщины-матери, увидевшие врага, догадавшись о предательстве, всегда старались всеми мерами не допустить убийцу к себе, но посторонние помогали последнему и в этом случае – схватывали и держали сопротивлявшуюся женщину. Как только кровник успел пососать грудь, он становится таким же сыном ей, как и убитый. С этого момента уже никто не имел права мстить»²⁹⁹.

Острые конфликты с летальным исходом вызывали широкий общественный резонанс, от которого одинаково страдали обе конфликтующие стороны, более того, «попадались в народные суды и такие кровные дела, по разбору которых оказывалось, что решение длилась в течении 100 и 160 лет и в каждой из враждовавших сторон число убитых доходило до 20 душ»³⁰⁰.

Уже в середине XIX века на фоне эволюции общественных представлений происходила трансформация отношения к институту круговой поруки: родственный коллектив воспринимал убийство сквозь призму рисков — как источник длительной социальной напряженности и тяжелых материальных последствий. Учитывая, что конфликт из-за убийства держал обе

²⁹⁸Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 23 – 24.

²⁹⁹ Там же. С. 24.

³⁰⁰ Там же. С. 18. Примечание.

противостоящие тейпы в состоянии напряженности и предполагал коллективную материальную ответственность, данный институт постепенно подвергался переосмыслению и ограничению в практике: «убийцу бранили все родственники, упрекали за то, что он, убивши человека, нажил кровников, а, главное, ввел в большие расходы всех родственников; эта круговая порука и давление, оказываемое родом, сдерживали горячую натуру ингуша от убийства и уменьшали число кровных убийств»³⁰¹. Так, если ранее тейповая солидарность выступала средством самосохранения родственного коллектива, то во второй половине XIX века члены тейпа осознавали негативные последствия круговой поруки и коллективной экономической ответственности за поступок отдельного сородича. Это явный признак ослабления кровнородственной солидарности в тейпе/тухуме и ее переориентации на территориально-соседские формы. Данное явление было обусловлено трансформацией экономического уклада, которая влекла за собой изменения в общественном быте и тейповых отношениях.

Число острых социальных конфликтов с летальным исходом для относительно небольшого народа было значительным и, как отмечает Б. Далгат, ссылаясь на профессора Н. Ф. Яковлева, в 1919 г. общее число случаев кровной мести по всей Ингушетии составляло 150 несмотря на то, что «прежняя русская власть пробовала бороться с кровной местью судами и ссылками в каторгу; однако из этого ничего не вышло, кроме взаимного ожесточения враждующих кровников»³⁰².

Далее Б. Далгат заключает: «лишь Комиссии по примирению кровников в 1920 г. удалось ликвидировать прежнюю кровную вражду фамилий»³⁰³. Тезис Б. Далгата о ликвидации кровной вражды в период советской власти представляется спорным, поскольку в нем прослеживается влияние идеологических установок эпохи. Двух неполных лет советской власти было явно недостаточно для искоренения такого устойчивого социокультурного

³⁰¹ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей (Исследование и материалы 1892 – 1894 гг.). Москва: ИМЛИ РАН, 2008 С. 152.

³⁰² Там же. С. 109.

³⁰³ Там же.

феномена, как кровная месть. При этом документально зафиксировано, что проявления кровной мести среди ингушей, как и других народов Северного Кавказа, имели место вплоть до постсоветского времени.

Анализ данных об убийствах за 1920 год в сопоставлении с более ранним периодом позволяет реконструировать степень социальной напряженности у ингушей. Соответственно, меры, предпринимавшиеся в предшествующий период со стороны местных институтов самоуправления и имперских властей в отношении кровной мести, носили целенаправленный и последовательный характер. Представители ингушского народа трижды собирались в Назрани на сход для выработки норм урегулирования конфликтов, связанных с кровной местью, и вопросов семейно-брачных отношений — в 1879, 1887 и 1890 годах.

Усложнявшиеся социально-экономические условия жизни выдвигали перед обществом новые вызовы, связанные с проблемой кровной мести, которые требовали непростых решений; ограничиваться традиционными методами противодействия было уже недостаточно. Ввиду особой социальной значимости проблема кровной мести оказывалась в центре внимания на трех упомянутых сходах представителей ингушского народа, где были закреплены механизмы ее урегулирования.

В рамках российской судебной практики по делам об убийствах, при всех ее гуманистических установках, закон не выступал полноценной альтернативой кровной мести и расходился с устоявшимися представлениями ингушского общества. Принцип равного возмездия либо равноценного возмещения (в материальной и ритуально-символической форме) укоренились в сознании ингушей. В этом заключалась главная причина неэффективности мер, принимаемых российскими властями при участии старейшин, по преодолению практики кровной мести.

Первая попытка регламентировать практику кровной мести в 1879 году не дала положительных результатов, поскольку представления народа еще не были готовы воспринимать ее иначе, нежели как принцип равного возмездия либо механизм примирения через возмещение ущерба.

Однако из-за неэффективности мер, принятых на первом сходе, потребовалось принять новые меры, причем с участием представителей российской администрации. Так, на общественном сходе 17 декабря 1887 г. ради искоренения кровной вражды были приняты меры превентивного характера: уплата штрафов «за самовольный увоз девицы с жениха – 125 р., с его сообщников и укрывателей по 50 р. и, кроме того, шестимесячное тюремное заключение на счет самих заключаемых»³⁰⁴.

Однако завышенные размеры штрафов и тюремные сроки также не привели к желаемым результатам; соответственно, потребовалось соотнести размеры штрафов с реальным экономическим положением населения. В связи с этим на следующем сходе, состоявшемся 24 августа 1890 года, прежние меры были скорректированы: в частности, за похищение девушек (как с их согласия, так и без него, с насилием или без такового) устанавливался штраф в размере 50 рублей, а пособникам и лицам, предоставившим убежище виновным, назначался штраф по 25 рублей с каждого. Кроме того, «лиц, которые совершили увоз девиц с насилием их и бесчестием, обязательно удалить из нашей среды в ссылку на остров Чечень на два года, на собственный их счет или на счет их родственников, сроком на один год»³⁰⁵.

Неоднократность проведения сходов свидетельствует об острой актуальности и социальной значимости нормативного регулирования практик, связанных с кровной мстью и брачно-семейными отношениями, для ингушей во второй половине XIX века. Сходы проводились при поддержке российских властей; если традиционные механизмы урегулирования оказывались неэффективными, в действие вводились имперские правовые нормы — с учетом местных устоявшихся практик. «Солидная часть ингушского населения... три раза посылала своих депутатов на общественный сход в м. Назрань ... для обсуждения мер борьбы с этим злом. ... Во-первых, регламентировали народные свадебные обычаи ... ограничить тайный увоз девиц и сопряженные с ним

³⁰⁴ Пантюхов И. Указ. соч. С. 54.

³⁰⁵ Там же.

кровавые столкновения, а во-вторых, определили известные меры наказания за убийство, поранения и др. проявления вражды и мести. К числу мер, выработанных в этом отношении депутатами, относятся: телесные наказания, ссылки по приговорам сельских обществ, арест и штрафы»³⁰⁶.

На данных сходах к числу регламентируемых по российским законам стали относиться и убийства, которые «до 1865 года решились в народных судах по обычаю (адату); с того же времени они подлежат суду по русским законам»³⁰⁷. Наиболее чувствительной из мер, предложенных российским законодательством стала «мера, удаляющая убийцу из края – наказание очень неприятное для туземцев, – больше сдерживает их от подобных преступлений, тогда как при обычном решении они отделялись только установленной кровною платою»³⁰⁸.

В данном случае российское судопроизводство по кровной мести было более демократичным и эффективным, так как прекращало «длинную цепь следующих одна за другой кровавых расправ»³⁰⁹, допускаемых судом по обычаю. Демократичный характер процедуры проявлялся в том, что ключевые решения принимались на сельских сходах. Интеграция норм российского права в традиционную систему урегулирования конфликтов, в том числе связанных с кровной мездой, в ряде случаев демонстрировала большую эффективность в сочетании с местными традиционными механизмами.

Кроме конфликтов, связанных с убийствами, в общественной практике существовали и менее резонансные — такие как кражи, ранения и иные правонарушения. Один из таких представлен в криминальной хронике за 1868 г.: «житель аула Экажева, Ингушевского района, Чага Чабиев, подозреваемый в воровстве сена у односельца своего, Гиса Альмурзиева, по определению аульного суда принял в оправдание свое очистительную присягу. Альмурзиев, видя что Чабиев оправдался, назвал его клятвотступником, на что в свою

³⁰⁶ Пантюхов И. Указ. соч. С. 53.

³⁰⁷ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 18. Примечание.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 53.

очередь ответил бранью и Чабиев. Тогда Альмурзиев в плену гнева бросил кинжалом в своего врага и ранил его в локтевой сустав левой руки. Находившиеся при этом родственники обоих этих ингуш подняли между собой общую драку, причем ранены: Гиса Альмурзиев (зачинщик), Чага и Чалдур Чабиевы, Мальсаг и Таштемир Джантимеровы и Бади Алиев»³¹⁰. Случай примечателен тем, что презентует общественный быт и тейповые отношения ингушей в контексте социального конфликта во второй половине XIX в.

Семейно-брачные отношения. В условиях развития рыночных отношений экономическое положение средней ингушской семьи в XIX веке ухудшалось, что обостряло проблему уплаты калыма за невесту. Материальные возможности семей не соответствовали растущим экономическим реалиям, что, в свою очередь, вело к усилению социальной дифференциации.

Выход из ситуации во многих случаях молодежь находила в «умыкании» невест. «До 1863 года калым за невесту в Ингушевском округе определялся 16-ю коровами или, считая за каждую средним числом 10 р. – 180 руб. Так как подобная плата, при экономических условиях ингушей, для большинства была обременительна, то в названном году сделано предложение народному суду, ... изменять настоящий. Тогда суд своим постановлением регламентировал размер калыма 26 р. и 80 руб. При этом 26 рублей выплачивались невесте накануне выхода замуж, а 80 копеек – после выхода замуж, или «когда она посчитает нужным»³¹¹. Однако это было только начало: всего российские власти трижды инициировали корректировку порядка регулирования вопросов, связанных с калымом. При этом важно отметить, что вопросы регулирования калыма и кровной мести рассматривались на всех трех сходах представителей ингушского народа с участием российских властей.

Как и в случае с кровной местью, практика калыма укоренилась в общественном сознании. Общественные отношения развивались вне

³¹⁰ Из горской криминалистики. 1868 г. // ССКГ. Вып. 3. Тифлис, 1870. С. 3.

³¹¹ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 20. Примечание.

зависимости от темпов правового регулирования этого института, что находило отражение в конкретных брачных практиках. Завышенные размеры калыма ставили серьезные преграды для заключения браков, поэтому ингушская молодежь нередко прибегала к заключению союзов в обход этих норм — в том числе посредством тайного ухода невесты из дома. «Обыкновенно в таких случаях родственники невесты преследуют похитителя, который никогда не бывает один, и дело часто кончается кровавыми столкновениями»³¹². Тем самым брачные отношения часто становились фактором острых социальных конфликтов, которые по мере интеграции ингушей в российское социокультурное пространство регулировались посредством сочетания местных традиционных механизмов с нормами российского законодательства.

В 1887 году условия выплаты калыма были облегчены: размер калыма практически не изменился — 18 коров; при этом первые 9 коров, именовавшиеся «ехым» (угощение), вносились сразу, а вторые 9 коров, называвшиеся «урду», доплачивались позже по мере возможности.

При этом оставили «по-прежнему максимальную норму калыма в 105 р.»³¹³, которая «по определению русской администрации, разрешается платить»³¹⁴.

Условия решения схода 1887 г. были следующими: «За уплатою калыма, всякие подарки родителям невесты воспрещаются, принявший же подарок подвергается штрафу в размере 25 р.»³¹⁵.

Таким образом, в XIX веке происходили существенные изменения в семейном быту ингушей, обусловленные интеграционными процессами в структуру Российской империи. Социально-экономический прогресс существенно менял общественный и семейный быт, что затрагивало все стороны культурного уклада народа. Эти изменения привлекли внимание современников;

³¹² Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 52.

³¹³ Пантюхов И. Указ. соч. С. 53.

³¹⁴ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей (Исследование и материалы 1892 – 1894 гг.). Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 164.

³¹⁵ Пантюхов И. Указ. соч. С. 54.

в частности, в описании И. Пантюхова семейный быт равнинных ингушей на рубеже XIX–XX веков выглядел так: «вместо очагов в домах особые, иногда украшенные камины, а хлеб летом печется в отдельных выбеленных, имеющих разнообразие в виде башенок, формы печей на дворе. У многих, особенно пригородных, есть зеркала, лампы и резная мебель. При домах – огороды и садики. <...> Кроме хлебов сажают картофель, сеют фасоль, свеклу, лук, чеснок»³¹⁶.

Описание другого современника позволяет еще более детально реконструировать домашний быт ингушей: «Сакли у равнинных ингушей турлучные, изредка двухэтажные, снаружи и внутри обмазаны глиной. Вход защищен навесом, на окнах имеются ставни, по крайней мере на северной стороне... Внутри сакли относительно чисты и опрятны... Как и у горных ингушей они состоят из двух половин – жилой и кунацкой, причем такое деление здесь гораздо чаще, вследствие большей зажиточности равнинных ингушей и по этой же причине гораздо лучше обставлены, с большим порядком, чистотой, порядком и простором. А у зажиточных в последнее время вводится европейская мебель»³¹⁷.

Важным атрибутом семейного быта и экономического благополучия народа является питание, которое у равнинных жителей к концу XIX в. выгодно отличалось: «Главная пища – в горах ячменные, а на равнине кукурузные лепешки..... Важным подспорьем к этому молочные продукты, особенно сыр. ... В праздники и приема гостей режут барана, кур, индеек. Очень важным пищевым продуктом служит... калмыцкий чай. ... У очень многих равнинных ингушей есть самовар, и чай пьют по-европейски»³¹⁸.

При этом общественный и семейный быт ингушей претерпевал быстрые изменения, и наряду с трансформацией экономических устоев этика и мораль этноса оставались относительно консервативными, адаптируясь к меняющимся

³¹⁶ Там же. С. 61.

³¹⁷ Вертепов Г. А. Указ соч. С. 52.

³¹⁸ Пантюхов И. Указ. соч. С. 61.

социально-экономическим условиям. Этикет и культура поведения ингушей, сформировавшиеся с учетом этнокультурной специфики, составляли устойчивую систему традиционных норм, выступавших основой культурного кода народа. Так, у ингушей, подобно тому, как у других местных народов «обычай не позволяет сидеть за одним столом со старшим»³¹⁹.

Важно отметить, что этикет, культура коммуникации, а также моральные приоритеты у северокавказских народов имеют общие черты, однако с выраженными локальными особенностями. Причины социальных и культурных особенностей следует искать в истории народа, чьи черты у ингушей до XVII века складывались в неблагоприятных горных условиях. Без взаимовыручки и коллективной солидарности в горах выжить сложно, поэтому все атрибуты социальной коммуникации формировались как ответ на экологические, природно-географические и социально-экономические вызовы.

К числу таких обычаев и норм относятся гостеприимство, куначество, почитание старших, родственная солидарность, взаимовыручка и др. Эти особенности у ингушей составляют культурный код и неукоснительно соблюдаются.

Впоследствии ислам способствовал формированию национального менталитета, приводя локальные традиции к единому знаменателю на основе исламских принципов. Солидарность и взаимовыручка как элементы культурного кода выступали необходимым условием самосохранения и благополучия народа.

Так, примечательной чертой у ингушей было почтительное отношение к старшим и к мужчине. «Наибольшим почетом пользуются старики; более молодые при встрече обращаются к ним: «приветствую твой счастливый путь»; старики степенно отвечают: «дай бог, и тебе жить счастливо»... Женщина молча уступает мужчине дорогу...»³²⁰. Согласно нормам ингушского этикета, при

³¹⁹ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 5.

³²⁰ Яковлев Н.Ф. Ингуши. Москва; Ленинград, 1925. С.11.

появлении мужчины женщина привставала в знак уважения. Женщина занимала значимое положение в обществе: в частности, на нее не распространялась практика кровной мести, что подчеркивало ее особый правовой статус. При этом распределение хозяйственных обязанностей следовало традиционному гендерному разделению труда, и женщины были освобождены от наиболее тяжелых физических нагрузок.

До конца XIX века у ингушей бережно сохранялась традиция гостеприимства. Каждый ингушский дом — как в горах, так и на равнине — делился на две функциональные зоны: кунацкую (гостевую) и жилую. При этом кунацкая предназначалась для приема гостей и содержалась с особым вниманием. Гостеприимство у ингушей было развито не менее, чем у соседних народов (чеченцев, народов Дагестана и др.). Любой странник, кто бы он ни был, мог рассчитывать на гостеприимство ингушей и найти у них убежище от врагов. Гостеприимство развито сильно; все лучшее подается гостю; сеют редьку, лук или что другое — и ингуш говорит: «это пригодится для гостя», и так во всем»³²¹.

В отдельные периоды у ингушей встречались случаи аталычества — «обычай отдавать ребенка своего на воспитание в чужой род», когда «равнинные ингуши и чеченцы заимствовали этот обычай у соседей и посылали иногда своих детей к кабардинцам и кумыкам, как к более приобщенным к цивилизованной культуре народам на воспитание»³²².

Таковы были ключевые элементы культурного кода ингушей, сложившиеся на ранних этапах этногенеза и впоследствии воплотившиеся в чертах национального характера. Сходные природно-социальные условия порождали близкие черты социальной коммуникации, поэтому подобный этикет, при всей локальной специфике, входил в структуру ментальности и других народов Северного Кавказа.

Важным следствием конструктивных изменений в общественном и семейном быту ингушей на рубеже XIX — XX вв. стало снижение смертности,

³²¹ Далгат Б.К. Указ. соч. С. 154.

³²² Там же. С. 123.

основными причинами которой называются: «неупотребление спиртных напитков, воздержная, нравственная семейная жизнь, большая редкость сифилиса, широкое размещение жилищ ...»³²³. Соответственно сказывались на продолжительность жизни и социальную стабильность меры по регламентации проблем с кровной мстью и семейно-брачными отношениями.

Резюме:

Общественный и семейный быт народа служит важным показателем уровня социально-экономического прогресса.

Трансформация общественного и семейного быта ингушей очевидна и обусловлена процессами вхождения в состав России. Процессы трансформации общественного быта ингушей были сопряжены со многими проблемами, обусловленными полупатриархальным социально-экономическим укладом народа накануне вхождения в состав Российского государства.

Существенные изменения в общественном и семейном быту ингушей — от традиционных к прогрессивным российским — были обусловлены миграциями на равнину. Изменения экономических условий обусловили прогресс общественного и семейного быта народа. Любые значимые изменения обусловлены ломкой патриархальных устоев и, соответственно, сопровождаются конфликтами и социальным напряжением.

С усложнением экономических форм и условий деятельности возросло напряжение в социальных отношениях, что было естественным явлением для рыночной экономики. Соответственно, если традиционный тейп и семейный быт были основаны на родственной солидарности, то в результате трансформации социально-экономических устоев тейп приобрел уже более территориальный характер. Изменения в экономическом укладе и рыночные отношения серьезно пошатнули родственную солидарность и традиционные устои тейпа.

Острыми конфликтогенными факторами были кровная мсть и семейно-брачные отношения, регламентации которых представители

³²³ Пантюхов И. Указ. Соч. С. 64.

ингушского народа уделяли особое внимание; именно поэтому три раза собирались на сходы — в 1879, 1887 и 1890 годах. Особенностью сходов был их консолидированный характер: представители ингушских тейпов совместно с представителями российской власти прилагали усилия, чтобы найти оптимальные и наиболее эффективные способы регламентации вопросов в сфере общественного и семейного быта народа. Если традиционные методы разрешения конфликтов по кровной мести предусматривали равное возмездие (месть) или примирение посредством компенсации материального и морального вреда, то по новым российским законам предусматривались штрафы и тюремные сроки за собственный счет наказуемого или его родственников. Российские законы по кровной мести носили демократический характер, так как ссылка предусматривалась только по решению и с согласия сельского схода. Такая мера носила также назидательный характер.

Важной особенностью трансформации общественного и семейного быта было то, что изменения в значительной степени сохранили морально-этические устои народа, которые представляли национальный код ингушского народа; в их числе — почтительное отношение к старшим, гостеприимство, этикет в семье и обществе, уважительные отношения между полами, этническая солидарность и другие. Через эти культурные коды осуществлялась преемственность и межпоколенная передача культурных традиций этноса.

3.2. Религиозные представления ингушей и их изменения в контексте вхождения в состав России

Религиозный фактор в историографии ингушей является одним из самых запутанных и недостаточно изученных. Как в источниках, так и в исследованиях отсутствуют попытки хронологически последовательно и логически обоснованно проследить динамику становления и развития религиозных представлений ингушей. Напротив, в источниках встречаются недостоверные, а

порой и противоречивые сведения, которые создают путаницу. Таковым, например, является следующий факт (не подтвержден ни в источниках, ни литературе): «С середины XVIII в. между ингушами начинается проповедь христианства русскими и лишь в 1830 году, когда ингуши сожгли русских и осетинских миссионеров в одной башне бывшего Кистинского (ныне Мецхальского) общества, проповедь окончательно прекратилась, и с этих пор мусульманство и влияние шариата берут перевес в жизни ингушей над прочими влияниями»³²⁴.

В источниках присутствует немало некорректных сведений, особенно в части хронологии. Однако важно отметить, что в коллективной монографии «История Ингушетии» под редакцией Н. Д. Кодзоева значительное внимание уделяется теме христианизации ингушей — ей посвящен отдельный параграф³²⁵. При этом тема достаточно емкая, чтобы ограничиться одним параграфом.

В рамках данного подраздела и выбранных хронологических границ целесообразно сосредоточиться на основных тенденциях формирования единой религиозной идеологии у этноса в контексте интеграции в Российское государство.

Практическая актуальность религии как идеологии обусловлена тем, что исторически она выступала существенным фактором консолидации этноса. В периоды внешних угроз единая идеология служит механизмом сплочения социума для обеспечения его самосохранения. В этом контексте важно учитывать высказывание императора Николая I, сформулированное в 1846 году, в котором отражена ключевая задача Российской империи в кавказской политике: «Не судите о Кавказском крае как об отдельном царстве, — заявил он.

³²⁴ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 54.

³²⁵ Попытка христианизации ингушей со стороны России // История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 227 - 230.

— Я желаю и должен стараться сливать его всеми возможными мерами с Россией, чтобы все составляло одно целое»³²⁶.

Совершая экскурс в историю становления единой религиозной идеологии у ингушей, следует отметить, что этот процесс был сложным, продолжительным и во многом неопределенным. На неоднозначность религиозного мировоззрения народа обращали внимание исследователи того периода. В том числе на эту особенность указывал Н.Ф. Грабовский: «Можно однако-же предполагать, что весь этот религиозный сумбур возник от тех, по всей вероятности, от частых переходов от христианства к магометанству, которые выпадали на долю этих горцев в разные эпохи появления между ними иноплеменных пришельцев. Подобное предположение не покажется странным, если припомнить, что военно-грузинская дорога, в соседстве с которой обитают джераховцы, кистинцы и прочие описываемые горцы, служила издавна чуть ли не единственным сообщением между Северным Кавказом и Грузией»³²⁷. То есть, по мнению автора, локация ингушей на стыке Грузии и России была причиной «религиозного сумбура» народа.

Религия для каждого народа представляет собой значимую духовную составляющую, которая оказывает влияние на все сферы жизни. Принятие новой веры или ее смена нередко становится переломным этапом и может сопровождаться острыми социальными и духовными коллизиями, в том числе человеческими жертвами и глубокими переживаниями.

Так, крещение Руси в 988 г. имело целью консолидировать разрозненные восточнославянские племена в единое государство. Однако сам процесс христианизации сопровождался серьезными трудностями для населения. Как отмечает С. В. Бахрушин применительно к схожим историческим ситуациям, внедрение новой веры нередко сталкивалось с сопротивлением: «загоняя в реку

³²⁶Цит. по: Гапуров Ш. А., Бугаев А. М., Черноус В. В. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 94.

³²⁷Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 19.

их, как стадо»; одни крестились добровольно, а другие из-за страха перед повелевавшими. Но масса населения оставалась языческой еще в XI веке ³²⁸.

Этот факт дает ключ к осмыслению ситуации с принятием религии у других народов, в том числе ингушей. Поскольку религиозная идеология выступает важным фактором консолидации этноса, Россия, реализуя стратегию интеграции народов Северного Кавказа, рассматривала распространение доминирующей конфессии как элемент единства подвластных территорий. Важно также учитывать, что религиозный фактор входил в число ключевых для геополитики региона: наряду с Россией на территории Северного Кавказа претендовали Османская империя и Персия. Конфессиональная принадлежность в этом контексте оказывала влияние на внешнеполитические ориентации — мусульманские народы региона могли тяготеть к сфере влияния Османской империи и Персии в силу религиозной близости. В рамках кавказской политики российские власти стремились снизить влияние исламского фактора и расширить круг приверженцев православия, интегрируя часть населения в орбиту православной культуры.

Более того, религиозный фактор в ряде случаев использовался как обоснование набегов, совершавшихся с территории Дагестана и Чечни на сопредельные области Закавказья. Российская администрация стремилась пресекать подобные акции в рамках кавказской политики, реализуя меры по стабилизации региона и укреплению пограничного порядка: «еще в 1747 году, когда на них (ингушей. – А.Ц.) и осетин правительство обратило внимание с целью восстановления среди них христианства. С этого времени, вплоть до конца первой четверти XIX столетия делались неудачные попытки восстановить среди них христианство, некогда распространенное грузинами, а потом ослабевшее; была даже назначена особая Осетинская комиссия в Моздоке; назначены были и священники для ингушей; много вновь крещено» ³²⁹. Таким

³²⁸ Бахрушин С.В. К вопросу о крещении Киевской Руси // Христианство и Русь: сборник статей / Ред. А. Белов. Москва: Наука, 1988. С. 31.

³²⁹ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 50.

образом, с учетом консолидирующей роли религии уже на раннем этапе кавказской политики одним из приоритетов России было усиление позиций православия среди местного населения и распространение православной культуры

Однако результаты работы Осетинской комиссии оказались ограниченными. По сведениям Д. Лаврова, в Ингушетии и Осетии за 21 год ее деятельности в христианство было обращено 2141 человек. По другим данным, за тот же период Моздокской комиссией «были окрещены 6657 душ»³³⁰. По причине низкой эффективности деятельность указанной комиссии постепенно была свернута³³¹.

Результаты миссионерской деятельности показали, что политические устремления властей не всегда совпадали с религиозными предпочтениями населения: многие из них отдали предпочтение исламу.

Источники и литература подтверждают, что до распространения ислама среди ингушей в разной степени были популярны языческие верования и христианство из Грузии. По одной из версий «христианство начинало проникать в сознание ингушей из соседней Грузии в XII – XIII вв.»³³².

С учетом того, что грузины тесно взаимодействовали не только с ингушами, но и с чеченцами, христианство проникало и распространялось среди чеченцев, что следует из разных источников и сообщений. Так, Г. Вертепова пишет: «Особенно строго придерживаются мусульманства нагорные чеченцы, которые никогда не были христианами; но остальные, как свидетельствуют их предания и развалины древних храмов, исповедовали некогда христианскую религию»³³³.

Относительно хронологии принятия христианства Б. Далгат отмечает: «ингуши были язычниками и лишь с XVIII столетия вновь обращаются в

³³⁰ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 228.

³³¹ Там же.

³³² Эльдиев А. Специфика этно-религиозной ментальности ингушей // Развитие личности. 2010. № 1. С. 218.

³³³ Вертепов Г. А. Уквз. соч. С. 33.

христианство»³³⁴. По поводу языческих верований ингушей сохранились скудные сведения. Например, Б. Далгат, ссылаясь на графа Потоцкого, путешествовавшего по Кавказу в 1797 г., утверждает: «лишь немногие из ингушей втайне считались магометанами, а прочие - язычники»³³⁵.

Утверждение о том, что ингуши до конца XVIII века в значительном большинстве оставались язычниками, вызывает серьезные сомнения, как и ряд других утверждений о религиозных воззрениях народа. Речь идет о пережитках языческих верований, на что указывают и другие исследователи.

Так, Н.Ф. Грабовский в начале второй половины XIX в. отмечает: «джераховцы, кистинцы и галгаевцы считают себя магометанами, но вместе с тем у них встречаются некоторые христианские и языческие обряды; особенно резко выделяются последние. Не знаю, как теперь, но в 1865 году еще можно было видеть тех людей, на которых лежала роль жрецов исполнителей различных религиозных церемоний»³³⁶.

Отголоски язычества — явление естественное; они наблюдались не только у ингушей, но и у других мусульманских народов в более позднее время, что подтверждает консервативный характер религиозного мировоззрения. К таковым относятся обряд вызывания дождя и различные обереги, которые отсутствуют в исламской догматике. Поэтому отдельные языческие реликты, сохранившиеся у ингушей в XVIII веке, не являются свидетельством господства языческих верований у народа.

Как уже отмечалось, после официального вхождения в состав России активизировалась политика христианизации ингушей, что сопровождалось рядом проблем. Согласно источникам, первые признаки сопротивления христианизации стали заметны в начале правления генерала А. П. Ермолова: ингуши продемонстрировали приверженность исламу и в случае навязывания

³³⁴ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 53.

³³⁵ Там же.

³³⁶ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 16.

христианства были готовы вернуться в горы, чтобы сохранить свои религиозные убеждения.

Тому свидетельством является архивный материал, в котором отмечается: «ингуши принять крещение не желают, и, хотя немногие из старшин на то согласились..., но когда простой народ, совершенно тому противившийся, хотел удалиться на прежнее место жительства в горы, то старшины оставили принятый им закон»³³⁷. Ввиду устойчивого сопротивления миссионерской деятельности и приверженности ингушей традиционным религиозным представлениям и исламу генерал Ермолов в 1822 году распорядился об отъезде шотландского миссионера Георга Блея, прибывшего для проповеди христианства среди местного населения³³⁸. Не менее примечательным является архивный материал, в котором остро обозначена проблема принятия православия ингушами. В докладе командующему войсками Кавказской линии генерал-адъютанту и кавалеру Граббе от 21 июля 1842 г. отмечается: «при проезде главного военного министра 11 минувшего июня через укрепление вновь возводимое на Сунже между Казак-кичу и Назраном, выехавшие к его сиятельству на встречу назрановские жители числом до 400 человек представили от имени всего ингушевского общества прошение в коем объясняя, что они обращены в христианскую веру мерами насильственными и обольстительными, изъявляют желание возвратиться по прежнему к магометанскому закону»³³⁹.

Таким образом, христианизация ингушей, которая началась еще до официального вхождения в состав России, стала более интенсивной после принятия присяги в 1810 году и официального вхождения в состав государства. Однако с самого начала такая политика осуществлялась с переменным успехом

³³⁷ Отношение командующего Кавказским корпусом генерала Ермолова Министру внутренних дел князю Галицину о причинах высылки им из Ингушетии шотландских миссионеров. 19 сентября 1822 г. // АКАК Т. VI. Ч. II. Под ред. А.П. Берже, Тифлис, 1875. С. 507.

³³⁸ Краснокутская Л. И. История шотландской миссии на Северном Кавказе (1802 – 1835 годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Пятигорск 2000. С. 18.

³³⁹ ЦГА РСО-Алания. Ф. 290. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.

и чаще встречала сопротивление в виде приверженности исламу, хотя ранее Грузия уже предпринимала миссионерские усилия в регионе. Следует отметить, что инициированная Грузией миссионерская деятельность носила преимущественно добровольный характер; при этом и Грузия, и Россия опирались на православную традицию христианства.

Позиция ингушей в религиозном выборе на протяжении всего XIX века была осторожной. Она обуславливалась тем, что навязывание христианства российскими властями сопровождалось настойчивым стремлением распространить на ингушское общество элементы российской административной и культурной системы в ущерб национальной культуре и идентичности. Стремление сохранить культурную и этническую идентичность в этих условиях носило естественный и объективный характер.

Такова была серьезная проблема формального принятия христианства: на давление властей местные жители отвечали внешним крещением и исполнением обрядов без внутреннего принятия веры. Это объясняет, почему ингуши под нажимом властей неоднократно проходили обряд крещения — зачастую по причине материальной заинтересованности: для многих горцев мотивом служило желание получить 50 копеек, холст на рубаху и крестик, которыми снабжали каждого новообращенного. По этому поводу Н.Ф. Грабовский отмечал: «один из стариков рассказывал, что он, подобно другим, несколько раз крестился, чтобы получить — деньги, рубаху и крестик»³⁴⁰.

В более позднее время в ответ на упорное насаждение и «насильственную христианизацию (ингуши. — А.Ц.) бежали к непокоренным горцам в Чечню, другие были готовы последовать их примеру»³⁴¹.

Крещеным жителям выдавали простые нательные крестики, которые поначалу многие принимали за изделия из драгоценного металла; ради этих крестиков нередко соглашались на повторное крещение. Однако это было

³⁴⁰ Грабовский Н.Ф. Ингуши (их жизнь и обычаи) // ССКГ. Вып. IX. Тифлис, 1876. С. 54.

³⁴¹ Картоев М.М. Ингушетия в политике Российской Империи на Кавказе в XIX в. // Ингушетия в политике Российской Империи на Кавказе в XIX в. Магас, 2014. С. 15.

формальное принятие обряда, тогда как в народе прослеживалась явная приверженность исламу, к которому ингуши тяготели.

Ко времени насаждения христианства у ингушей имелся определенный опыт исповедания других религий, что предопределило осознанный выбор при альтернативе между религиями. Наряду с языческими верованиями первые исламские мавзолеи и следы исламской культуры стали обнаруживаться у ингушей в XIV–XV вв.³⁴²

Методы крещения варьировались в зависимости от обстоятельств и политической конъюнктуры, нередко дополняя друг друга. Примечательно, что в источниках исследуемого периода, касающихся крещения, подчеркивается декларируемый властями лояльный, ненасильственный подход российского правительства, как, например: «при приведении ингушей в христианство, отнюдь не употреблять ни угроз, ни какого-либо насилия, а действовать на них средствами кроткими, посредством одного убеждения»³⁴³.

Несмотря на формулировки в официальных документах, проблема христианизации и ее методов на практике оставалась острой, поскольку население воспринимало эти процессы негативно. Одним из распространенных способов стало материальное стимулирование: выдача денег, ткани для одежды и нательных крестиков, которые поначалу в народе принимали за золотые. Однако эта мера оказалась неэффективной, поскольку мотивом для крещения становились материальные блага, а не религиозные соображения. Наряду с лояльными методами властям пришлось прибегать к принудительным мерам, сведения о чем сохранились в документальных источниках. В этом контексте обращает на себя внимание примечательный факт: в 1843 г. к Российскому императору обратились депутаты от Назрановского общества для «выражения верноподданнической признательности, за милости их обществу оказанные». В обращении, поданном Императору, депутаты первым пунктом выразили

³⁴² Эльдиев А. Специфика этно-религиозной ментальности ингушей // Развитие личности. 2010. № 1. С. 218.

³⁴³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 8.

основную проблему народа: «о не обращении насильно в христианскую религию и о дозволении принявшим уже христианство, обратиться вновь в магометанскую веру»³⁴⁴. Факт обращения к Императору относительно христианизации ингушей является свидетельством остроты проблемы и того, что при крещении использовались насильственные меры.

Примечательно, что, несмотря на формулировки в официальных документах, в числе мер принуждения, применявшихся в ходе христианизации, были ссылки. Так, в своем обращении к императору в 1843 г. депутаты от Назрановского общества просят вернуть из ссылок ингушей. Всего в числе высланных было 30 человек, из них «6-ть сосланы в Россию за нежелание принять христианскую веру»³⁴⁵. Таким образом, проблема христианизации стояла остро: от методов убеждения в 40-х годах XIX века власти перешли к методам принуждения.

На фоне острой реакции ингушей на насильственные методы христианизации последовало указание российского императора от 13 января 1844 года «о воспреещении насильственного крещения и, чтобы не преследовать даже тех из христиан, которые не будут в точности исполнять сию веру»³⁴⁶. На подобные указания сверху местные власти отвечали лавированием, стремясь не допустить, чтобы местное население симпатизировало антиколониальной борьбе или тем более присоединялось к ней — в том числе к выступлениям других народов Северного Кавказа.

Христианизация негативно отражалась на отношениях внутри общества. Дело в том, что между теми, кто принял христианство, и теми, кто его не принял, складывались напряженные отношения, а потому командир Отдельного Кавказского корпуса в 1836 году предписал коменданту Владикавказа: «строго воспретить мухаммеданам упрекать новокрещенных и издеваться над ними за

³⁴⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 28 – 33.

³⁴⁵ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 28.

³⁴⁶ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 366. Л. 52.

перемену религии, а последним стараться оказывать всевозможное предпочтение перед мухаммеданами для и одобрения и успокоения их»³⁴⁷.

Данный архивный документ — не единственный в ряду подобных. Аналогичен ему документ от 13 сентября 1839 года, в котором жители ингушского селения Батако-юрт выражают возмущение в связи с переселением из Назрани, что «претерпевали от магометан нарекания и насмехания» и что они «будучи окрещены... здесь встретили такое стеснение, что принуждены возвратиться в прежнее жительство...»³⁴⁸.

Аналогичным образом для магометан и новокрещенных создавались разные условия в пользу последних, что являлось дискриминацией по религиозному признаку и негативно отражалось на социальных отношениях. Так, в рапорте за 1845 год отмечается: «Дозволить новокрещенным иметь мельницы на Назрановке, а мухаммеданам устроить таковые на Сунже. Разделить землю пополам, первую половину от речки Назрановки по левой стороне назначить христианам, а по правую к Сунже, мухаммеданам»³⁴⁹.

Сам факт разделения одного народа на новокрещенных и магометан априори создавал атмосферу подозрения; причем привилегированное положение одних над другими формировало обстановку недоверия между представителями одного этноса и служило почвой для надругательств и оскорблений в отношении новокрещенных.

Серьезным препятствием к крещению и проповеди христианства среди ингушей был язык коммуникации. Зачастую в качестве проповедников новой религии привлекали священников грузинской католической церкви. Так, в 1840 г. к назрановцам были определены из Грузии четыре священника, которые «получали от казны определенное жалованье, первые три – по 200 рублей, а последний 160 рублей серебром в год. Будучи сами достаточно образованы, (они

³⁴⁷ РГВИА Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162 Л. 13.

³⁴⁸ ЦИАГ. Ф. 488. Оп. 1. Д. 5794. Л. 9.

³⁴⁹ РГВИА Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 10 – 10 об.

– А.Ц) не знают при том ингушевского языка, не понимают обычаев народа и главных его наклонностей»³⁵⁰.

Парадокс ситуации с крещением был также в том, что принятие христианства одной частью общества приводило к открытому противостоянию с теми, кто оставался в исламе. Как объясняли сами ингуши, проблема была в том, что назрановские ингуши и их родственники «решились ничего не исполнять и не повиноваться, а лучше согласятся погибнуть, чем иметь новую христианскую веру, будто бы вынужденно им принятую, рассказывая, что чрез сие прерываются их родства и все связи; ибо по верам, между ними теперь господствующим, не могут они брать за себя в замужество дочерей от мухамедан, в сие равномерно от них, тогда как они один и тот же народ...»³⁵¹.

На меры принудительной христианизации ингуши отвечали комплексом практик сопротивления. Среди них значимое место занимало заявление о переходе в зону влияния чеченских обществ, где исламская традиция была институционально закреплена в рамках имамата Шамиля.

Так, в одном из документов по этому поводу говорится: «новокрещенные... имеют намерение бежать с семействами своими в Чечню», а потому предлагаются «всеми мерами убеждения и кротости стараться водворить между ними спокойствие и прекратит их неудовольствия с магометанами»³⁵². Бегство к чеченцам было не только угрозой и способом шантажа, а имелись реальные прецеденты, о чем могут свидетельствовать архивные документы. Так, в одном официальном документе говорится, что «упомянутые горцы... могут при подстрекательстве своих родственников, не обратившихся в христианство,

³⁵⁰ Там же.

³⁵¹ Там же. Л. 16.

³⁵² Копия предписания командира отдельного Кавказского корпуса Генерала-Адъютанта Розена Владикавказскому коменданту полковнику Широкому по вопросу прекращения волнений среди ингушей, вызванных обращением их в православие. От 12 марта 1836 г. // Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: сборник документов и материалов. Составитель и научный редактор Картоев М.М. Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2014. Док. 17. С. 47.

предаться вновь беспорядкам и убежать в Чечню, где найдут верное для себя убежище...»³⁵³.

В другом аналогичном документе русское командование выражало обеспокоенность тем, что та часть ингушей, которая не приняла христианство, уйдет в Чечню и присоединится к имаму Шамилю. По этому поводу комендант Владикавказа Широков 5 марта 1836 г. доносил командиру кавказского корпуса ген. Розену: «В ночь получил я сведение о том, что толпа сия переехала камбилеевский мост, остановилась и учинила по своему обычаю присягу в том, чтобы всем собраться и бежать со своими семействами в Чечню или горы»³⁵⁴.

Не обнаружено свидетельств того, что российские власти целенаправленно провоцировали неприязнь между ингушами и соседними мусульманскими народами; однако если подобные противоречия возникали независимо от них, это объективно соответствовало интересам империи. Дело в том, что чеченцы еще до XVIII в. приняли мусульманство от дагестанцев, что «послужило значительным толчком к усилению вражды их (чеченцев. – А.Ц.) к русским и посеяло рознь между ними и единоплеменными ингушами»³⁵⁵. То есть власти стремились использовать конфессиональные различия в качестве инструмента ослабления общекавказской солидарности, что отвечало их интересам, поскольку они опасались консолидации мусульманских сообществ. Тем самым в политике империи прослеживалась линия на разграничение народов Северного Кавказа, в том числе дагестанских этносов, чеченцев и ингушей, по религиозно-политическим линиям. Более того, мусульмане Дагестана и Чечни под руководством Шамиля были настроены протурецки, что противоречило геополитическим интересам России.

³⁵³ Отношение командира отдельного Кавказского корпуса Генерал-адъютанта Розена военному министру Чернышеву о временном приостановлении христианских священников среди ингушей Назрановского общества. От 12 мая 1836 г. // АКАК. Т. VIII / Под ред. А. П. Берже. Тифлис, 1881. Док. № 607.

³⁵⁴ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 6. Д. 162. Л. 15 – 18.

³⁵⁵ Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 51.

Народы Дагестана с чеченцами объединяла религия, так как ислам вносил определенный порядок в общественную жизнь, упорядочивал ее. По утверждению У. Лаудаева, исламскую религию чеченцы приняли от горцев Дагестана по следующей причине: «Между тем беспорядки в Чечне увеличивались и дошли до крайнего предела, терпение обижаемых вышло из границ. Народ искал спасения, откуда-бы оно ни появилось. Решаются наконец на последнее средство – принять магометанскую веру, в надежде, что шариат восстановит спокойствие в крае, коим наслаждались их мусульманские соседи, и чеченцы принимают ислам»³⁵⁶. То есть причиной принятия ислама от горцев Дагестана было его социально консолидирующая функция и то, что шариат устанавливал в обществе определенные порядки, основанные на исламской нравственности, каких до сих пор не было у чеченцев. Эти конструктивные функции ислама были известны ингушам, что делало магометанство привлекательным для них.

До того как определиться с исламом, у ингушей была достаточная практика и альтернативы в других религиях и верованиях, так как они были знакомы с христианством и в прошлом исповедовали его — оно было перенято от Грузии. Также у местного населения хорошо сохранились языческие верования, а потому ислам стал правом свободного духовно-нравственного выбора ингушей, которое они отстаивали всеми возможными способами.

Надо признать, что, несмотря на отдельные проявления, российские власти не были излишне категоричными в вопросах вероисповедания и не отказывали ингушам в свободе совести, особенно во второй половине XIX века

Напротив, к их просьбам «назначить в их селения мулл из других магометанских обществ» относились вполне лояльно и демократично, позволяя «избрать из среды себя в муллы достойнейших сего духовного сана и испросить утверждения оных начальству»³⁵⁷. Подобное либерально-демократичное

³⁵⁶Лаудаев У. Указ. соч. С. 27.

³⁵⁷Копия предписания командира отдельного Кавказского корпуса Генерала от инфантерии Генерал-адъютанта Розена Владикавказскому коменданту полковнику Широкому по вопросу

отношение к местному населению не являлось только благим пожеланием, а имело реальные прецеденты на практике. Так, в 1836 г. на утверждение Владикавказским комендантом были представлены фамилии 10 мулл для ингушских и карабулакских поселений³⁵⁸. Не следует трактовать методы России по христианизации ингушей как однозначно насильственные, несмотря на то что местные органы власти были заинтересованы в утверждении единой идеологии на всей подвластной территории. Российские власти сочетали способы убеждения и принуждения, в том числе прибегая к высылке в губернии с суровым климатом.

Особенно ревностно российские власти начали проводить политику христианизации среди ингушей в 30-х гг. XIX в., что было обусловлено началом Кавказской войны. В идеологии ислама российские власти видели реальную угрозу своей политике на Кавказе, поэтапно проводимой генералом А.П. Ермоловым.

Ситуация в 1830-х годах стала напряженной, и потому российские власти должны были проводить предельно осторожную политику в отношении ингушей: антиколониальное движение горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма было для них альтернативой российским порядкам. В случае жестких мер по христианизации со стороны России ингуши были готовы неоднократно воспользоваться этой возможностью.

С началом Кавказской войны протестные настроения, связанные с практикой крещения, приобрели новую направленность, поэтому власти были вынуждены проявлять особую сдержанность, учитывая настроения и потребности населения. При этом консолидированного движения протеста ингушей против христианизации не сложилось, и выступления не вылились в открытое противостояние. Показательным эпизодом общей картины локальных

о просьбе ингушских и осетинских обществ о назначении в их селения магометанских мулл. 16 января 1836 г. // ЦИАГ. Ф. 2. Оп.1. Д. 4423. Л. 3.

³⁵⁸ Список муллам, выбранных ингушевскими и карабулакскими жителями для утверждения их в сем звании // ЦИАГ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4426. Л. 4 – 4 об.

выступлений стало восстание 1841 года, когда значительная часть назрановцев выступила против имама Шамиля.

В духе лояльности к вероисповеданию ингушей выдержаны архивные документы российских властей XIX в., в которых говорится, что обращения к христианской религии иноверцев производится «по внушениям свыше; что по сему нельзя предполагать чтобы в отношении к ним было употреблено какое-либо насилие, что христианская религия основана именно на братском союзе людей и потому воспрещает ссору и ненависть не только между единоверцами, но даже между людьми, исповедующими разную религию ...»³⁵⁹.

Не следует трактовать настроения ингушей на протяжении всей Кавказской войны как однозначно пророссийские или антироссийские. По мере того как корректировалась политика властей, менялся и настрой народа в вопросах религии и отношения к российской власти. Главной задачей российских властей было не допустить, чтобы ингуши поддержали антиколониальное движение горцев Дагестана и Чечни. Более того, имам Шамиль возлагал большие надежды на поддержку единоверцев в Османской империи, поэтому он стремился не только расширить свое движение и распространить влияние на народы Северного Кавказа, но и максимально сблизиться с ними. Такой ход событий был крайне нежелателен для российских властей, которые укрепляли позиции на Кавказе в противостоянии с Османской империей и Персией.

По мере изменения условий менялся и настрой ингушей по отношению к российской политике. Источники фиксируют показательный случай, когда симпатии части ингушей склонялись к повстанцам Шамиля. Так, в апреле 1841 года ингуши выступили против отрядов имама Шамиля, однако в обществе сохранялись симпатии к повстанцам. Оно сопровождалось, по словам Владикавказского коменданта полковника Широкого, тем, что «при сих увещеваниях, часть простого народа еще колебалась и я, призвав 40 человек

³⁵⁹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 1. Д. 292. Л. 3.

почетных старшин, представил им всю пользу, какую извлечь народ для себя может, если окажет непоколебимую твердость в случае вторжения скопищ возмутителя, и ручался я честью ходатайствовать у начальства, чтобы милость царская за преданность престолу распространялась не только на них, но даже на потомков назрановских. Старшины желания моего исполнили, уговорили народ...»³⁶⁰. Мы видим, что симпатии значительной части назрановцев были на стороне повстанцев, и пришлось на них повлиять через старшин и обещать «милость царскую за преданность престолу»³⁶¹. Таким образом, назрановцев в критической ситуации поставили перед дилеммой с очевидной выгодой остаться на стороне России. Более того, начало 40-х гг. было периодом высшего подъема антиколониальной борьбы, и судьба российской политики на Северном Кавказе была под большим вопросом.

Следует обратить внимание на то, что наряду с уговорами и разъяснительной работой в отношении назрановцев применялись и иные меры воздействия. Так, еще до начала сражения с войсками Шамиля по распоряжению Широкова значительная часть «скота назрановцев была переведена во Владикавказ – в случае антирусского выступления назрановцев скот переходил в собственность русской армии»³⁶². Российские власти приняли меры, чтобы удержать ингушей от поддержки повстанцев. Активность отрядов Шамиля вынуждала власти корректировать кавказскую политику, и в частности отношение к ингушам.

Религиозная солидарность была эффективным средством консолидации народов, поэтому Россия стремилась не допустить солидарности ингушей с повстанцами Шамиля. Тем самым движение горцев Дагестана и Чечни выступало как значимая альтернатива курсу российских властей, предлагая ингушам иной путь отстаивания религиозных приоритетов. В такой

³⁶⁰ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 2. Д. 234. Л. 41 – 45.

³⁶¹ Там же.

³⁶² История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 262.

напряженной ситуации ингуши могли добиваться определенных политических уступок от российской администрации.

Положение ингушей было двойственным: с одной стороны, они были связаны с Россией договорами 1770 и 1810 годов, которые обязывали их отражать нападения, угрожавшие казакам, с другой — по менталитету, образу жизни и мировоззрению им были близки соседние горцы и ислам, который стал знаменем антиколониального сопротивления горцев Дагестана и Чечни.

С учетом обстоятельств, изложенных в письме Владикавказским комендантом Широковым, назрановцы приняли деятельное участие в отражении нападения войск имама Шамиля в 1841 г., а потому за «примерное усердие, преданность и храбрость..... при отражении нападения, сделанного мятежником Шамилем на Назрань.... в ознаменование оно, Всемилостивейше жалуем назрановским жителям почетное знамя... и повелеваем хранить оное, как знак Монаршего нашего внимания»³⁶³. Таким образом, когда встал вопрос о выборе между религиозной идентичностью и обязательствами по договору о вступлении в состав России 1810 года, народ остался верен условиям договора. Более того, в «акте о принятии подданства России 1810 г., подписанном представителями влиятельных ингушских обществ, ингуши обязались не допускать мулл в свои селения и не строить мечети ...»³⁶⁴. Ингуши остались верны договору 1810 года и в критический период не предали интересы России.

Доминирование ислама. Однако события 1841 года вовсе не свидетельствовали об отказе местного населения от собственных религиозных представлений в пользу ислама. На протяжении XIX века наблюдалось постепенное распространение ислама среди ингушей. Хотя некоторые современники и исследователи указывают на середину XIX века как на дату принятия ислама ингушами, важно учитывать, что ислам здесь выступает не как господствующая, а как доминирующая и более распространенная религия, так

³⁶³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6429. Л. 31 – 31 об.

³⁶⁴ История Ингушетии: Коллективная монография / Отв. ред. Н.Д. Кодзоев. 4-е изд., Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2013. С. 228.

как даже в середине XIX в. «религия у ингушей составлена из смеси различных вероучений. Большая часть их исповедует мусульманскую религию, другие христианскую и, наконец, встречаются совершенные язычники»³⁶⁵.

Несмотря на то что ингуши в XIX веке были немногочисленным народом, среди них наблюдалась разная степень приверженности исламу, что объяснялось рядом факторов — географической локализацией, политической конъюнктурой, а также степенью влияния идей антиколониальной борьбы горцев Дагестана и Чечни. Так, по утверждению А. Грабовского, во второй пол. XIX в. «цоринцы, аккинцы и мереджинцы: они чистые магометане, Судя по остаткам-христианства, которые сохранились у них в виде каменных крестов, конечно, нет сомнения, что до появления имамов они использовали одну и ту же религию, ... но с появлением строгих ревнителей магометанства и с политическим подчинением их власти, акинцы и мереджинцы принуждены были оставить религию предков и перейти в ислам»³⁶⁶. Таким образом, идеи антиколониальной борьбы против царизма способствовали распространению ислама среди ингушей. Более того, популярность ислама у народов Северного Кавказа в контексте антиколониальной борьбы заметно возросла. И если «до появления в начале нынешнего столетия мюридизма чеченцы-мусульмане» не были истинными последователями учения Магомета», ... то потом «шли в мюриды и богатые люди... служба мюридом считалась самою почетною»³⁶⁷.

Более конкретные данные о популярности ислама среди ингушей мы находим у Н.Ф. Грабовского: в 70-х гг. XIX в. во всех ингушских селениях существовало 35 мечетей. «Валовой расход на мулл со всего населения простирается до 3862 р. 72 к. деньгами и кукурузой на сумму 3539 р. 5 к. т.е. всего 7391 р. 80 к.»³⁶⁸.

³⁶⁵ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 18.

³⁶⁶ Грабовский Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа // ССКГ. Вып. III. Тифлис, 1870. С. 19.

³⁶⁷ Вертепов Г. А. Указ. соч. С. 20.

³⁶⁸ Там же. С. 52.

К концу XIX в. стало очевидно, что ингуши отстаивали свое право на вероисповедание в пользу ислама. Г. А. Вертепов писал по этому поводу: «Магометанская религия все глубже и глубже проникает в массы и постепенно уничтожает следы, как язычества, таи христианства. ... Нет фактов, чтобы магометане или даже только подвергшиеся влиянию магометане принимали христианство, но есть указания, что язычники-ингуши, даже и бывшие христианами, обращены в магометанство»³⁶⁹.

Выбор в пользу ислама решал еще одну острую проблему: «Между чеченцами и ингушами в прежнее время существовала вражда; но теперь (с принятием ингушами мусульманства) эта рознь все более и более сглаживается. Прежде же чеченцы нападали на ингушей, называя их неверными, так как чеченцы раньше ингушей приняли ислам от кумыков и дагестанцев»³⁷⁰.

Лояльное отношение российских властей к свободе вероисповедания способствовало сохранению религиозной автономии ингушей. Со второй половины XIX века, в русле политики по стабилизации региона, власти стали финансово поддерживать мусульманские культовые сооружения и религиозные мероприятия ингушей, выделяя средства на открытие исламских образовательных учреждений. Этот шаг свидетельствовал о прагматичном подходе властей, нацеленном на выстраивание устойчивых отношений с местным населением.

В конце XIX в. в описании И. Пантюхова мы находим: обучение для девочек и мальчиков было раздельным, девочки 10 – 13 лет, а мальчики от 6 до 14 – 15 лет. «Девочек было до 15, а мальчиков 30. ... лица у детей осмысленные, внимательные и далеко более красивые... Все одеты довольно чисто. По-русски ни мулла, ни дети не знали ни слова». Чтобы проверить оспопрививание, «я осмотрел у мальчиков руки, причем из 30 только у семи было по одному, реже по два значка привитой оспы».

³⁶⁹Вертепов Г.А., Пантюхов И. Сказания об ингушах. Майкоп, 1991. С. 58.

³⁷⁰Далгат Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы 1892 – 1894 гг. Москва: ИМЛИ РАН, 2008. С. 75.

«В сел. Гамурзиевском 67 детей обоего пола возраста 6 – 12 лет. Дети не запуганы, а смотрят смело и бойко». Как только мулла по моей просьбе сделал знак, «в школе поднялся такой гвалт, что ничего нельзя было разобрать: дети выкрикивали один другого лучше..... Привитых от оспы оказалось 5»³⁷¹. Подобные условия для получения как религиозного, так и светского образования на рубеже XIX–XX веков отсутствовали в центральных губерниях России, а также в казачьих станицах на Северном Кавказе.

В архивных фондах содержатся разрозненные данные о доле детей, охваченных обучением, что позволяет считать их репрезентативными. Так, в Назрановском округе Терской области, по статистическим сведениям, на 1908 год числится населения 11556 человек, из которых детей обоего пола – 1631. Из них проходят обучением охвачены 517 детей обоего пола³⁷². Для второй половины XIX в. такое число обучающихся детей было достаточно высоким уровнем.

По состоянию на сентябрь 1885 года сохранились архивные данные о материально-техническом обеспечении Назрановской горской школы. В ведомости припасов, продуктов, дров и осветительных материалов, потребных в примерных количестве числятся: «гавядины – 80 пудов, кукурузной муки – 45 пудов, пшенки – 8, рису – 1 пуд, муки пшеничной и соли – по 4 пуда, сахара – 5 пудов, хлеба ржаного – 100 пуда, хлеба белого – 2 пуда, сала говяжьего или бараньего – 4 пуда, масла коровьего – 25 кг. капусты – 100 штук, мыло 2 пуда, спичек 8 штук»³⁷³. С учетом того, что все припасы обеспечивались за казенный счет, были созданы благоприятные условия для культурного развития ингушей.

Стоит отметить, что расходы, необходимые на содержание Назрановского округа Терской области, осуществлялись из государственной казны. На 1912 г., эти средства составляли 17160 рублей, в том числе, на содержание словесного

³⁷¹Пантюхов И. Указ. соч. С. 65.

³⁷²РГИА. Ф. 1287. Оп. 2. Д. 1115. Л. 12 об.

³⁷³ЦГА РСО-Алания. Ф. 30. Оп. 1. Д. 35. Л. 22.

суда, в который входили: кадий, депутаты, участковый начальник, словесный переводчик, секретарь, а также канцелярские расходы, всего на сумму 1180 рублей³⁷⁴.

Таковы были результаты интеграции в состав России на демократических принципах одного из малых народов Северного Кавказа – ингушей. Спецификой такой интеграции стала консолидация ингушей на основе единой исламской религии и «только следуя принципам единства и солидарности, ингуши могли обеспечить историческое выживание своего этноса в сложнейших катаклизмах их исторической судьбы»³⁷⁵. Таким образом, консолидация на основе единой религии — ислама, которая подкреплялась другими аспектами, в том числе развитием образования, обеспечивала значительный культурный прогресс в истории ингушского народа.

Резюме: Религия является сложной духовно-нравственной категорией, способной консолидировать этнос и поддерживать его солидарность. Экскурс в историю ингушей показывает, что становление и утверждение единой религии представляло собой сложный и противоречивый процесс. Вплоть до XIX века у ингушей наряду с исламскими религиозными устоями прослеживаются элементы языческих верований и христианских традиций. Экономические и культурные контакты, а также близкое соседство с Грузией способствовали проникновению христианских (преимущественно православных) традиций в культуру ингушей. Однако христианство не стало доминирующей религией; приоритет получил ислам.

В связи с вхождением в состав России и переселением на равнину одним из приоритетов российской политики в отношении ингушей было обращение их в православие. Таким образом, стратегия властей была направлена на интеграцию ингушей посредством религиозной консолидации; соответствующие установки прослеживаются в условиях присяги о подданстве

³⁷⁴ РГИА. Ф. 1278. Государственная Дума. Третий созыв (1907 – 1912) Оп. 2. Д. 811. Л. 27.

³⁷⁵ Дзарахова З.М.-Т. Константы национального характера и менталитета ингушей // Научная мысль Кавказа. 2006. № 4. С. 73.

1810 года. Подобный подход представлялся закономерным в рамках имперской логики: каждая крупная империя стремилась консолидировать разнородное общество через единую идеологию. Однако религиозная и идеологическая интеграция ингушей в состав государства протекала со значительными трудностями и оказалась гораздо более сложной, чем социально-экономическая.

Методы христианизации носили как ненасильственный (проповеднический), так и насильственный характер. В качестве материального стимула к крещению практиковалась выдача денежных пособий, тканей и нательных крестов; однако подобные поощрения зачастую приводили лишь к формальному принятию веры. К числу принудительных мер относились ссылки в центральные губернии России, применявшиеся в качестве демонстративного, назидательного воздействия. Также власти прибегали к дифференцированным льготам: новокрещенным предоставляли более выгодные социальные условия, а отказ от крещения мог повлечь экономические ограничения.

Местное население предпринимало ответные меры: организовывало протестные выступления и направляло многочисленные обращения в органы власти, вплоть до императора.

Со стороны властей в течение всего исследуемого периода прослеживается осторожная, но последовательная политика, направленная на обращение местного населения в православие и обусловленная как внутренней консолидацией империи, так и геополитическими интересами.

В отличие от православия, ислам интегрировался в систему традиционных норм и служил ресурсом этноконфессиональной идентичности, укрепляя связи с соседними обществами; его распространение отражало процесс общинной консолидации и соответствовало устоявшемуся укладу жизни ингушей.

Российские власти затратили значительные ресурсы на интеграцию ингушского общества через христианизацию, однако эти меры не привели к устойчивому результату: в ингушской среде утвердился ислам.

Прогрессивная роль России в конфессиональном вопросе в отношении ингушей заключалась в том, что, вопреки своим государственно-национальным

интересам, она не стала насаждать собственную религию и культуру среди народа, который добровольно вошел в ее состав, а позволила ему определиться со своим выбором. Несмотря на то, что по условиям договора 1810 г. ингушам запрещалось принимать магометанство и строить мечети, к концу XIX в. значительная часть ингушского народа исповедовала ислам. Результатом лояльного подхода со стороны России стал выбор исламской религии и культуры ингушами, что, в свою очередь, консолидировало их с чеченцами и народами Дагестана на почве религиозной солидарности.

Включение в состав России народа, в среде которого утверждался ислам, стало первым подобным опытом российской политики на Кавказе и послужило ориентиром для последующей практики взаимодействия с другими северокавказскими обществами.

С течением времени ислам получил широкое распространение в различных сферах жизни ингушского общества и активно влиял на многие аспекты семейного и общественного быта, включая примирение в случаях кровной мести, семейно-брачные отношения, порядок наследования имущества, похоронно-поминальные обряды и др. Укрепление общности на основе исламских норм сыграло значимую роль в развитии ингушской социокультурной традиции и стало одним из факторов формирования поликонфессионального характера российского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Этногенез ингушей, как и у других народов Северного Кавказа, был длительным и сопровождался значительными сложностями и противоречиями. Формирование этноса происходило на базе взаимодействия этнического субстрата (так называемого «этнического ядра») с соседними этнокультурными компонентами, среди которых — чеченцы, кабардинцы, грузины, хевсуры и отчасти дагестанцы.

Специфика этногенеза ингушей была обусловлена их географическим положением в центре Северного Кавказа, что способствовало миграциям различных этнокультурных компонентов, а также природно-географическими условиями. Не менее значимым фактором стало расположение в зоне транспортного коридора — Дарьяльского ущелья, соединявшего Грузию и Россию.

Важным этапом в оформлении этнической идентичности ингушей стал период вхождения в состав России (1810 год). Ее основу составляли единый язык, общая территория и ландшафт проживания, историческая память, ментальные установки, а также элементы материальной и духовной культуры. Консолидации народа способствовал ряд факторов, в том числе внешние угрозы и внутрорегиональная напряженность. Экстремальные условия выступали значимым стимулом сплочения и формирования единого социокультурного сообщества.

К периоду политического вхождения ингушей в состав России, на фоне договоренностей 1770-х и присяги 1810 года, у народа уже были выраженные атрибуты этнической идентичности. Последующие интеграционные процессы способствовали их развитию и обеспечили условия для самосохранения и безопасности в составе Российской империи.

2. Острая конкурентная борьба нескольких региональных держав в XVIII–XIX веках свидетельствует о геополитической и территориальной значимости Кавказа. Наряду с военно-техническим преимуществом существенную роль в

стратегии региона играл человеческий потенциал — местное население. Немногочисленный ингушский народ оказывал заметное влияние на политические события на Северном Кавказе в XVIII–XIX веках. Комплекс объективных условий и субъективных факторов создал предпосылки для масштабных исторических процессов, в которых ингуши играли активную роль.

Военно-политическое соперничество между Россией, Османской империей и Персией в XVIII–XIX веках способствовало формированию центростремительной тенденции народов Северного Кавказа в состав Российской империи. В основе этого процесса лежали не только военно-технические преимущества России, но и особенности ее административной практики, включавшие учет традиционных институтов местных обществ. При этом религиозная общность с Османской империей и Персией не привела к устойчивой политической консолидации северокавказских обществ с этими державами.

Уникальность ситуации на Северном Кавказе для России состояла в том, что кабардинцы в числе первых вошли в состав государства, а чеченцы присоединились к антироссийскому движению Шамиля, который занимал протурецкие позиции. В этих условиях соотношения про- и антироссийских сил балансировали ингуши, а потому российским властям, чтобы сохранить баланс в свою пользу, необходимо было всеми доступными мерами привлечь ингушей на свою сторону. Когда в 1841 году возникла дилемма между российскими порядками и движением имама Шамиля, ингуши сохранили верность присяге 1810 года и выступили против повстанцев. Это событие имело важное политическое значение для утверждения позиций России на Кавказе.

3. XVIII–XIX века были насыщены военно-политическими событиями, которые оказали существенное влияние на геополитику региона в целом, а в частности — на судьбу народов Северного Кавказа. Ключевыми вехами стали Каспийский поход Петра I 1722 года, а также русско-турецкие войны XVIII столетия. Эти события имели непосредственное отношение к судьбам северокавказских народов, включая ингушей.

Тяготение ингушей к интеграции в состав Российской империи формировалось в контексте борьбы великих держав за Кавказ, в том числе на фоне русско-турецкой войны 1768–1774 годов. В 1770 году в этом военно-политическом контексте был заключен договор о подданстве ингушей.

Ключевым этапом в процессе вхождения ингушей в состав России стало подписание 22 августа 1810 года договора о подданстве, имевшего юридически значимый статус. Этот акт стал важнейшим рубежом в истории народа и положил начало новому этапу его социально-экономического и политического развития. Среди значимых положений договора — обеспечение сохранения этнокультурной идентичности ингушей, гарантия их безопасности и возможность развития в составе Российской империи. Документ создал условия для дальнейшей интеграции ингушских обществ в имперское пространство.

Малочисленные этносы нередко оказываются на периферии крупных исторических процессов либо подвергаются ассимиляции — подобных примеров в истории достаточно. В случае ингушей сохранению этнокультурной идентичности во многом способствовало вхождение в состав Российской империи и интеграция в ее политико-административное пространство.

Однако политическая интеграция не была однонаправленным поступательным процессом, а напротив, была сопряжена со многими проблемами объективного и субъективного характера.

4. Экономику ингушского общества важно анализировать в динамике и в связи с другими сферами его жизнедеятельности. Ее развитие определялось комплексом факторов, среди ключевых — природно-географические условия. С учетом этих условий традиционными отраслями хозяйства ингушей являлись земледелие и скотоводство.

Экономика ингушей в исследуемый период, вплоть до миграций на равнину в XIX веке, носила экстенсивный характер. Ее развитие шло за счет роста трудовых ресурсов, расширения обрабатываемых площадей и таких приемов, как террасирование земель. Демографические процессы и

обусловленный ими прирост населения, наряду с иными факторами, с XVII века обусловили миграционные процессы из горных районов на равнину.

Миграции на равнину представляли объективный, естественный процесс и сыграли прогрессивную роль в судьбе ингушского народа тем, что расширяли возможности для социально-экономического, политического и культурного прогресса. Непосредственное соседство с казацкими станицами и связь с российской культурой сыграло прогрессивную роль в судьбе ингушского народа в преобразовании их социально-экономического уклада от патриархального до уровня современного российского. В результате вхождения в состав России в экономике ингушей обозначилась тенденция трансформации от экстенсивной к интенсивной. Очевидными признаками такой тенденции стало возникновение и развитие промыслов, что открывало реальный путь для интенсификации экономики.

Миграции ингушей на равнину были естественным процессом, который создал условия для социально-экономического и культурного развития народа. Непосредственное соседство с казачьими станицами и контакты с российской культурой способствовали трансформации традиционного уклада: от патриархально-общинных форм к новым хозяйственным практикам в рамках общероссийского пространства. В результате вхождения в состав России в экономике ингушских обществ наметился переход от экстенсивного к интенсивному типу развития. Признаками этой тенденции стали возникновение и развитие промыслов, что открывало возможности для интенсификации хозяйства.

На раннем этапе ключевыми занятиями были строительство башен и домашние ремесла (обработка шерсти, ткачество, деревообработка). Впоследствии получили развитие лесозаготовки и поставки древесины, в том числе во Владикавказ, а также отдельные соляные промыслы; на рынках реализовывали строевой лес и сено. Эти процессы свидетельствовали о тенденциях к интенсификации хозяйства и вовлеченности ингушских обществ в рыночные связи. Параллельно, в результате культурного взаимодействия с

казачьими станицами, расширилось огородничество и усилились торговые контакты между ингушами и казаками. Данные виды деятельности формировались в рамках аграрной экономики и стимулировали хозяйственную инициативу, способствуя становлению новых форм товарообмена.

Любой прогресс сопряжен с определенными проблемами объективного и субъективного характера. Проблемный характер носили повинности и налоги в российскую казну, значительная часть которых использовалась на благоустройство ингушских поселений. Несмотря на обременительный характер, эти расходы обеспечивали социальное развитие ингушей, без которых прогресс был маловероятен.

Главным итогом экономических преобразований следует признать следующее: за относительно короткий исторический период – конец XVIII – XIX вв., экономика ингушей почти сравнялась с общероссийской, что стало следствием интеграционных процессов.

5. Экономическая дифференциация и социальная стратификация являются необходимыми условиями динамической стабильности и общественного прогресса и характерна для любого типа обществ. Социальная стратификация посредством конкурентной борьбы обеспечивает социально-экономический прогресс общества.

Сведения современников и суждения историков об отсутствии сословий у ингушей действительно часто связывали с отсутствием экономической и внеэкономической зависимости, то есть эксплуатации чужого труда в масштабах, характерных для крепостного строя. Однако этот вопрос остается предметом дискуссий в исторической науке.

Социальная стратификация у ингушей коррелировала с уровнем экономического развития. В условиях горной местности дифференциация общества была минимальной, что было обусловлено натуральным хозяйством и ограниченностью экономической деятельности земледелием и скотоводством.

Существенный прогресс в социальной стратификации и общественных отношениях наблюдается в связи с миграциями ингушей из горных областей на

равнину. Простор для экономической деятельности и ее разнообразие, обусловленные миграциями, существенно повлияли на социальные отношения и стратификацию. Появились новые виды деятельности промыслов, которые существенно повлияли на стратификацию общества и социальный прогресс. Социальной прослойкой в ингушском обществе была малочисленная каста «лаев», которая не играла существенной роли ни в экономике, ни в социальных отношениях.

Российские власти предоставили ингушам возможность свободно интегрироваться в российское экономическое пространство с учетом специфики традиционных социальных устоев. Среди русского казачества отсутствовали крепостнические отношения, что соответствовало характеру и ментальности ингушей, поэтому интеграция происходила успешно.

Существенной особенностью социальных отношений ингушей была подчиненность на основе экономической дифференциации, и более того, личная зависимость или эксплуатация ментально не были приемлемы и категорически исключались из социальных отношений ингушей. Основной нравственной категорией, которая регламентировала общественные отношения, была «эздил» – чувство благородства. Ментальность ингушей исторически формировалась на чувстве свободы и независимости, которые стали одной из основ национального характера.

Всякие прогрессивные изменения наряду с конструктивным потенциалом имеют негативные, и социальная интеграция ингушей была связана с определенными проблемами. Поэтому ингуши в процессе консолидации в российское социокультурное пространство вынуждены были проявить терпение к определенным издержкам в виде штрафов за нарушение порядков и норм поведения, учрежденных Российскими властями.

Благодаря лояльной политике российского правительства социальные отношения ингушей за относительно короткий исторический период – XIX в. – стали на один уровень с местным русским казачеством, и интеграция прошла с

сохранением традиционных, национальных, социальных и ментальных устоев ингушей.

6. Общественный и семейный быт народа является важным атрибутом и критерием уровня социально-экономического развития.

Трансформация общественного и семейного быта ингушей в XVIII – XIX вв. очевидна и обусловлена процессами вхождения в состав России. Однако изменения были сопряжены со многими проблемами, обусловленными полупатриархальным социально-экономическим укладом народа накануне вхождения в состав Российского государства.

С усложнением и разнообразием форм и условий экономической деятельности возросло напряжение в социальных отношениях, что было объективным явлением для рыночной экономики. Соответственно, если традиционный тейп и семейный быт были основаны на родственной солидарности, то в результате трансформации социально-экономических устоев он постепенно обрел территориальный характер. Таким образом, рыночные отношения и изменения в экономическом устое вели к трансформации традиционных устоев тейпа и семьи, а также родственной солидарности.

Среди острых конфликтогенных вопросов у ингушей выделялись кровная месть, порядок примирения (маслахат) и нормы, связанные с брачно-семейными отношениями. Для их регламентации в 1879, 1887 и 1890 годах проводились межтейповые и сельские сходы, в которых совместно участвовали представители ингушских обществ и российской администрации. Традиционные механизмы разрешения конфликтов опирались на примирение и материальные компенсации (дийа), тогда как имперское право вводило публично-правовые санкции — штрафы, тюремное заключение и ссылку. Эти государственные меры принципиально отличались от адатных практик, поскольку основывались на нормах общероссийского законодательства и действовали параллельно с институтами посредничества.

Важной особенностью трансформации общественного и семейного быта было то, что изменения сохранили в первозданном виде морально-этические

устои народа, которые представляли национальный код ингушей, в числе которых – почтительное отношение к старшим, гостеприимство, этикет в семье и обществе, уважение к женщине или вежливые гендерные взаимоотношения, этническая солидарность и другие. На этих культурных кодах происходила преемственность и межпоколенная трансмиссия этноса.

7. Религия выступает важным фактором этнической консолидации и поддержания солидарности народа. История ингушей показывает, что становление единой конфессиональной системы было сложным и неоднозначным процессом. Вплоть до середины XIX века у ингушей наряду с исламскими устоями сохранялись элементы языческих верований и восточного христианства. Экономические и культурные контакты, в том числе с Грузией, способствовали распространению христианских представлений, однако в итоге доминирующей религией стал ислам.

В связи с вхождением в состав России и миграциями на равнину одним из приоритетов российской политики в отношении ингушей было обращение их в православие. Тем самым политика российских властей имела тенденцию и стратегию интеграции ингушей посредством религиозной консолидации. Такая стратегия представлялась естественной, так как каждая крупная держава заинтересована в консолидации общества посредством единой идеологии. Однако религиозная/идеологическая интеграция ингушей в состав российского государства проходила с большими перебоями и, пожалуй, гораздо сложнее, чем социально-экономическая. Тому были веские основания, в том числе потому, что ментальный склад народа исторически сложился в иных условиях и под влиянием других факторов.

Методы распространения христианства носили как ненасильственный (проповеднический), так и насильственный характер. В качестве стимулов для местного населения использовались материальные поощрения — деньги, ткани, крестики, — однако они имели ограниченный эффект. К числу принудительных мер относились в том числе ссылки в центральные губернии России, служившие средством устрашения и показательного наказания. Применялись также

практики дифференцированных льгот и ограничений: новокрещенным предоставлялись более выгодные социальные условия, а некрещенные подвергались экономическому давлению.

Местное население отвечало протестными выступлениями и коллективными обращениями по административной вертикали. На протяжении всего исследуемого периода со стороны российских властей прослеживается осторожная, но последовательная политика, направленная на христианизацию местного населения; в то же время ингуши стремились к консолидации на основе ислама.

Ислам оказался созвучен традиционным ценностям ингушского общества, и его принятие стало важным маркером национальной идентичности. Этот религиозный выбор был обусловлен культурно-историческими особенностями и соответствовал сложившемуся образу жизни народа.

Позиция российских властей в конфессиональном вопросе на Северном Кавказе отличалась сдержанностью: вместо принудительного обращения в православие имперская администрация выстраивала систему контроля через военно-народное управление. Несмотря на то, что по условиям договора 1810 г. ингушам запрещалось принимать магометанство и строить мечети, к концу XIX в. значительная часть ингушского народа исповедовало ислам. Религиозный фактор дополнял иные формы межрегиональной общности с чеченцами и дагестанскими народами.

Интеграция ингушского общества в состав Российской империи на фоне консолидации вокруг ислама стала одним из первых значимых опытов российской политики на Кавказе и послужила важным прецедентом для взаимодействия с другими народами региона.

С течением времени исламские нормы интегрировались в ряд сфер жизни ингушского общества и наряду с нормами российского законодательства влияли на регулирование конфликтов (в том числе примирение при кровной вражде), брачно-семейные отношения, порядок наследования имущества, похоронно-поминальные обряды и другие аспекты быта. Консолидация вокруг

ислама стала значимым фактором общественной самоорганизации ингушей и частью опыта сосуществования конфессий в составе Российской империи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

Архивные документы

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА):

1. Ф. 414. Статистические, экономические, этнографические и военно-топографические сведения о России (коллекция). Оп. 1. Д. 301.

2. Ф. 846. Военно-ученый архив (1520 – 1918 гг.). Оп. 16. Д. 160, 6238, 6242, 6429.

3. Ф. 13454. Главный штаб Кавказской армии (1806 – 1877 гг.). Оп. 2. Д. 234, 266, 366; Оп. 6. Д. 162, 166, 186, 297; Оп. 16. Д. 160.

Российский государственный исторический архив (РГИА):

4. Ф. 1268. Кавказский комитет. Оп. 1. Д. 292.

5. Ф. 1278. Государственная Дума. Третий созыв (1907 – 1912). Оп. 2. Д. 811.

6. Ф. 1287. Делопроизводство общего собрания Государственной думы 1908 – 1909 гг. Оп. 2. Д. 811, 1115.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (ЦГА РСО-Алания):

7. Ф. 26. Управление военного начальника Ингушского округа. Оп. 33. Д. 1.

8. Ф. 53. Штаб войск Терской области. 1861– 1863 гг. Оп. 1. Д. 490.

9. Ф. 245. Моздокская духовная консистория (1793 – 1801). Оп. 1. Д. 175.

10. Ф. 290. Управление военного начальника Владикавказского Терского округа Терской области. Оп. 1. Д. 19, 20, 21.

Центральный исторический архив Грузии (ЦИАГ):

11. Ф. 2. Канцелярия главноуправляющего Закавказским краем (1801 – 1846 гг.). Оп. 1. Д. 4423, 4426.

12. Ф. 488. Канцелярия экзарха Грузии (IX в. – 1921 г.). Оп. 1. Д. 5794.

Опубликованные документы и материалы

Сборники документов

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК):

13. Том II. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1868. – 1238 с.

14. Том III. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1869. – 767 с.

15. Том IV. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1870. – 1019 с.

16. Том VI. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1874. – 954 с.

17. Том VII. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1878. – 1011 с.

18. Том VIII. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1881. – 1033 с.

19. Том IX. / под ред. А.П. Берже. – Тифлис: Типография Главного управления наместника кавказского, 1884. – 979 с.

20. Акты Кавказской археографической комиссии об Ингушетии и ингушах: сборник документов / Сост. Л.М. Парова; Ред. Т.Х. Муталиев. – Назрань: Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева, 1995. – 246 с.

21. Документальная история образования многонационального государства Российского. В четырех книгах. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. – Москва: НОРМА, 1998. – 672 с.

22. Ингушетия в политике Российской империи на Кавказе. XIX век: сборник документов и материалов / Сост., вступ. ст., примеч., указах и др. М.М. Картоев. – Государственная архивная служба Республики Ингушетия; ГБУ Ингушский НИИ гуманитарных наук им. Ч. Ахриева (г. Магас). – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2014. – 604 с.

23. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX в. Сборник документальных материалов. В 2 т. / Сост.: П.А. Кузьминов, Б.К.

Мальбахов; под ред. В.Д. Дзидзоева, М.П. Мохначевой. – Москва: Поматур, 2005. – Т. 1. – 368 с.; Т. 2. – 392 с.

24. Об Ингушетии и ингушах. Сборник документов и материалов. XIX – XXI вв. / Сост. Харсиев Б.М-Г. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2020. – 564 с.

Историко-этнографические нарративы

25. Алкадари, Г.Э. Асари Дагестан. Исторические сведения о Дагестане / Г.Э. Алкадари. – Махачкала: Издательство «Терек», 1929. – 184 с.

26. Ахриев, Ч.Э. Ингуши (их предания, верования и поверья) / Ч.Э. Ахриев. // ССКГ. –Тифлис, 1875. – Вып. VIII. – С. 1 – 25.

27. Берже, А.П. Этнографическое обозрение Кавказа / А.П. Берже. – Санкт-Петербург: Типография брат. Пантелеевых, 1879. – 48 с.

28. Бларамберг, И.Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа / И.Ф. Бларамберг; перевод И.М. Назаровой. – Москва: Изд. Надыршин А.Г., 2010. – 400 с.

29. Броневский, С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе / С.М. Броневский. – Москва, Типография С. Селивановского, 1823. – Часть I. – 385 с.

30. Броневский, С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе / С.М. Броневский. – Москва, Типография С. Селивановского, 1823. – Часть II. – 485 с.

31. Гербер, И. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря, 1728 г. / И. Гербер // История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX вв. Архивные материалы / Под ред. М.О. Косвена и Х.-М.О. Хашаева. – Москва, Издательство Восточной литературы, 1958. – С. 20 – 58.

32. Гильденштедт, И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа 1770 – 1774 гг. / И.А. Гильденштедт. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук, 1809. – 386 с.

33. Гильденштедт, И.А. Путешествие по Кавказу в 1770 – 1773 гг. / И.А. Гильденштедт. Репринтное издание. – Санкт-Петербург: «Петербургское востоковедение», 2002. – 512 с.

34. Из горской криминалистики. 1868 г. // ССКГ. – Вып. III. – Тифлис, 1870. – С. 1 – 28.

35. Лаудаев У. Чеченское племя / У. Лаудаев // ССКГ. – Вып. VI. – Тифлис, 1872. – С. 1 – 27.

36. Освобождение зависимых сословий во всех округах Терского области // ССКГ. – Вып. I. – Тифлис, 1868. – С. 1 – 41.

Периодическая печать

37. Кавказ: газета политическая и литературная. – Тифлис, 1846 – 1900 гг.

38. Терские ведомости. – Владикавказ, 1868 – 1900 гг.

39. Ингушведческий корпус Грузии. Нарративы периодических печатных изданий Грузии об Ингушетии и ингушах (1846-1990 гг.) / Гл. ред. Хвтисо Мамисимедишвили. – Вып. III. – Тбилиси, 2026. – 312 с.

Статистические материалы

40. Кавказский календарь. – Тифлис: Канцелярия Кавказского наместника, 1845 – 1900.

41. Терский сборник. – Владикавказ: Типография Терского областного правления, 1890 – 1900.

Литература

Монографии и тематические сборники

42. 245 лет вхождения Ингушетии в состав России: время, события, люди. Материалы Всероссийской научной конференции, 17 марта 2015 года. – Назрань: Пилигрим, 2015. – 288 с.

43. 250 лет единения Ингушетии с Россией: время, события, люди. Сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции, Магас, 3-6 июня 2020. – Магас: Кеп, 2020. – 324 с.

44. Агларов, М. А. Сельская община в нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных

структур и этноса). Второе издание, дополненное. / М. А. Агларов. – Махачкала: Наука – Дагестан, 2014. – 290 с.

45. Айтберов, Т.М. Надир–шах Афшар и дагестанцы в 1741 году. / Т.М. Айтберов. – Махачкала: «Домпресс», 2011. – 202 с.

46. Албогачиева, М.С.-Г. Этнография и история ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX в. / М.С.-Г. Албогачиева. – Санкт-Петербург: Наука, 2011. – 180 с.

47. Ахмадов, Ш.Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX века (Очерки истории социально-экономического развития и общественно-политического устройства Чечни и Ингушетии в XVIII – начале XIX века). / Ш.Б. Ахмадов. – Элиста: «Джангар», 2002. – 528 с.

48. Булыгина, Т.А. Интеллектуальное пространство России XIX – XX вв. (на материалах Северного Кавказа): научное исследование / Т.А. Булыгина, С.Б. Калинин, М.Е. Колесникова. – Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2017. – 361 с.

49. Бурда, Э.В. Терское казачество в военной структуре Российского государства. (вторая половина XVI – начало XX в.) / Э.В. Бурда. – Нальчик «Эльбрус», 2013. – 232 с.

50. Бутков, П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. / П.Г. Бутков. В 3-х частях. Ч. III. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии наук, 1869. – 328 с.

51. Бутков, П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. / П.Г. Бутков. В 3-х частях. Ч. I. – Санкт-Петербург.: Типография Императорской академии наук, 1869. – 548 с.

52. Великая, Н.Н. Очерки этнографии чеченцев и ингушей / Н.Н. Великая, В.Б. Виноградов, З.И. Хасбулатова, Д.Ю. Чахкиев. – Грозный: Чечено-Ингушский государственный университет им. Л.Н. Толстого, 1990. – 96 с.

53. Волкова, Н.Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII – начале XX в. / Н.Г. Волкова. – Москва: Наука, 1974. – 276 с.

54. Гаджиев, В.Г. Разгром Надир-Шаха в Дагестане / В.Г. Гаджиев. – Махачкала: Типография Мининформпечати Дагестана, 1996. – 265 с.

55. Гамрекели, В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. / В.Н. Гамрекели. – Тбилиси: Мецниереба, 1968. – 112 с.
56. Далгат, Б.К. Материалы по обычному праву ингушей / Б.К. Далгат // Известия Ингушского научно-исследовательского института краеведения. Вып. 2–3. – Владикавказ, 1930. – С. 301 – 364.
57. Далгат, Б.К. Родовой быт и обычное право чеченцев и ингушей: исследование и материалы. 1892 – 1894 гг. / Б.К. Далгат. – Москва: ИМЛИ РАН 2008. – 380 с.
58. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В.В. Дегоев; 2-е издание, расш. и дополн. – Москва: «Русская панорама», 2003. – 512 с.
59. Дегоев, В.В. Кавказ и великие державы 1829 – 1864 гг. Политика, война, дипломатия / В.В. Дегоев. – Москва: Издательский дом «Рубежи XXI в.», 2009. – 560 с.
60. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. В 6 т., в 6 кн. – Санкт-Петербург: Склад издания у В.А. Березовского, 1871. – Т. 1. – Кн. 1. – 640 с.; 1871. – Т. 1. – Кн. 2. – 423 с.
61. Зязиков, М.М. На рубеже столетий. Ингушетия в конце XIX – начале XX веков / М.М. Зязиков. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2011. – 280 с.
62. Зязиков, М.М. Традиционная культура ингушей: история и современность / М.М. Зязиков. – Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ, 2004. – 314 с.
63. Ингушетия и ингуши / Сост. М.Д. Яндиева. Т. 1. – Назрань: «Мемориал», 1999. – 495 с.
64. Ингушетия: Популярная иллюстрированная энциклопедия / Сост. Я.С. Патиев; науч. ред. М.Г. Цароева, Т.Х. Матиев. – Магас: Сердало, 2023. – 816 с.
65. Ингуши: Сб. статей по истории и культуре ингушского народа. – Саратов: Приволжское издательство, 1996. – 322 с.

66. Исламмагомедов, А.И. Аварцы. Историко-этнографическое исследование XVII – нач. XX в. / А.И. Исламмагомедов. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2002. – 432 с.
67. История Ингушетии / М.Б. Долгиева, М.М. Картоев, Н.Д. Кодзоев, Т.Х. Матиев; Отв. ред. Н.Д. Кодзоев / Ингушский НИИ ГН им. Ч.Э. Ахриева. Изд. 4-е. – Ростов н/Д: Южный издательский дом, 2013. – 600 с.
68. История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. – Москва: Наука, 1988. – 659 с.
69. История народов Северного Кавказа (с древнейших времен до конца XVIII в.) / Отв. ред. Б.Б. Пиотровский. – Москва: Наука, 1988. – 544 с.
70. Клычников, Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827–1840 гг.) / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2002. – 494 с.
71. Ковальченко, И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. 2-е изд., доп. – Москва: Наука, 2003. – 486 с.
72. Кодзоев, Н.Д. О «добровольном вхождении» Ингушетии в состав Российской империи / Н.Д. Кодзоев. – Назрань: Издательство ООО «КЕП», 2020. – 64 с.
73. Кодзоев, Н.Д. Российские и иностранные исследователи и путешественники XVI – XIX вв. об Ингушетии и ингушах / Н.Д. Кодзоев. – Магас: ИНИИГН им. Ч. Ахриева, 2015. – 170 с.
74. Колесникова, М.Е. Северокавказская историографическая традиция: вторая половина XVIII – начало XX века / М.Е. Колесникова. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 496 с.
75. Колосовская, Т.А. История Кавказского военно-исторического отдела в лицах / Т.А. Колосовская. – Ставрополь: Изд-во «Печатный Двор», 2020. – 208 с.
76. Колосовская, Т.А. Российские военные в социокультурном пространстве Северного Кавказа XVIII - XIX вв. / Т.А. Колосовская; под ред. А.А. Кудрявцева. – Москва: Изд-во Каллиграф, 2015. – 240 с.

77. Крупнов, Е.И. Средневековая Ингушетия / Е.И. Крупнов. – Москва. Наука 1971. – 208 с.
78. Курукин, И.В. Персидский поход Петра Великого. Низовой корпус на берегах Каспия (1722-1735) / И.В. Курукин. – Москва: Квадрига; Объединенная редакция МВД России, 2010. – 381 с.
79. Кушева, Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI – 30 г. XVII в. / Е.Н. Кушева. – Москва: Академия наук СССР, 1963. – 371 с.
80. Мальсагов, А.У. Ингуши. История и века родословий / А.У. Мальсагов. – Нальчик: Эль-Фа, 2003. – 420 с.
81. Маркграф, О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа / О.В. Маркграф. – Москва: Типография С.В. Гурьянова, 1882. – 228 с.
82. Матвеев, В.А. Российская универалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В.А. Матвеев; изд. 2-е, испр. и доп. – Ростов-на-Дону: ООО «Омега Паблишер», 2012. – 560 с.
83. Матвеев, В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) / В.А. Матвеев. – Ростов-на-Дону: ЗАО «Книга», 2006. – 256 с.
84. Мининков, Н.А. Методология истории: пособие для начинающего исследователя / Н.А. Мининков; отв. ред. И.М. Узнародов. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. – 252 с.
85. Россия и Кавказ: история и современность. Материалы международной научной конференции / Под ред. А.К. Алиева, М.З. Магомедовой, М.А. Магомедовой, Т.К. Муслимова, Г.И. Юсуповой. (Махачкала, 22 октября 2009 г.). – Махачкала: Дагестанский научный центр РАН, 2010. – 800 с.
86. Теймураз, Царевич. История Грузии / Царевич Теймураз Багратиони. – Санкт-Петербург: [Б.и.], 1848. – 234 с.
87. Ткаченко, Д.С. «Мы на Кавказе воевали не для того, чтобы разбить неприятеля и уйти...» Социокультурная деятельность Кавказской армии (по

воспоминаниям и исследованиям современников) / Д.С. Ткаченко, Т.А. Колосовская. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. – 304 с.

88. Тусиков, М.Л. Ингушетия / М.Л. Тусиков. – Владикавказ: Гостино-литография «Красный Октябрь», 1926. – 243 с.

89. Хроника истории ингушского народа / Сост. Патиев Я.С., Патиев А.Я. – Москва, 2020. – 464 с.

90. Чахкиев, Д.Ю. Древности горной Ингушетии / Д.Ю. Чахкиев. – Магас: «Эль-Фа» 2003. – Т. 1. – 95 с.

91. Шебзухова, Т.А. Фронтир – как историческое и социокультурное явление / Т.А. Шебзухова. – Пятигорск: Рекламно-информационное агентство на КМВ, 2023. – 224 с.

92. Шеуджен, Э.А. Путь в историю: в поисках методологии исследования / Э.А. Шеуджен. – Майкоп: Адыгейский гос. ун-т, Качество, 2007. – 266 с.

93. Яковлев, Н.Ф. Ингуши / Н.Ф. Яковлев. – Москва; Ленинград: Издательство ОГИЗ Гос. Изд-во, 1925. – 136 с.

Научные статьи

94. Агиева, Л.Т. Из ингушского обычного права / Л.Т. Агиева // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2016. – № 2. – С. 72–87.

95. Аникеев А.А. Теоретические поиски в современной исторической науке и проблемы изучения истории Северного Кавказа / А.А. Аникеев, А.В. Лубский // Научная мысль Кавказа. – 1997. – № 3. – С. 52 – 64.

96. Бахрушин, С.В. К вопросу о крещении Киевской Руси / С.В. Бахрушин // «Христианство и Русь»: сборник статей. – Москва: Наука, 1988. – С. 31 – 46.

97. Боров, А.Х. Историческая наука Кабардино-Балкарии: к постановке теоретико-методологических проблем / А.Х. Боров // Вестник КБГУ. Серия Гуманитарные науки. – 1996. – Вып. 2. – С. 83 – 92.

98. Бугаев, А.М. Академик Ю.А. Поляков: значение научного наследия в свете современных проблем кавказоведения / А.М. Бугаев // Гуманитарий юга России. – 2015. – № 1. – С. 163–173.

99. Бузурганов, М.О. О добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России / М.О. Бузурганов, Н.К. Байбулатов, М.М. Блиев, В.Б. Виноградов, В.Г. Гаджиев // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982. – С. 48 – 63.

100. Булыгина, Т.А. История Северного Кавказа: новые исследовательские подходы / Т.А. Булыгина // Кавказоведение: опыт исследований: материалы международной научной конференции (Владикавказ, 13 – 14 октября 2005 г.). – Владикавказ, 2006. – С. 35 – 42.

101. Великая, Н.Н. О политике «ласканий» на Северном Кавказе в XVIII веке / Н.Н. Великая // Исторические науки. 2016. – № 1 (18). – С. 4 – 8.

102. Вертепов, Г. А. Ингуши (Историко-статистический очерк) / Г.А. Вертепов // Сказания об ингушах. – Майкоп: Тешам, 1991. – С. 5 – 49.

103. Гамрекели, В.Н. Социально-экономическая почва развития «Лекианоба» в XVIII в. / В.Н. Гамрекели // Вестник АН Груз. ССР. Отделение общественных наук. – Тбилиси, 1972. – № 1. – С. 120 – 142.

104. Гандарова, Л.Б. Принципы обычного права ингушей / Л.Б. Гандарова // Юридический вестник ДГУ. – 2018. – Т. 27. – № 3. – С. 18 – 21.

105. Гапуров, Ш.А. К 150-летию окончания Кавказской войны: о хронологии, причинах и содержании / Ш.А. Гапуров, А.М. Бугаев, В.В. Черноус // Научная мысль Кавказа. – 2014. – № 4. – С. 90 – 100.

106. Гапуров, Ш.А. Кавказская политика России в период наместничества П.Д. Цицианова / Ш.А. Гапуров, А.М. Сугаипова, М.А. Иразова // Вестник Чеченского государственного университета им. А.А. Кадырова. – 2015. – № 2 (18). – С. 49 – 56.

107. Гарсаев, Л.М. Нормы поведения в обычаях кровной мести «ч1ир» у чеченцев и ингушей / Л.М. Гарсаев // Рефлексия. – 2011. – № 2. – С. 31.

108. Гарсаев, Л.М. Обычай кровной мести чеченцев и современная практика примирения кровников в Чеченской Республике / Л.М. Гарсаев, А.М. Гарсаев // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей. Материалы международного научного форума (Геленджик, 3 – 5 апреля 2015 г.) / отв. ред. И.И. Горлова. – Москва: Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Южный филиал, 2015. – С. 483 – 497.

109. Грабовский, Н.Ф. Ингуши (Их жизнь и обычаи) / Н.Ф. Грабовский // ССКГ. – Вып. IX. – Тифлис, 1876. – С. 1 – 125.

110. Грабовский, Н.Ф. Экономический и домашний быт жителей Горского участка Ингушевского округа / Н.Ф. Грабовский // ССКГ. – Вып. III. – Тифлис, 1870. – С. 1 – 25.

111. Дзарахова, З. М-Т. Константы национального характера и менталитета ингушей / З. М-Т. Дзарахова // Научная мысль Кавказа. – 2006. – № 4. – С. 72 – 78.

112. Дзарахова, З. М-Т. Добыча соли / З. М-Т. Дзарахова // Ингуши / отв. ред. М.С.- Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. – Москва, Наука, 2013. – С. 127 – 129.

113. Дзарахова, З. М-Т. Традиционные ремесла / З. М-Т. Дзарахова // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева. – Москва: Наука, 2013. – С. 129 – 147;

114. Дзуматова, З.Р. «О племенах ингуш» – назрановцах, галашевцах, карабулаках, кистах ближних и др. (Из лекций, читанных в Императорской военной академии Генерального штаба)» / З.Р. Дзуматова // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2020. - № 1. – С. 10 – 14.

115. Картоев, М.М. К историографии вопроса инкорпорации Ингушетии в состав Российского государства / М.М. Картоев // Электронный журнал «Кавказология». 2026. № 1. С. 144 – 164.

116. Картоев, М.М. Ранние этапы этнической истории / М.М. Картоев // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева – Москва: Наука, 2013. – С. 46 – 58.

117. Кодзоев, Н.Д. К вопросу о сословных отношениях у ингушей в XVIII XIX вв. / Н.Д. Кодзоев // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2018. – № 2. – С. 32 – 34.

118. Кузьминов, П.А. Траектория сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. / П.А. Кузьминов // Кавказский сборник. – Москва: «Русская панорама», 2007. – Т. 4 (36). – С. 81–102.

119. Марковин, В.И. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргуна / В.И. Марковин // Древности Чечено-Ингушетии. – Москва: Наука, 1963. – С. 243 – 278.

120. Мужухоев, М.Б. Башенная архитектура / М.Б. Мужухоев // Ингуши / отв. ред. М.С.-Г. Албогачиева, А.М. Мартазанов, Л.Т. Соловьева – Москва: Наука, 2013. – С. 168 – 185.

121. Пантюхов, И. Ингуши (Этнографическо-антропологический очерк) / И. Пантюхов // Сказания об ингушах. – Майкоп: Тешам, 1991. – С. 56 – 72.

122. Сагов, Р.З. Центральный Кавказ по материалам археологии и антропологии (к вопросу этногенеза ингушей) / Р.З. Сагов // Кавказоведение: научные традиции и современность. Материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Е.И. Крупнова (8 апреля 2014 г., г. Магас). – Магас, 2014. С. 103 – 113.

123. Услар, П.К. О развитии грамотности между горцами / П.К. Услар // ССКГ. – Вып. III. – Тифлис, 1870. – С. 1 – 32.

124. Харсиев, Б.М.-Г. Добровольное единение Ингушетии с Российской империей по договору 1770 г. / Б.М.-Г. Харсиев // Россия и Кавказ: история и современность. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 1150-летию зарождения российской

государственности. (г. Грозный, 19 – 20 июня 2012 г.) – Махачкала, 2013. – С. 721 – 731.

125. Цечоев, А.Я. Идентичность в этногенезе ингушей / А.Я. Цечоев // Молодые исследователи современной России. Сборник статей VI Международной научно-практической конференции (2 декабря 2024 г., г. Петрозаводск). – Петрозаводск: «Новая наука» 2024. – С. 178 – 186.

126. Цечоев, А.Я. Интеграция ингушей в состав России в XIX – начале XX в.: культурный аспект. / А.Я. Цечоев // Вестник Вологодского государственного университета. – 2026. – № 1. – С. 36 – 39.

127. Цечоев, А.Я. Интеграция ингушей в состав России в контексте защиты государственных интересов / А.Я. Цечоев // Материалы Международной научно-практической конференции «Единое пространство исторической памяти народов Кавказа, победивших нацизм: к 80-летию победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» Ставрополь, 29 мая – 01 июня 2025 г. – Ставрополь: Северо-Кавказский Федеральный университет, 2025. – С. 202 – 205.

128. Цечоев, А.Я. К вопросу об этногенезе и этноидентичности ингушей / А.Я. Цечоев // Вестник Армавирского Государственного педагогического университета. – 2025. – № 1. – С. 149 – 156.

129. Цечоев, А.Я. Некоторые аспекты политической деятельности по реализации программы конституционно-демократической партии с 1905 по 1917 гг. / А.Я. Цечоев. // Материалы VII Международной конференции молодых ученых. (4 – 5 февраля 2010 г., г. Майкоп). – Майкоп: Адыгейский государственный университет, 2010. – Т. I. – С. 167–171.

130. Цечоев, А.Я. Первая научная экспедиция по изучению Кавказа / А.Я. Цечоев // Материалы Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Нальчик – 2002. Том IV. – С. 85 – 87.

131. Цечоев, А.Я. Позиция местного мусульманского духовенства в процессе вхождения Чечни и Ингушетии в состав России (вторая половина XVI – начало XVIII вв.). / А.Я. Цечоев // Материалы Всероссийской научной

конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. (19 – 23 апреля г. Нальчик), – Нальчик: Кабардино-балкарский государственный университет, 2004. – Том II. – С. 266 – 268.

132. Цечоев, А.Я. Религиозный плюрализм у ингушей и принятие ислама в XVIII – XIX вв. / А.Я. Цечоев // Вестник Волгоградского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 41– 45.

133. Цечоев, А.Я. Экономическая дифференциация и социальная стратификация у ингушей в XVIII – XIX веках / А.Я. Цечоев // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2024. – № 4. – С. 93 – 99.

134. Чабиева, Т.С. Некоторые особенности соотношения понятий «тейп» и «вирд» в ингушском обществе / Т.С. Чабиева // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова – 2011. – № 5 – 6. – С. 200 – 205.

135. Эльдиев, А. Специфика этно-религиозной ментальности ингушей // Развитие личности / А. Эльдиев. – 2010. – № 1. – С. 211 – 224.

Авторефераты и диссертации

136. Григорян, М.Р. Политические и правовые особенности интеграционных процессов на Северном Кавказе в XIX в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1 / Григорян Марианна Размиковна. – Пятигорск, 2025. – 32 с.

137. Гурова, Е.А. Имперская социокультурная практика в процессе присоединения и освоения иноэтничных окраин (на примере Северного Кавказа XIX века): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1 / Гурова Евгения Александровна. – Армавир, 2022. – 21 с.

138. Денильханов, И.С. Воздействие капиталистического уклада на традиционное общество (на примере Чечни второй половины XIX – начала XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 5.6.1 / Денильханов Исмаил Султанович. – Пятигорск, 2025. – 21 с.

139. Дзарасов, А.О. Российский имперский универсалистский вызов первой половины XIX века и реакция на него горцев Центрального и Северо-Восточного Кавказа: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Дзарасов Аслан Олегович. – Владикавказ, 2016. – 24 с.

140. Краснокутская Л.И. История шотландской миссии на Северном Кавказе (1802 – 1835 годы): автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Краснокутская Лидия Ивановна. – Пятигорск, 2000. – 22 с.

141. Махмудова К.З. Северо-Восточный Кавказ в политике России, Ирана и Турции в XVIII – 20-е гг. XIX в.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Махмудова Кемси Залимхановна. – Владикавказ 2013. – 28 с.

142. Мутаев, С. С-А. Народы Северо-Восточного Кавказа в «эпоху Великих реформ» 60 – 70-х гг. XIX в.: региональные особенности и результаты модернизационных преобразований: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Мутаев Сайди Сайд-Алиевич. – Ставрополь, 2020. – 24 с.

143. Умаров, Д.В. Интеграция народов Северного Кавказа в состав Российской империи: автореф. дис. ... док. ист. наук: 5.6.1 / Умаров Джамбулат Вахидович. – Грозный, 2024. – 52 с.

Список сокращений

АКАК – Акты, собранные Кавказской археографической комиссией

Д. – дело

ИМЛИ РАН – Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук

ИНИИГН – Ингушский научно-исследовательский институт гуманитарных наук им. Ч. Ахриева

Л. – лист

Оп. – опись

РГИА – Российский государственный исторический архив

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах

СКНЦ ВШ – Северо-Кавказский научный центр высшей школы

ТВ – Терские ведомости

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

ЦИАГ – Центральный исторический архив Грузии